

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State University»

Научный журнал издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2015 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *Дьердь Сарвари* (доктор наук, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ

Синаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дмитрий Иванович Широканов* (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Белоруссия), *Исаак В. Эберштейн* (доктор наук, профессор социологии, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow),
Oleg A. Barg (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Tula), *György Sarvari* (Ph.D. in Psychology, Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

International Editorial Council

Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D. in Communication, Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D. in Political Science, Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D. in Philosophy, Florida State University, USA), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D. in History, Lyndon State College, USA), *Dmitri I. Shirokanov* (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Isaac W. Eberstein* (Professor of Sociology, Ph.D. in Sociology, Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D. in Business Administration, Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

The values challenge for developing ethical leadership: research and practice agenda for values-based leadership. Part 2 <i>Scott Lichtenstein, Paul Aitken</i>	5	Ценностный вызов для развития этического лидерства: исследовательские и практические вопросы для лидерства, основанного на ценностях. Статья вторая <i>Лихтенштейн С., Эйткен П.</i>
Для чего переводить Ницше заново? <i>Перцев А.В.</i>	24	What do we need retranslating Nietzsche for? <i>Alexander V. Pertsev</i>
Проблема структуры научной картины мира <i>Сорока М.Ю., Булычёв И.И.</i>	32	The problem of the scientific view of the world's structure <i>Mikhail Yu. Soroka, Igor I. Bulychev</i>
Кризис рационалистического мировоззрения и единый метод обоснования научных теорий <i>Войн А.М.</i>	41	Crisis of rationalist worldview and a unified method of justification of scientific theories <i>Alexander M. Voin</i>
Виртуальная интерсубъективность: социальный и экзистенциальный аспекты анализа <i>Соколова Д.М.</i>	50	Virtual intersubjectivity: the social and existential aspects of the analysis <i>Dina M. Sokolova</i>
Феноменологические аспекты экологической безопасности <i>Тюрина Т.А., Аствацатуров А.Е., Басилаиа М.А.</i>	57	Phenomenological aspects of environmental safety <i>Tatyana A. Tyurina, Artyem E. Astvatsaturov, Mariana A. Basilaia</i>
«Некоторое равновесие с небольшой погрешностью»: экзистенциальная философия Я.С. Друскина <i>Авдеенков А.Н.</i>	65	«Some equilibrium with small inaccuracy»: Ya.S. Druskin's existential philosophy <i>Andrey N. Avdeenkov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Влияние психолого-педагогического наследия Герберта Спенсера на постановку проблем в отечественной психологии конца XIX – начала XX столетия <i>Жарова Д.В.</i>	75	Influence of Herbert Spencer's psychological and pedagogical heritage on problem definition in domestic psychology of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century <i>Darya V. Zharova</i>
--	----	---

Опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья (IASMHS): результаты психометрического анализа русскоязычной версии <i>Вайнштейн С.В., Бурдин М.В., Шабалин Е.Ю.</i>	81	Inventory of attitudes toward seeking mental health services (russian version): a pilot study of psychometric properties <i>Sergey V. Weinstein, Mikhail V. Burdin, Evgeniy Yu. Shabalin</i>
Диагностика рефлексивных умений на метакогнитивном уровне рефлексивной компетентности <i>Савченко Е.В.</i>	97	Diagnostics of the reflexive skills at the metacognitive level of the reflexive competence <i>Elena V. Savchenko</i>
Особенности ценностно-смысловой сферы людей с разной интенсивностью переживания угрозы возникновения чрезвычайной ситуации <i>Погорелов С.В.</i>	109	Features of value-notional sphere of people with different intensity of feeling the threat of an emergency <i>Sergey V. Pogorelov</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Религия и политическое сознание учащейся молодежи (по результатам социологического исследования студентов Санкт-Петербурга) <i>Клинецкая Н.В.</i>	116	Religion and political consciousness of students (based on the results of the sociological research of students in St. Petersburg) <i>Nina V. Klinetskaya</i>
Употребление алкоголя как фактор нарушений здоровья молодежи <i>Гордеева С.С.</i>	122	Alcohol consumption as factor of violations of youth's health <i>Svetlana S. Gordeyeva</i>
Информация для авторов	130	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 17.021.2

**THE VALUES CHALLENGE FOR DEVELOPING ETHICAL
LEADERSHIP: RESEARCH AND PRACTICE AGENDA FOR VALUES-
BASED LEADERSHIP. PART 2***

Lichtenstein Scott

Birmingham City University (Great Britain)

Aitken Paul

Bond University (Australia)

The authors argue that to achieve the shared aim of shifting 'from value to values' a move towards «moral capitalism» would be less constructive than embracing values-based leadership for sustainability.

This paper draws on a review of the nature of development, leadership development practice, empirical work and the use of metaphor to illustrate how morality varies by personal value systems. The Objectivists' view of the development and character of a person stemming from an external source including the Ten Commandments is juxtaposed to the Integrationists' viewpoint of modern science adopted by this paper; that leadership development is best guided not by moral norms but values-based leadership where motivational sources of human behaviour influence the actions of individuals and groups.

This paper explores three propositions: (i) Moral capitalism is over-simplistic when using ecological science to explore the relationship of leadership development to business, (ii) Moral development is less helpful than values-based leadership development, and (iii) Morality varies by leader's personal values.

Building on previous work of motivational and values theorists with our own research and practice, we examine the moral dynamic of how definitions of morality and moral capitalism vary by leader's personal values. For researchers, a review and extension of values-based leadership is provided, relevant empirical data presented and areas for further research are indicated. For practitioners, an assessment framework to track the invisible forces influencing perspective and behavior is given with questions of how to be authentic whilst pursuing a sustainable agenda amongst stakeholders with different values.

Key words: Personal Values; Leadership Development; Capitalism; Mutuality; Sustainability.

The Current State of Values Research in Leadership Development

Schwartz's [12] definition and operationalisation of values theory has become the pre-eminent values construct in the values-leadership behaviours domain of research [1, 13]. In an exploratory study of 218 managers from high-technology firms in the US

Sosik [13] used Schwartz's (1992) 56 item list of values (LoV) to examine the relationship with charismatic leadership behaviours and their outcome on managerial performance including followers' extra effort and organisational citizenship behaviour (OCB) contrasting high performing managers (N = 122) vs low performing managers (N = 96). Three out of four of the higher order motivational domains that Schwartz proposes, *Conservation* values, *Self-Transcendent* values and *Self Enhancement* values explained 10% of the variance of charismatic leadership behaviour at the $p < .001$. The relationship between *Openness to Change* values and charismatic leadership were not statistically significant.

Schwartz's concept of values theory [12] is shown below in Figure 1 which depicts his ten value types: *Self direction*, *Stimulation*, *Hedonism*, *Achievement*,

* First, the main ideas of the article were published in English as Abstract for 6th Developing Leadership Capacity Conference, 7–9 July, 2014, Lancaster University Management School. Interpretation of the article in Russian was provided by S. Turabova and A. Vnutskikh (pp. 14–23 of this Issue of the Journal). Readers can get acquainted with first part of the article in Issue 2(22), 2015.

Power, Security, Conformity, Tradition, Benevolence and Universalism. They are conceptualised as bi-polar in that espousing one group of values is a rejection of the opposite values. The ten values are conceptually

associated in four higher order motivational domains that are expressed as two bi-polar dimensional opposites: «Self Transcendence vs. Self Enhancement» and «Openness to Change vs. Conservation».

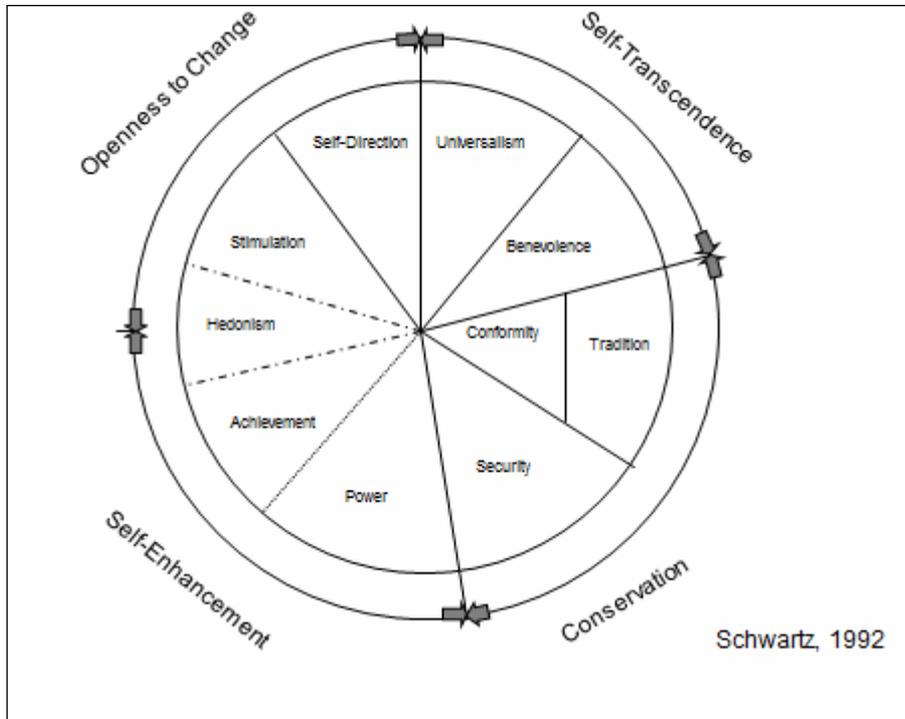

Figure 1. Schwartz's values and their four higher order motivational domains

Not all researchers have found Schwartz's higher order motivational domains to be apparent [1]. One criticism which could be levelled against Schwartz's model is that there is no developmental dynamic in the sense that his motivational domains are like points on a clock: your values are your values with no developmental stages. To overcome this, some researchers [7, 9] have attempted a 3 factor solution capturing a Maslovian dynamic to Schwartz's work, which is represented in Figure 2.

In a recent study, Higgs and Lichtenstein [7] analysed a sample of 3,012 UK workers' personal values using Schwartz Portrait Values Questionnaire (PVQ) that has been tested for reliability and validity, [15] an Exploratory Factor Analysis was carried out on Schwartz's ten values.

Using Varimax and Hair recommendation of a factor loading cut off of .45 the rotated solution (Table 1) resulted in a three factors that explained a total of 64.8 % of the variance. The rotated solution revealed all three factors having strong loadings of .6 and above.

Although exploratory at this stage, it does indicate that UK employees' and by extension leaders'

values are better explained by a three factor solution as predicted by Maslow's Sustenance Driven, Outer Directed and Inner Directed theory, rather than Schwartz's four high order motivational domains:

- i. The core Sustenance Driven values of Conformity, Security and Tradition,
- ii. The core of the Outer Directed esteem seeking values of Power, Achievement, Hedonism and Stimulation, and
- iii. The Inner Directed values of Universalism, Benevolence and Self Direction.

With these values, we could hypothesize leaders with these needs and values would have different interpretations of «moral capitalism». For those espousing the Sustenance Driven value system, who espouse Religion as part of the Tradition value conforms to an Objectivists' view of morality as coming from the Ten Commandments. Moreover, as part of espousing Tradition and Security they espouse following the rules and being satisfied with what life has given you, indicating that following the rules and behaving core to this belief system.

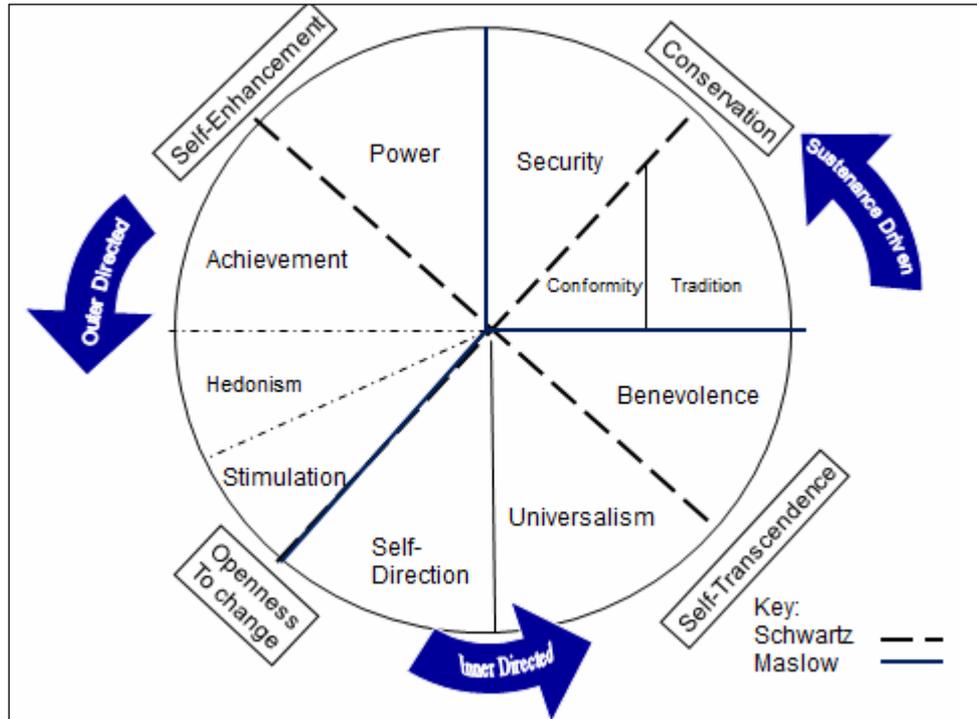

Figure 2. Schwartz values in a Maslovian Dynamic

Table 1. Exploratory Factor Analysis of UK Employees Values.

Factors Фактор	1 = Outer Directed	2 = Inner Directed	3 = Sustenance Driven
Power	.819	–	–
Achievement	.811	–	–
Hedonism	.698	–	–
Stimulation	.643	.525	–
Universalism	–	.814	–
Benevolence	–	.735	–
Self Direction	–	.676	–
Conformity	–	–	.839
Security	–	–	.684
Tradition	–	–	.616

(N = 3,012)

The Outer Directed value system is preoccupied by material wealth and visible success in all its guises including financial. This value system would be analogous to an immoral standpoint, whereby the only morality is «winning». Finally, those espousing values in the Inner Directed segment including self-choice, equality, fairness and caring for others is proposed as most closely associated with ethical values, where the ethics is being true to oneself. Leaders in this value set don't need to be told what is «right» and «wrong» and will be most disposed to a long term mutualistic, sustainable, long term perspective. However, their relative silence and inaction during the current corporate governance crisis since the financial fraud of August 2007 is perplexing and could be argued amounts to ethical cowardice. Have

leaders with the Outer Directed value system driving a parasitic immoral capitalism outflanked those leaders with ethical and traditional values and hijacked the Board room agenda? Whilst many in the leadership development community espouse the ethical value system we need to be aware of the values dynamic within leadership development, that those who we are developing may well not share our values and perspective.

Based on leadership research [1] a recent typology for values-based leadership development is proposed based on the three motivational domains of *Self*, *Business* and *Society* with the six value clusters and motivational domains which define drivers for leadership as seen in Table 2.

Table 2. Six Leadership Values Clusters.

Personal VALUES	Values Schwartz (List of 56 Values)	Motivational Direction & Engagement Focus
Needs of the Self		
Self-Approval	WEALTH (material possessions, money); SOCIAL POWER (control over others, dominance); PRESERVING MY PUBLIC IMAGE (preserving my «face» and status); RUTHLESS (drive to achieve personal ends); PERSONAL POWER (the right to exercise personal beliefs); SELF CENTRED (putting myself first); EGO DRIVEN (seeking self-esteem)	Motivated by external and self-centred measures of success Engaged by appealing to self-interest
Fulfilment	MEANING IN LIFE (a purpose for living); HUMBLE (modest, self-effacing); CHOOSING OWN PURPOSE (selecting how to live life); A SPIRITUAL LIFE (emphasis on spiritual, not material matters); INNER HARMONY (at peace with myself); SELF-DISCIPLINE (self-restraint, resistance to temptation); SELFLESS (putting others needs before your own, compassionate)	Motivated by internal and pro-social measures of success Engaged by appealing to personal and others' growth
Needs for Business		
Stay Steady	SENSE OF BELONGING (feeling colleagues are closely connected to me); LOYAL (faithful to my colleagues, group at work); RESPECT FOR TRADITION (preservation of customs, honouring those who have come before me); HELPFUL (working for the well-being of others at work); COLLEGIALITY (accommodating others ideas and feelings); LEGACY (building a lasting memorial)	Prefers a stable environment with reciprocal respect Engaged by appealing to sense of belonging

Continuing of Table 2

Personal VALUES	Values Schwartz (List of 56 Values)	Motivational Direction & Engagement Focus
Needs for Business		
Move Forward	INDEPENDENT (self-reliant, self-sufficient); SUCCESSFUL (achieving, stretching); CURIOUS (interested in everything, exploring); INNOVATION (engaging with novel and creative ideas); OPTIMISTIC (looking at life and work as an opportunity); RESOURCEFUL (finding ways to make things happen)	Prefers a fast moving environment with opportunity for personal impact Engaged by appealing to entrepreneurial spirit
Needs for Society		
World Citizen	A WORLD AT PEACE (free of war and conflict); UNITY WITH NATURE (fitting yourself into nature); DIVERSITY (tolerant of different cultures); RESPECT FOR LIFE (sanctity of human existence); ONE WORLDLINESS (sensitive to interconnectivity of people); ONE PLANET (sensitive to human impact on the Earth)	Connects with the world at large Engaged by appealing to worldly responsibility
Communal Concern	SOCIAL JUSTICE (correcting injustice, care for the weak); SOCIAL ORDER (stability of society); CIVILITY (courtesy, good manners, polite); CLEAN SURROUNDINGS (taking responsibility for ensuring quality environs); CIVIC PRIDE (taking responsibility for maintaining local reputation); NEIGHBOURLY (looking out for those living by)	Connects with the local community Engaged by appealing to community spirit

These values systems can be linked to linked Symbiosis and morality tendencies as proposed in Table 3 below.

Таблица 3. Шесть кластеров лидерских ценностей и возможные связи с симбиозом/тенденциями морали

Personal VALUES	Symbiotic Tendency	Morality Tendency
Self-Approval	Commensalism – Parasitism	Amoral – Immoral
Fulfilment	Mutualism – Commensalism	Moral – Amoral
Stay Steady	Mutualism	Moral
Move Forward	Mutualism – Commensalism – Parasitism	Moral – Amoral – Immoral
World Citizen	Mutualism	Moral
Communal Concern	Mutualism	Moral

The table reveals why any discourse and the actions emanating from it may prove difficult to change as they are anchored in value systems.

From the following theoretical and empirical work we believe that there is a moral dynamic which is underpinned by a leader's personal value system. Whether the values-based motivational domains are the six value clusters, Schwartz's or Maslow's, those with different values will have different moral tendencies. From the following discussion of the values-moral tendency link, the following proposition was proposed: **Proposition 3: Moral tendencies vary by leaders' values.**

The next section considers the forces confronting a values-based leadership approach.

Forces confronting a values-based leadership development

In 2013 we listened to the gushing media coverage surrounding the birth of a 21 century British monarch. As the commentary said, who knows what his world will be like? We can rely on the mere hope

that people, as part of our natural system, will continue to enjoy the benefits of their respective contributions, without irreversibly damaging any party in the process.

Alternatively, by embarking on community re-investment, re-establishment and re-invention, we can develop «mutualpreneurship» (similar to, although subtly different from, «philathropreneurship» [5]), which gives service to receive benefit; producing work and life conditions where everyone has a genuine longer-term «affective» or emotional, rather than «normative» or «continuous» commitment to [11] and stake in the rewards of producing a world better for all, including new additions to royalty and the environmental charities he will inevitably go on to support as a desperate last measure. Meanwhile, the world and especially nature cannot wait for his or anyone else's philanthropy.

Dussel [3] outlines three ethical principles which might underpin leadership development and therefore provide values guided informed choices. These are: «the material» — the production, reproduction and development of the life of each and every human in its biological, social and spiritual dimensions; «the communicative or intersubjective» — focused on ways of reaching agreement (equivalent to the school

of discourse ethics); and «the practical» — considerations of what is actually possible to achieve (equivalent to the pragmatic school of ethics).

Unfortunately, within our management practice and education system, there are powerful forces restricting our enlightenment as humanist-naturalist leadership change agents. To re-construct the moral ontology of leadership of Maak and Pless [10] will first require the de-construction of profound ideology-action(practices)-structure complexes [2], whilst also directly confronting the stigmatisation of any virtue as it hits the reality of organisational life [2] — see Table 4 and Table 5 below [2, 6].

From the all the coverage above, it is not surprising that the 2014 Edelman Trust Barometer [4] shows the largest ever gap between trust in business and government since the study began in 2001. This can be attributed to a continued destruction of trust in government that began in 2011, and a steady rise in belief in business since its nadir in 2008. In nearly half of the 27 nations surveyed, there is a gap of more than 20 points. In a few nations, the divide is as much as 40 points. This is a profound evolution in the landscape of trust from 2009 where business had to partner with government to regain trust, to today, where business must lead the debate for change.

Table 4. The Cultural-Ideological Forces Restricting Leadership Re-Framing. Source: Based on Burton (2013)

The rational administration of complexity	The impulse to order and simplify rather than describing the dimensions and layers of complexity, thereby discouraging systems thinking
Taming Natures	The wild and the natural is to be controlled, mastered, channeled, enclosed and suppressed; nature is seen as separate from humanity and humanity as separate from it
Linear Progress	Progress implies a linear path from the primitive to the modern with no detours and no end; thus all other frames of reference are out of scope because after all «you can't stand in the way of progress»!
The dominance of exchange and possession	As Marx & Engels observed «all that is solid turns to air...»...(or rather money); what was once free is subject to exchange relations and that which was once common is now owned — all that is made tangible is made concrete, possessed, processed and sold
The primacy of exploitation	The system survives on exploitation, with the high levels of consumption of the few (globally) dependent on varying degrees of workforce exploitation, often combined with denouement of the planet's living and mineral resources
Mono-culturality and the suppression of other cultural systems	Particular cultural forms and norms dominate and «alien» cultures are variously suppressed, trivialised or co-opted, just as identity politics is celebrated
Superiority	That the «western neo-liberal» civilisation is the pinnacle of human achievement and other cultures and by extension peoples are inferior; such operating principles are deeply engrained in our educational, institutional and political arrangements

Table 5. The Expression/Suppression of Virtues and the Organisational Threats They Purport to Pose.
Adapted from Giacalone & Promislo, 2013

<i>Human Virtues</i>	<i>Threat Posed</i>
ALTRUISM	Other's interests put before the organisations
BENEVOLENCE	Seen as incapable of making the «hard» decisions that could negatively impact shareholders
COMPASSION	Reluctant to enforce «tough» policies and practices
COURAGE	Could object to certain actions and activities
MORAL	Unwilling to do the «dirty» work resulting in growing profitability
FORGIVING	Incapable of addressing «poor» performers
GENEROUS	Could undermine the financial situation with «bad» choices
GRATITUDE	May not want to get over people to get ahead
HONESTY	Could leak too much information thereby damaging the organisation's «best» interests
HOPEFUL	Idealistic at the expense of dealing with reality
HUMBLE	Unwilling to «sell» the strengths of the business
PATIENT	May lack the desire to hustle people along
SOCIALLY RESPONSIBLE	Likely to lose focus on the financial health of the enterprise
SPIRITUAL	Distracted by «ethereal» concerns

The final section will conclude the paper.

Conclusion

This paper has explored three propositions: (i) Moral capitalism is over-simplistic when using ecological science to explore the relationship of leadership development to business, (ii) Moral development is less helpful than values-based leadership development, and (iii) Moral tendencies vary by leaders' values. Moreover, a values system framework has been offered as a tool for leadership development for practioners and researchers to reflect on the invisible forces driving visible behaviours.

Our role as leadership educators and developers is to respond to this increased breakdown in the promise of civil society by facilitating a deeper reflective dialogue, where our personal values and accompanying beliefs (as depicted in the Tables above) are exposed to public scrutiny within a broader curriculum not restricted to the study of business; and centered on the philosophy and history of social thought. Only then will we be able to embark on slaying «sacred cows» when they are no longer fit for our own and our children's future purpose on planet earth. We need to facilitate the development of wisdom beyond intellect [14], if we are not to repeat to reap what we sow.

Our proposed community based leadership development programme produces the ingredients for encouraging sustainability by learning from our past and present experience; and offers guidance on how these understandings might be mixed to create enterprises which work well for every living creature,

without over-exploiting the world's finite valuable resources, including humans. Whilst the «lean» movement has been helpful for reducing wastefulness and «circular» economics is a significant step change in the right direction for doing business, the deeper mutually reinforcing connections between increased brand equity, unwavering employee motivation, and customer loyalty within local communities, are yet to be fully realised. By creating a new learning programme based on the ideas in this paper, people will be positioned for emerging careers beyond current expectations. In fact, using newly acquired personal values insights, we may innovate mutually prosperous ways of working, alongside re-discovering our humanity. In developing these programmes we must acknowledge the moral and values dynamic. If we want to change behaviour towards a more sustainable future, we must understand the drives that underpin them. For example, leaders with needs for Control and Self enhancement will have very different meanings of «moral capitalism» and «mutualism»; much less have a motive for action to pursue them unless their needs and values can be fulfilled in the process.

What must leaders do? Leaders need to understand how their needs and values shape their moral and ethical stance. They also need to accommodate their leadership style to lead the business culture with directors, executives and managers with needs and values other than their own. New methods of contributing more to their team, division, business unit, organisation, community or society are unlikely to reach their full potential if leaders are creating dis-

ease with other stakeholders with values other their own. The values of the top team can and do create «dis-ease» with employees with different values at an unconscious level, which gives rise to beliefs such as «too much too soon» or «they (leaders) have lost the plot» that can lead to active resistance to policies and in the extreme case sabotage.

Leaders need to ask themselves a range of questions based on the insights provided by this paper if they are to attain the promise of a mutually interdependent and therefore more sustainable conducting of human enterprise, which the leadership development community can facilitate: (i) How do I determine the values, beliefs and motivations of my and my colleague's leadership? (ii) How can I improve my effectiveness by making sure I am appealing to those values at the basic level (i.e. gaining acceptance for policies and practices at the level that feels «right» to me)? (iii) How can I determine the values, beliefs and motivations of my main stakeholder groups (e.g. staff, suppliers, communities where we are located, customers, market analysts)? (iv) How can I alter or accommodate my approach to decision making and resource allocation, whilst also keeping my treasured policies/practices, to ensure that I meet a variety of needs and wants? (v) How can I learn to confront and navigate with others the moral dilemmas caused by personal values diversity; given I also have to make choices about the overriding purpose of my organisation and leadership, i.e. whose benefit does it ultimately serve?

As a developmental paper, this paper has inevitable shortcomings that could have been improved by more discussion of the relationship between Kohlberg's notions [8] of moral development and values, a more exhausted review of leadership-values research and potentially a clearer research agenda. We do hope the leadership development community will embrace values-based leadership, practioners will reflect on the invisible forces (needs and values) that have a visible impact on daily actions and behaviour and researchers endeavor to extend and research the propositions put forth in this paper. Of importance is the need to update our description and operationalisation of values for the 21st Century. Bearing in mind the socio-economic changes in society and the business environment, current notions of value systems developed in the 20th century are in need of updating to deal with contemporary leadership development challenges.

References

1. *Aitken P.* The relationships between Personal Values, Leadership Behaviour and Team Functioning // Doctor of Business Administration Thesis / Henley Management College, Brunel University. 2004. 59 p.
2. *Burton M.* A renewal of ethics // *The Psychologist*. 2013. Vol. 26, no 11. November. P. 802–806.
3. *Dussel E.* Ethics of liberation: in the age of globalization and exclusion. Durham, NC: Duke University Press, 2013. 752 p.
4. *The Edelman* trust barometer // The Fourteenth global opinion leaders' study. Available at: www.edelman.com/trust (Accessed 01.08.2015).
5. *Edelson M.* Rise of Philanthropreneurs. Available at: <http://carey.jhu.edu/one/2008/fall/rise-of-the-philanthropreneurs> (Accessed 01.08.2015).
6. *Giaccalone R.A., Promislo M.D.* Broken When Entering: The Stigmatisation of Goodness and Business Ethics Education // *Academy of Management Learning & Education*. 2013. Vol. 12, iss. 1. P. 86–101.
7. *Higgs M., Lichtenstein S., Samuel P.* Do Individual Values Priorities Predict Intentions to Behave at Work? // *Irish Academy of Management Conference* (Limmerick, Ireland, 03–05 Sep. 2014). 2014. Available at: <http://eprints.soton.ac.uk/366280/> (Accessed 01.08.2015).
8. *Kohlberg L.* Moral development // *The Cognitive Developmental Psychology of James Mark Baldwin: Current Theory and Research in Genetic Epistemology* / ed. by M. Broughton, D.J. Freeman-Moir. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corp., 1982. 482 p.
9. *Lichtenstein S., Dade P.* Engaging the Board: Integrity, Values and the Board Agenda // *International Journal of Business Governance and Ethics*. 2007. Vol. 4, iss. 1. P. 79–98.
10. *Maak T., Pless N.* Responsible Leadership. London, N.Y.: Routledge, 2006. 251 p.
11. *Meyer J., Allen N.* The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // *Journal of Occupational Psychology*. 1990. Iss. 63. P. 1–18.
12. *Schwartz S.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Zanna M.P. Advances in experimental social psychology*. San Diego: Academic, 1992. Vol. 24. P. 1–65.
13. *Sosik J.* The role of personal values in the charismatic leadership of corporate managers: A model and preliminary field of study // *Leadership Quarterly*. 2005. Iss. 16. P. 221–244.
14. *Sternberg R.J., Reznitskaya A., Jarvin L.* Teaching

for Wisdom: what matters is not what students know, but how they use it // London Review of Education. 2007. Vol. 5, iss. 2. P. 143–158.

15. *Verkasalo M., Lönnqvist J., Lipsanen J., Helkama K.* European norms and equations for a two dimensional presentation of values as measured

with Schwartz's 21-item portrait values questionnaire // European Journal of Social Psychology. Vol. 39, iss. 5, 2009. P. 780–792.

The date of the manuscript receipt 11.03.2015

About the authors

Lichtenstein Scott

Ph.D. in Business Administration, Senior Lecturer

Birmingham City University, Perry Barr
Birmingham B42 2SU, Great Britain
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Aitken Paul

Ph.D. in Business Administration,
Adjunct Professor

Bond University,
1, Parkhouse Road, Minehead,
Somerset TA24 8AB (UK), Australia;
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

Об авторах

Лихтенштейн Скотт

доктор наук, старший преподаватель

Бирмингемский городской университет,
Великобритания, Бирмингем, округ Перри Барр;
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Эйткен Пол

доктор наук, адъюнкт-профессор

Университет Бонд,
Австралия, Сомерсет,
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

Please cite this article in English as:

Lichtenstein S., Aitken P. The values challenge for developing ethical leadership: research and practice agenda for values-based leadership. Part 2 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 5–13.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лихтенштейн С., Эйткен П. Ценностный вызов для развития этичного лидерства: исследовательская и практическая повестка для лидерства, основанного на ценностях. Статья вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 5–13.

УДК 17.021.2

ЦЕННОСТНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭТИЧНОГО ЛИДЕРСТВА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ ЛИДЕРСТВА, ОСНОВАННОГО НА ЦЕННОСТЯХ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ*

Лихтенштейн Скотт

Бирмингемский городской университет (Великобритания)

Эйткен Пол

Университет Бонд (Австралия)

Авторы утверждают, что для достижения общей цели перехода «от ценности к ценностям» движение в сторону «морального капитализма» менее конструктивно для обеспечения устойчивости, чем принятие лидерства, основанного на ценностях.

Статья основана на анализе сущности развития, практики развития лидерства и эмпирической работы, на использовании метафор, которые показывают, как мораль зависит от личной системы ценностей. Обсуждается объективистский взгляд на развитие и характер личности, вытекающий из внешних источников, включая «Десять заповедей», и примыкающий к интеграционистским взглядам на современную науку; показано, что развитие лидерства ориентировано не на моральные нормы, а в основном на ценностно-ориентированное лидерство, в котором мотивационные ресурсы человеческого поведения влияют на действия индивидов и групп.

Рассматриваются три теории: 1. Моральный капитализм слишком упрощает ситуацию, когда использует экологические аналогии для изучения отношений развития лидерства и бизнеса. 2. Нравственное развитие менее полезно, чем развитие ценностно-ориентированного лидерства. 3. Мораль зависит от личных ценностей лидера. На основе теоретических работ, посвященных анализу мотивации и ценностному подходу, а также нашего научно-практического опыта мы рассматриваем нравственную динамику определения морали и морального капитализма через изменение личной системы ценностей лидера. Рассматривается понятие ценностно-ориентированного лидерства, представлена соответствующая эмпирическая база и указываются пути дальнейшего исследования. Для практиков будут интересны система оценки «невидимых сил», влияющих на перспективы и поведение, а также то, как сохранить аутентичность и, одновременно, решать поставленные задачи, если имеешь дело с заинтересованными людьми, у которых разные ценности.

Ключевые слова: личные ценности; развитие лидерства; капитализм; взаимная выгода; устойчивость.

Современное состояние исследования ценностей в развитии лидерства

Определение и операционализация теории ценностей Шварцем [12] стало выдающейся концепцией в области исследования ценностно-лидерского поведения [1, 13]. Так, исследуя деятельность 218

менеджеров из высокотехнологичных фирм США, Сосик использовал список ценностей Шварца, состоящий из 56 пунктов (LoV), чтобы проследить связь харизматичного лидерского поведения с его воздействием на процесс управления, включая сверхусилия и организационное гражданское поведение сотрудников (ОСВ), в сопоставлении высокопроизводительных менеджеров (N = 122) с низкопроизводительными менеджерами (N = 96). Три из четырех высших мотивационных сфер, которые описывал Шварц: ценности *Сохранения*, ценности *Выхода за пределы своего «Я»* и ценности *Самоутверждения*, объяснили 10 % вариаций харизматического поведения лидера при $p < .001$. Отношения между ценно-

* На английском языке основные идеи статьи были опубликованы как абстракт VI конференции «Developing Leadership Capacity Conference» (7–9 July, 2014, Lancaster University Management School). На русском языке статья публикуется впервые (перевод С.Ш. Турабовой и А.Ю. Внутских). С английским оригиналом второй части статьи можно ознакомиться в данном выпуске журнала на с. 5–13, а с первой частью — в выпуске 2(22) за 2015 г.

стью *Открытости к изменениям* и харизматичным лидерством не были статистически значимы.

Концепция ценностей Шварца [12] иллюстрируется ниже (рис. 1), характеризуются 10 типов ценностей: *Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижения, Власть, Безопасность, Конформность, Традиции, Доброта* и *Универсализм*. Они концептуализированы как двухполюсные, так что одна группа ценностей является отражением противоположных ценностей. Эти десять ценностей концептуально связаны в четыре мотивационные сферы высшего порядка, что проявляется как две биполярных одномерных противоположности: *Выход за пределы своего «Я»* и *Самоутверждение, Открытость к изменениям* и *Сохранение*. Не все исследователи посчитали мотивационные сферы высшего порядка Шварца бесспорными [1]. Один аргумент, который может быть выдвинут против модели Шварца, состоит в том, что не существует динамического развития в том смысле, что мотивационные сферы схожи

точками на часах: ваши ценности — это ваши ценности без каких-либо этапов развития. Чтобы преодолеть эту ограниченность, некоторые исследователи [7, 9] попытались представить трехфакторное решение, объединив динамику Маслоу и работу Шварца (рис. 2).

В своих последних исследованиях Хиггс и Лихтенштейн [7] проанализировали личные ценности 3012 британских работников, используя опросник Шварца, который тестировался на надежность и обоснованность [15]. Ими был проведен факторный анализ по десяти ценностям Шварца.

Использование рекомендаций Варимакса и Хайера о сокращении факторного веса на 0,45 после вращения (табл. 1) позволило объяснить три фактора с дисперсией в 64,8 %. Вращение показало, что все три фактора имеют значительный факторный вес (0,6 и выше).

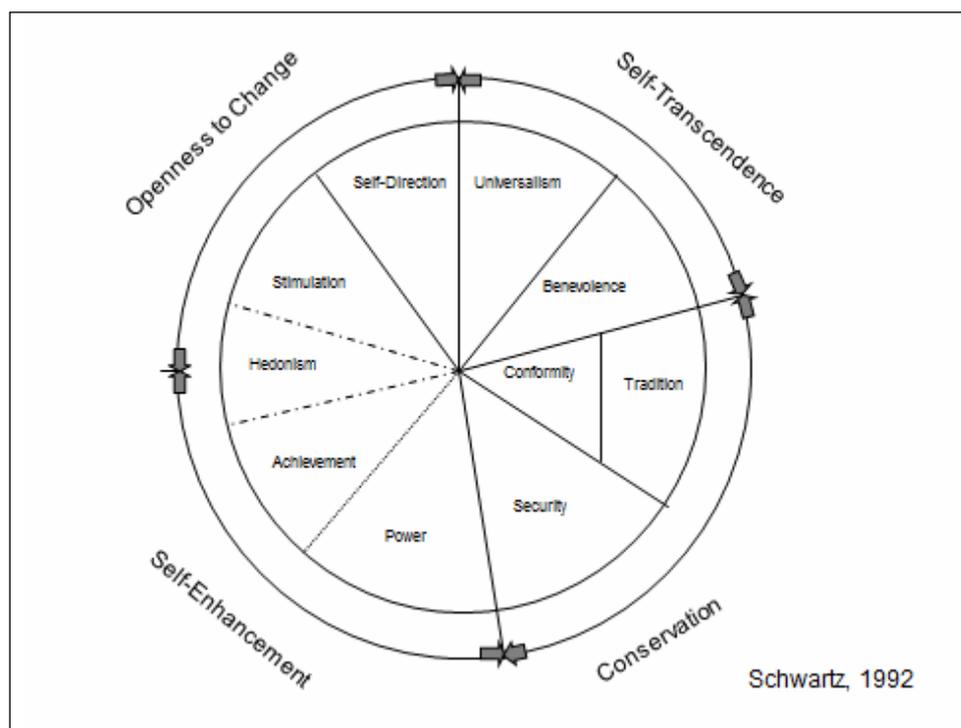

Рис. 1. Ценности по Шварцу и их четыре мотивационные сферы высшего порядка

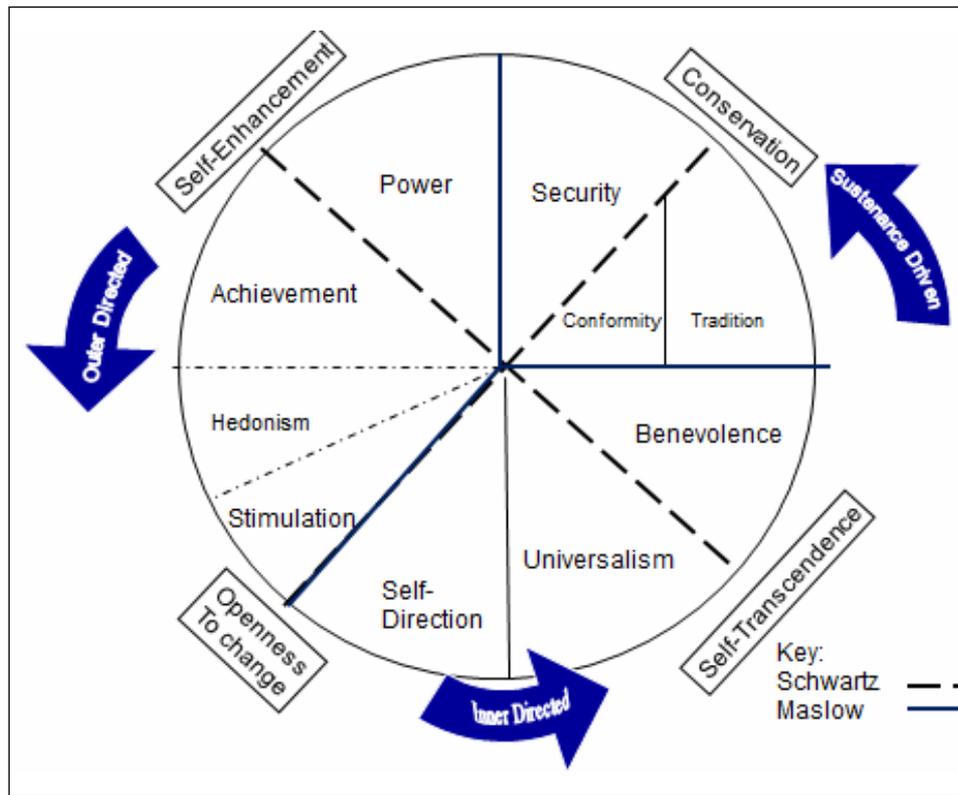

Рис. 2. Ценности по Шварцу в динамике Маслоу

Уже на данной стадии исследование показывает, что ценности британских работников и их лидеров лучше всего объясняются через трехфакторные решения, как представлено у Маслоу, — *Жизнеобеспечивающие, Ориентированные вовне, Ориентированные вовнутрь* мотивационные сферы (потребности), нежели через четыре мотивационные сферы высшего порядка у Шварца:

1. Ядро *Жизнеобеспечивающих* ценностей состоит в *Конформизме, Безопасности и Традиции*.

2. Ядро *Ориентированных вовне* ценностей стремится к *Власти, Достижениям, Гедонизму и Стимуляции*.

3. *Ориентированные вовнутрь* ценности заключаются в *Универсализме, Доброте и Самостоятельности*.

Мы можем предположить, что лидеры с этими потребностями и ценностями имеют разное понимание «морального капитализма». Для тех, кто придерживается *Жизнеобеспечивающей* системы ценностей, придерживается религии как части традиционных ценностей, это понимание соответствует взгляду объективистов на мораль как на приходящую из Десяти заповедей. Более того. Те, кто придерживается ценностей *Традиции* и *Безопасности*, придерживается и соответствующих правил и вполне довольствуется данной жизнью,

соотнося эти правила и желание следовать им со своей системой убеждений.

Ориентированная вовне система ценностей предполагает материальное богатство и очевидный успех во всех его ипостасях, включая финансовую. Эта система ценностей была бы аналогом безнравственной позиции, где только мораль «выигрывает». В конце концов те поддерживаемые ценности в *Ориентированном вовнутрь* сегменте, включая самостоятельный выбор, равенство, честность и заботу о других, предполагает более тесную ассоциацию с этическими ценностями, где этика — означает быть верным самому себе. Лидеры при этом наборе ценностей не нуждаются в том, чтобы им говорили, что есть «правильно» и что «неправильно»; они будут более расположены к длительной взаимовыгодной, устойчивой деятельности. Однако их бездействие в течение кризиса корпоративного управления и финансового мошенничества в августе 2007 г. приводит в недоумение и может быть оценено как этическая трусость. Обошли ли лидеры с *Ориентированной вовне* системой ценностей, продвигающей паразитирующий и безнравственный капитализм, тех лидеров, которые придерживаются этических и традиционных ценностей, и захватили ли они лидирующие позиции? Хотя многие в

сообществе развития лидерства поддерживают этическую систему ценностей, мы должны быть в курсе динамики развития лидерства. Те, кого мы

развиваем могут, и не разделять наши ценности и перспективы.

Таблица 1. Исследовательский анализ ценностных факторов британских работников

Фактор	1 = Ориентир. вовне	2 = Ориентир. вовнутрь	3 = Жизне-обеспечивающие
Власть	.819	–	–
Достижения	.811	–	–
Гедонизм	.698	–	–
Стимуляция	.643	.525	–
Универсализм	–	.814	–
Доброта	–	.735	–
Самостоятельность	–	.676	–
Конформизм	–	–	.839
Безопасность	–	–	.684
Традиции	–	–	.616

(N = 3,012)

Основанная на исследовании лидерства [1] новая типология развития лидерства базируется на трех мотивационных сферах: *Я*, *Бизнес* и *Общес-*

тво с шестью кластерами ценностей и мотивационными сферами, которые определяют лидерские драйверы (табл. 2).

Таблица 2. Шесть кластеров лидерских ценностей

Персональные ценности	Ценности по Шварцу (список из 56 ценностей)	Мотивационное направление & фокус взаимодействия
Собственные потребности		
Самоутверждение	<i>Богатство</i> (материальное имущество, деньги); <i>Власть в обществе</i> (контроль над всеми, доминирование); <i>Сохранение своего публичного имиджа</i> (сохранение своего «лица» и статуса); <i>Беспощадность</i> (путь к достижению личных ценностей); <i>Личная власть</i> (право осуществлять личные убеждения); <i>Сосредоточенность на себе</i> (выдвигать себя вперед); <i>Драйверы эго</i> (повышение самооценки)	Мотивированы внешними и внутренними способами достижения успеха Привлечение внимания к себе

Персональные ценности	Ценности по Шварцу (список из 56 ценностей)	Мотивационное направление & фокус взаимодействия
Собственные потребности		
Удовлетворение	<p><i>Смысл в жизни</i> (цель существования); <i>Спокойствие</i> (скромность, сдержанность); <i>Выбор собственной цели</i> (выбор образа жизни); <i>Духовная жизнь</i> (ориентация на духовные, нематериальные ценности) <i>Внутренняя гармония</i> (в согласии с собой); <i>Самодисциплина</i> (сдержанность, стойкость к искушению); <i>Самоотверженность</i> (считать чужие потребности важнее собственных, сострадание)</p>	<p>Мотивированы внутренними и просоциальными способами достижения успеха</p> <p>Привлечение к росту себя и других</p>
Потребности бизнеса		
Оставаться устойчивым	<p><i>Чувство принадлежности</i> (ощущение надежного контакта с коллегами); <i>Лояльность</i> (верный работе и коллегам); <i>Уважение традиций</i> (сохранение обычаев во имя тех, кто пришел раньше нас); <i>Полезность</i> (работа для благополучия других на рабочем месте); <i>Объединенность</i> (приспосабливаться к чужим идеям и чувствам); <i>Наследие</i> (продолжение «летописи»)</p>	<p>Предпочтительно стабильное окружение и взаимное уважение</p> <p>Взаимодействие основано на чувстве принадлежности</p>
Двигаться вперед	<p><i>Независимость</i> (самостоятельность, самодостаточность); <i>Успешность</i> (достижения, гибкость); <i>Любопытство</i> (интерес ко всему, изучение); <i>Инновационность</i> (взаимодействие с новыми творческими идеями); <i>Оптимизм</i> (взгляд на жизнь и работу как на возможность); <i>Изобретательность</i> (поиск способов решения задач)</p>	<p>Предпочтение к быстро меняющейся среде с возможностью личного влияния</p> <p>В основе взаимодействия лежит предпринимательский дух</p>
Потребности общества		
Гражданин мира	<p><i>Мир во всем мире</i> (без войн и конфликтов); <i>Единство с природой</i> (включение себя в природу); <i>Многообразие</i> (толерантность к другим культурам); <i>Уважение к жизни</i> (почитание человеческой жизни); <i>Единые границы</i> (чувствительность к взаимосвязи людей); <i>Единая планета</i> (чувствительность к воздействию человека на Землю)</p>	<p>Связан с миром в целом</p> <p>Настроен на всеобщую ответственность</p>
Общая забота	<p><i>Социальное правосудие</i> (восстановление справедливости, уход за слабыми); <i>Социальный порядок</i> (стабильность общества); <i>Корректность</i> (вежливость, хорошие манеры, сдержанность); <i>Чистота вокруг</i> (ответственность за качество пространства вокруг); <i>Гражданская гордость</i> (ответственность за поддержание местной репутации); <i>Добрососедство</i> (заботиться о тех, кто живет рядом)</p>	<p>Связан с местным сообществом в целом</p> <p>Настроен на дух сообщества</p>

Эти системы ценностей могут быть связаны с симбиозом и моральными тенденциями, как показано в табл. 3.

Таблица 3. Шесть кластеров лидерских ценностей и возможные связи с симбиозом/тенденциями морали

Личные ценности	Симбиотические тенденции	Моральные тенденции
Самоутверждение	Комменсализм – паразитизм	Аморальная – безнравственная
Удовлетворение	Мутуализм – комменсализм	Моральная – аморальная
Оставаться устойчивым	Мутуализм	Моральная
Двигаться вперед	Мутуализм – комменсализм – паразитизм	Моральная – аморальная – безнравственная
Гражданин мира	Мутуализм	Моральная
Общая забота	Мутуализм	Моральная

Исходя из данной таблицы можно понять, почему тот или иной дискурс и действия, исходящие из него, сложно изменить, так как они закреплены в системе личных ценностей.

В соответствии с упомянутой ниже теоретической и эмпирической работой мы можем утверждать, что существует динамика морали, и она опирается на личную систему ценностей лидера. Основанные на ценностях сферы мотивации представляются шестью кластерами ценностей по Шварцу или Маслоу, различные ценности соответствуют различным моральным тенденциям. Из следующего ниже обсуждения связи ценностно-моральной тенденции выдвигается предположение: **тенденции морали варьируются в зависимости от ценностей лидера.**

Силы, противостоящие ценностно-ориентированному лидерскому развитию

В 2013 г. мы были свидетелями потока новостей о рождении британского монарха XXI в. Как говорится, никто не знает, каким будет мир. Мы можем только надеяться, что люди, как часть нашей природной системы, продолжат получать удовольствие от преимуществ, соответствующих их вкладу, без необратимого разрушения в любой части этого процесса.

Напротив, путем внедрения в общество реинвестирования, восстановления и все новых изобретений мы можем развить «мутуальное» (взаимопо-

лезное) предпринимательство, сходное с «благотворительным» предпринимательством [5], хотя и несколько отличающееся от него, которое служит для того, чтобы получить благо; создает условия труда и жизни, где каждый имеет действительно долговременную и более «эмоциональную» приверженность, нежели «нормативное» обязательство [11]; делает ставку на создание мира, лучшего для всех, включая новые вклады в роялти и экологическую благотворительность, которую он неизбежно будет поддерживать в качестве последней отчаянной меры. Между тем мир и особенно природа не могут ждать его (или чьей-то еще) благотворительности.

Дассел намечает три этических принципа, которые могли бы подкрепить развитие лидерства и поэтому обеспечить ценностно-ориентированный осознанный выбор [3]. Это: «материальность» — производство, воспроизводство и развитие жизни каждого человека в биологической, социальной и духовной сферах; «коммуникативность или интерсубъективность» — основанные на путях достижения согласия (эквивалент школы дискурсивной этики); «практичность» — соображения в отношении того, чего действительно можно достичь (эквивалент прагматической школе этики).

К сожалению, в нашей практике управления и образовательной системе есть мощные силы, ограничивающие просветительскую деятельность как агентов гуманитарно-натуралистического изменения лидерства. Чтобы реконструировать моральную онтологию лидерства, Маак и Плисс [10] впервые предложили реконструкцию комплексов «идеология – практика – структура» [2], чему прямо противостоит стигматизация любой добродетели как наносящей урон реальности организационной жизни (табл. 4, 5) [2, 6].

Если исходить из сказанного выше, то не удивительно, что в 2014 г. «Барометр доверия» Эдельмана [4] показал самый значительный разрыв между доверием к бизнесу и доверием к правительству с момента начала изучения в 2001 г. Это может быть соотнесено с продолжительным уменьшением доверия к правительству, которое началось в 2011 г., и с устойчивым ростом доверия к бизнесу с момента его крайнего упадка в 2008 г. Почти половина из 27 наций, представители которых участвовали в опросе, имеет разрыв более чем в 20 пунктов. У некоторых наций разрыв достигает 40 пунктов. Это значимая эволюция «ландшафта доверия» с 2009 г., когда бизнес партнерствовал с правительством для того, чтобы восстановить доверие, до сегодняшних дней, когда бизнес должен вести дебаты в интересах изменений.

Таблица 4. Культурно-идеологические силы, ограничивающие изменение лидерства (по Бертону, 2013)

<i>Рациональное управление сложностью</i>	Движение к порядку и упрощению, более чем к характеристике измерений и уровней сложности, что препятствует системному мышлению
<i>Покорение природы</i>	Все природное должно контролироваться, управляться, ограждаться и подавляться; природа рассматривается как нечто отделенное от человечества, а человечество — как отдельное от нее
<i>Линейный прогресс</i>	Прогресс предполагает линейный путь от примитивного к современному без окольных путей и без конца; соответственно, все иные системы отчета не берутся в расчет, поскольку «вы не можете стоять на пути прогресса!»
<i>Доминирование денег и обладания</i>	Как заметили Маркс и Энгельс, «все, что твердо, превращается в воздух...» (или в деньги); все, что однажды было бесплатно при условии рыночных отношений, и то, что когда-то было общим, сейчас находится в собственности — все становится материальным, конкретизируется, присваивается, обрабатывается и продается
<i>Первенство эксплуатации</i>	Система выживает благодаря эксплуатации и высокому уровню потребления немногих (в глобальном смысле), зависит от изменения степени эксплуатации рабочей силы, часто проявляется совместно с истощением биологических и минеральных ресурсов планеты
<i>Монокультурогенез и подавление других культурных систем</i>	Конкретные культурные формы и нормы доминирующих и «чужих» культур являются в различной степени подавленными, банальными или кооптированными, одновременно торжествует политика развития идентичности
<i>Превосходство</i>	«Западная нелиберальная» цивилизация является вершиной человеческих достижений и, как следствие, иные культуры ей уступают; такие эксплуатирующие принципы глубоко укоренились в наших образовательных, институциональных и политических механизмах

Таблица 5. Выражение/подавление добродетелей и организационные угрозы, которые это может создать (по Джиколоне и Промисло, 2013, с изм.)

<i>Человеческие добродетели</i>	<i>Возможные угрозы</i>
<i>Альтруизм</i>	Интересы других ставятся выше интересов организации
<i>Благожелательность</i>	Выглядит как неспособность принимать «тяжелые» решения, что может негативно сказаться на акционерах
<i>Милосердие</i>	Нежелание проводить «жесткую» политику и практику
<i>Храбрость</i>	Может препятствовать определенным действиям и мероприятиям
<i>Моральность</i>	Нежелание выполнять «грязную» работу, приводящую к росту рентабельности
<i>Прощение</i>	Неспособность отчитать «слабых» работников
<i>Щедрость</i>	Может подорвать финансовую ситуацию из-за «плохого» выбора
<i>Благодарность</i>	Может препятствовать тому, чтобы заполучить больше людей и выиграть больше
<i>Преданность</i>	Может утекать слишком много информации, что подорвет «лучшие» интересы организации
<i>Подать надежду</i>	Идеалистический взгляд на реальность
<i>Скромность</i>	Нежелание «продать» сильные стороны бизнеса
<i>Терпение</i>	Может не хватать желания расталкивать других локтями
<i>Социальная ответственность</i>	Возможна потеря фокуса на финансовом состоянии предприятия
<i>Духовность</i>	Отвлечение на «неземные» проблемы

Заключение

В данной работе исследованы три утверждения: 1. Моральный капитализм слишком упрощает ситуацию, когда использует экологические аналогии для изучения отношений развития лидерства и бизнеса. 2. Нравственное развитие менее полезно, чем развитие ценностно-ориентированного лидерства. 3. Мораль зависит от личных ценностей лидера; моральные тенденции могут изменяться в зависимости от ценностей лидеров. Кроме того, был предложен инструмент развития лидерства для исследователей и практиков, размышляющих над невидимыми движущими силами и видимым поведением.

Наша роль как преподавателей и теоретиков лидерства заключается в реагировании на ускоряющееся ухудшение перспектив гражданского общества путем содействия более глубокому диалогу, в котором наши личные ценности и соответствующие убеждения (как показано в таблицах выше) подвержены общественному контролю; необходимо, чтобы учебные планы не были ограничены изучением бизнеса, а были сосредоточены на философии и истории общественной мысли. Только тогда мы будем способны отказаться от «священных коров», когда они будут непригодны для наших собственных целей и будущих целей наших детей на планете Земля. Нам необходимо способствовать развитию мудрости «по ту сторону» интеллекта [14], если мы не хотим пожинать то, что посеяли.

Предложенная нами программа сообщества, основанного на развитии лидерства, создает элементы для создания устойчивости в изучении нашего прошлого и настоящего опыта и предлагает руководство в том, каким образом эти элементы могут быть соединены, чтобы создавать предприятия, которые работают хорошо для каждого живого существа без излишней эксплуатации ресурсов, включая и человека. В то время как новые практики питания полезны для уменьшения расточительности, а замкнутые производства являются для бизнеса значительным шагом в правильном направлении, принцип углубления взаимовыгодных связей между развитым брендом, справедливостью, непоколебимой мотивацией сотрудников и лояльностью клиентов в местных сообществах еще не полностью реализован. Создавая новую обучающую программу, основанную на идеях этой статьи, люди ориентируются на развитие карьеры без шаблонных ожиданий. В

действительности, используя вновь приобретенные внутренние личностные ценности, мы можем прокладывать новые пути взаимовыгодного сотрудничества, заново открывая нашу гуманность. В развитии этих программ мы должны учесть моральную и ценностную динамику. Если мы хотим изменить поведение для более устойчивого будущего, то должны понимать драйверы, чтобы поддерживать их. Например, у лидеров с потребностями, ориентированными на *Сохранение* и *Самосовершенствование*, будет разное понимание «морального капитализма» и «мутуализма»; мотивация к деятельности будет намного меньше, если их потребности и ценности не могут быть реализованы в этом процессе.

Что должны делать лидеры? Лидеры должны понимать, как их потребности и ценности определяют их моральную и этическую позицию. Они должны совместить свой лидерский стиль с бизнес-культурой директоров, руководства и менеджеров, с потребностями и ценностями других более, чем со своими собственными. Новые методы развития команды, подразделения, бизнес-единицы, организации, сообщества или общества едва ли смогут реализовать свой потенциал в полной мере, если лидеры создают «дискомфорт» для других заинтересованных сторон с ценностями, отличающимися от их собственных. Ценности руководства могут создавать и действительно создают «дискомфорт» своим сотрудникам с различными ценностями на бессознательном уровне, что обеспечивает рост настроений «слишком много, слишком быстро», или «они (лидеры) сошли с ума», что в свою очередь может привести к сопротивлению проводимой политике, а в крайних случаях и к ее саботажу.

Лидерам следует задать себе ряд вопросов, основанных на идеях этой статьи, если они хотят достичь взаимно зависимых и, следовательно, более устойчивых связей на предприятиях, что общество, развивающее лидерство, может облегчить: (1) Как я детерминирую ценности, убеждения и мотивацию лидерства у себя и своих коллег? (2) Как я могу стать более эффективным и быть уверенным в том, что следую тем ценностям, которые находятся в основе (т.е. получаю признание для своей политики и практики на тех уровнях, которые считаю «правильными» для себя)? (3) Как я могу детерминировать ценности, убеждения и мотивацию основных заинтересованных сторон (таких, как персонал, поставщики, сообщества, в которых мы находимся, клиенты,

рыночные аналитики)? (4) Как я могу изменить или приспособить свой подход к принятию решений и распределению ресурсов, одновременно сохраняя свои собственные политику/практику, тогда как я встречаю множество потребностей и желаний? (5) Как я могу противостоять и управлять моральными дилеммами, вызванными разнообразием личных ценностей; я также должен сделать выбор по поводу первостепенной цели моей организации и лидерства, т.е. кому в конечном счете оно приносит пользу?

Как продолжающееся, незавершенное исследование эта статья имеет множество недочетов, которые можно исправить путем длительной дискуссии об отношениях между понятиями морального развития и ценностей по Кольбергу [8], с более детальным обзором изучения лидерских ценностей и более конкретной исследовательской повесткой. Мы верим, что сообщество, развивающее лидерство, возьмется за ценностно-ориентированное лидерство, практики оценят внутренние силы (потребности и ценности), которые оказывают видимое влияние на наши ежедневные действия и поведение, и исследователи выдвинут свои предложения в отношении тематики этой статьи. Важным является то, что нам необходимо обновить наше понимание и операционализацию ценностей в XXI в. Учитывая социально-экономические изменения в обществе и деловой среде, представление о системе ценностей, разработанное в XX в., следует обновить, чтобы справиться с современными проблемами развития лидерства.

Список литературы

1. *Aitken P.* The relationships between Personal Values, Leadership Behaviour and Team Functioning // Doctor of Business Administration Thesis / Henley Management College, Brunel University. 2004. 59 p.
2. *Burton M.* A renewal of ethics // *The Psychologist*. 2013. Vol. 26, no 11. November. P. 802–806.
3. *Dussel E.* Ethics of liberation: in the age of globalization and exclusion. Durham, NC: Duke University Press, 2013. 752 p.
4. *The Edelman trust barometer* // The Fourteenth global opinion leaders' study. Available at: www.edelman.com/trust (Accessed 01.08.2015).
5. *Edelson M.* Rise of Philanthropreneurs. Available at: <http://carey.jhu.edu/one/2008/fall/rise-of-the-philanthropreneurs> (Accessed 01.08.2015).
6. *Giacalone R.A., Promislo M.D.* Broken When Entering: The Stigmatisation of Goodness and Business Ethics Education // *Academy of Management Learning & Education*. 2013. Vol. 12, iss. 1. P. 86–101.
7. *Higgs M., Lichtenstein S., Samuel P.* Do Individual Values Priorities Predict Intentions to Behave at Work? // *Irish Academy of Management Conference (Limerick, Ireland, 03–05 Sep. 2014)*. 2014. Available at: <http://eprints.soton.ac.uk/366280/> (Accessed 01.08.2015).
8. *Kohlberg L.* Moral development // *The Cognitive Developmental Psychology of James Mark Baldwin: Current Theory and Research in Genetic Epistemology* / ed. by M. Broughton, D.J. Freeman-Moir. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corp., 1982. 482 p.
9. *Lichtenstein S., Dade P.* Engaging the Board: Integrity, Values and the Board Agenda // *International Journal of Business Governance and Ethics*. 2007. Vol. 4, iss. 1. P. 79–98.
10. *Maak T., Pless N.* Responsible Leadership. London, N.Y.: Routledge, 2006. 251 p.
11. *Meyer J., Allen N.* The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // *Journal of Occupational Psychology*. 1990. Iss. 63. P. 1–18.
12. *Schwartz S.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Zanna M.P. Advances in experimental social psychology*. San Diego: Academic, 1992. Vol. 24. P. 1–65.
13. *Sosik J.* The role of personal values in the charismatic leadership of corporate managers: A model and preliminary field of study // *Leadership Quarterly*. 2005. Iss. 16. P. 221–244.
14. *Sternberg R.J., Reznitskaya A., Jarvin L.* Teaching for Wisdom: what matters is not what students know, but how they use it // *London Review of Education*. 2007. Vol. 5, iss. 2. P. 143–158.
15. *Verkasalo M., Lönnqvist J., Lipsanen J., Helkama K.* European norms and equations for a two dimensional presentation of values as measured with Schwartz's 21-item portrait values questionnaire // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 39, iss. 5, 2009. P. 780–792.

Получено 11.03.2015

Об авторах

Лихтенштейн Скотт

доктор наук, старший преподаватель

Бирмингемский городской университет,
Великобритания, Бирмингем, округ Перри Барр;
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Эйткен Пол

доктор наук, адъюнкт-профессор

Университет Бонд,
Австралия, Сомерсет;
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

About the authors

Lichtenstein Scott

Ph.D. in Business Administration, Senior Lecturer

Birmingham City University, Perry Barr,
Birmingham B42 2SU, Great Britain;
e-mail: Scott.Lichtenstein@BCU.ac.uk

Aitken Paul,

Ph.D. in Business Administration,
Adjunct Professor,

Bond University,
1, Parkhouse Road, Minehead,
Somerset TA24 8AB (UK), Australia;
e-mail: paul.aitken@masteringleadershipagility.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лихтенштейн С., Эйткен П. Ценностный вызов для развития этичного лидерства: исследовательская и практическая повестка для лидерства, основанного на ценностях. Статья вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 14–23.

Please cite this article in English as:

Lichtenstein S., Aitken P. The values challenge for developing ethical leadership: research and practice agenda for values-based leadership. Part 2 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 14–23.

УДК 1:801.7

ДЛЯ ЧЕГО ПЕРЕВОДИТЬ НИЦШЕ ЗАНОВО?*Перцев Александр Владимирович**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Автор констатирует низкое качество переводов текстов Ф. Ницше на русский язык. По его мнению, именно это приводит к непониманию смысла данных текстов, к тому, что Ницше зачастую объявляется философом-иррационалистом. Анализируются альтернативные стратегии перевода И.А. Эбаноидзе и К.А. Свасьяна. Автор убежден, что перевод философского текста должен представлять собой ювелирно точную стилизацию, понятную современному читателю. В лингвистическом отношении перевод должен быть красивым, а в психологическом — должен захватывать, оказывая мощное эмоциональное воздействие. В противном случае у читателя неизбежно возникнет отчуждение, дистанцирование и от текста, и от самого автора. Язык текуч, со временем значения слов меняются, а значит, каждая культурная эпоха должна иметь свои собственные переводы выдающихся произведений прошлого. И именно поэтому Ницше необходимо переводить заново.

Ключевые слова: Ф. Ницше; перевод философских текстов на русский язык; языковое чутье; И.А. Эбаноидзе; К.А. Свасьян.

WHAT DO WE NEED RETRANSLATING NIETZSCHE FOR?*Alexander V. Pertsev**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

The author states low quality of Nietzsche texts' Russian translations. According to him this leads to misunderstanding of these texts, which is why Nietzsche often is called an irrationalist philosopher. I.A. Jebanoidze and K.A. Svas'yan's alternative translation strategies are analysed. The author is certain, that translation of a philosophical text has to be a precisely exact pasticcio intelligible for modern readers. As for linguistic aspect, the translation should be fine and as for psychological aspect — it should be frantic, making strong emotional impact on the reader. Otherwise the reader inevitably be estranged and distance him/herself from the text and from the author. The language is fluctuating, word meaning changes throughout centuries, which is why each cultural period should have its own translations of previous outstanding works. Therefore Nietzsche should be retranslated.

Key words: F. Nietzsche; Russian translations of philosophical texts; linguistic feeling; I.A. Jebanoidze; K.A. Svas'yan

После того как видный российский издатель В.М. Камнев выпустил в свет книгу наших переводов (включая новый перевод первой книги «Заратустры» [1]), мне пришлось отвечать на вопрос, вынесенный в название статьи, столь часто, что сейчас уже можно анализировать богатый статистический материал. В сущности, поначалу давалось два основных ответа. Первый из них сводился к тому, что Ницше у каждого свой — точно так же, как у каждого свой Пушкин. Только на родном языке мы просто читаем поэта по-своему (и никто не может сказать, как *правильно*). А с иностранного языка мы этого поэта еще и переводим по-своему. Второй ответ несколько противоречил первому: переводить на русский язык надо не

только по-своему, но и правильно. Во всяком случае, есть определенные границы, выходить за которые (вольно или невольно) нельзя. В идеале перевод должен быть выполнен так, чтобы за него можно было ответить и перед кафедрой немецкой филологии, и перед кафедрой русской литературы, а вдобавок еще и перед кафедрой истории философии.

* * *

Иные переводы Ф. Ницше — это, бесспорно, переводы с немецкого языка, но еще, к сожалению, не переводы на русский язык. Потому что русский язык переводчику упорно не дается, выворачивается, устраивает каверзы, которые порой вы-

зывают у читателя ужас, а порой — гомерический хохот.

Убедитесь сами: разве не натерпится страха тот, кто прочитает следующий афоризм, который, по уверениям переводчика, принадлежит перу Ф. Ницше?

«Утешения. В случае смерти чаще всего нуждаешься в утешениях не столько для того, чтобы смягчить силу скорби, сколько для того, чтобы оправдать, что так легко чувствуешь себя утешенным» [5, с. 457].

С первого раза, конечно, сказанное понять невозможно. Но после пятого или шестого прочтения чудовищный смысл афоризма начинает понемногу проясняться: «В случае смерти чаще всего нуждаешься в утешениях...». До сих пор было принято полагать, что «в случае смерти» уже не нуждаешься абсолютно ни в чем — даже в утешениях. Но, видимо, так бывает только с людьми заурядными. А перед нами, видимо, откровенные признания особого существа, которое имеет богатый опыт смерти и буднично делится им. Для этого существа смерть — *всею лишь случай*. Этакая житейская коллизия, которая случается с ним частенько. И существо может отнестись к этим *случаям смерти* чисто статистически. Оно может не моргнув глазом хладнокровно отметить, что *чаще всего* в случае смерти нуждаешься в утешениях. *Реже* — не нуждаешься. Но все-таки *чаще* — нуждаешься.

Читателю остается только ужаснуться: Фридрих Ницше описывает какого-то вурдалака, то и дело умирающего, а потом воскресающего, словно граф Дракула Задунайский. Впрочем, персонаж Ницше будет даже покруче знаменитого упыря. Тот, судя по голливудским кинофильмам, все же умирал непрозаично, со всем подобающим драматизмом и саспенсом. А описываемое Ницше существо даже и в ус не дует — смерть, мол, дело житейское, поддающееся статистическому анализу.

У читателя захватывает дух. Так вот он какой, оказывается, этот знаменитый сверхчеловек...

Как же тут не испугаться и не объявить Ницше мистиком-иррационалистом?

* * *

Спешим успокоить читателя: этот регулярно умирающий тип, который делится своим посмертным опытом, ничего общего с Ницше не имеет. Он всего лишь выдумка переводчика. Впрочем, даже и не выдумка, а его невольной получившаяся неумелая поделка. Как пелось в некогда популярной песенке юного неопытного волшебника, «сделать хотел грозу, а получил козу».

На самом же деле Ницше хотел сказать вовсе не то, что ему приписывают.

Он заметил — и это подтверждает современная психология, — что во время похорон родные и близкие пребывают в каком-то одурманенном состоянии — их чувства притупляются, они, кажется, не вполне осознают, что происходит. В этот момент человек стыдится своей бесчувственности — ведь умерший заслуживал неизмеримо большей скорби!

Вот здесь-то и протягивают руку помощи окружающие: они начинают утешать тебя и дают возможность оправдаться в собственных глазах: наверное, тебя так активно утешали, что сильно утешили, а потому скорбь и уменьшилась до столь малых размеров. И, конечно, окружающие помогают таким образом не из чистого альтруизма. Они тоже стыдятся своей бесчувственности и рассчитывают на ответную помощь — на твои утешения.

На самом деле ты вовсе не бесчувственный чурбан. Просто мать-природа хорошо позаботилась о тебе. Она не дает почувствовать всю силу скорби сразу, немедленно. Это мудро. Иначе бы воин во время битвы, увидев, как гибнет его лучший друг, не смог сражаться от горя и тоже погиб. Твои родные, близкие и соратники гибнут в критических ситуациях — и ты должен быть поразительно черствым в такие моменты, чтобы справиться с ударами судьбы, несмотря на потери. Зато потом, иногда долгое время спустя, скорбь накатит на тебя со всей силой. Чувство неоправданности произошедшего может нахлынуть спустя месяцы или годы — тогда ты вдруг остро почувствуешь, насколько не хватает навсегда ушедшего человека.

Как видим, у Ницше есть только *отсроченная скорбь*, но нет и не было никаких регулярно умирающих и регулярно воскресающих монстров, которые в случае смерти обычно нуждаются в утешениях...

* * *

Вот еще — перевод бессознательно пикантный (в том смысле, что переводчик не сознает его пикантности): «Но эта птица свила у меня гнездо себе, поэтому я люблю и прижимаю ее к сердцу — теперь на золотых яйцах она сидит у меня» [3, с. 26]. Перевод был успешно доработан Институтом философии и вошел в полное собрание сочинений уже в осознанно пикантном виде: «Но эта птица свила у меня гнездо; поэтому я люблю и прижимаю ее к сердцу, — теперь сидит она у меня на своих золотых яйцах» [4, с. 35].

И все равно некоторые вопросы остались. Можно ли прижимать к сердцу птицу, которая сидит на яйцах? Для этого надо лечь? Но тогда птицу можно испугать — и она тебя больно клюнет или с кудахтаньем улетит. Или для этого надо взять птицу на руки и прижать к груди. Но тогда она перестанет сидеть на яйцах. А поднести ее к груди вместе с яйцами затруднительно в чисто техническом плане. Отчего же такие сложности в понимании? Оттого, что Ф. Ницше был далек от сельского хозяйства? Может ли переводчик поправить его, чтобы не возникал неожиданный комический эффект? Не есть ли это посягательство на классику?

Чтобы читателю стало ясно: под птицей у Ницше подразумевается добродетель — так что яйца тут вообще ни к чему; в переводе их надо «спрятать» куда-то в тень, чтобы не наводить читателя на праздные размышления о том, какую нагрузку несет этот образ — яйца добродетели. Сказать, например, что она выводит у меня своих птенцов... Но это, как говорится, дело техники, вкуса и умения переводчика.

* * *

Читая переводы Ницше, до сих пор имевшие хождение в России и переиздающиеся ныне в огромных количествах в том же виде, неладное должен был заподозрить даже тот, кто не знает немецкого языка или никогда не видел работ этого философа в оригинале. Ведь сам Ницше считал себя выдающимся стилистом — реформатором немецкого языка, который он довел до совершенства. Более того, и другие тоже признавали его большим мастером слова.

А ведь никак нельзя заподозрить в Ницше великого стилиста, если читать его в русских переводах! Уж больно нескладно он порой изъясняется по-русски — просто какое-то бормотание. Как спрашивается, он мог вдохновить такой поэзией на творческие подвиги многих композиторов? К примеру, Карл Орф в 17 лет был настолько потрясен «Заратустрой», что взялся за сочинение оратории на текст «Ночной песни» из этой книги Ницше, даже не имея систематического музыкального образования. В 1898 г. Фредерик Дилиус написал цикл песен на стихи Ницше. Оратории и кантаты с его текстами создавались и менее известными композиторами — К. Блейле, А. Дипенброком, Ф. Фришеншлагером, О. Фридом, Э. фон Резничек. Песни на стихи Ницше писали В. Петерсон-Бергер, А. Веберн, А. Шенберг. Неужели же все эти композиторы страдали таким

поэтическим дурновкусием, что вдохновлялись столь косноязычными текстами?

Представим себе на минутку, что А.С. Пушкин обратился бы к А.П. Керн с такой нескладухой, которую переводчики приписывают Ницше:

«Легко я чувствую утешенным себя...»

Многие ли композиторы бросились бы писать музыку на эти стихи? Ведь это был девятнадцатый век, и требования к поэзии предъявлялись более высокие, чем на современных «фабриках звезд»...

* * *

Итак, переводить тексты Ф. Ницше заново нужно, во-первых, потому что прежние переводы страдают тяжелым косноязычием. Иногда это просто немецкий язык, в котором слова поштучно заменяются русскими, но такая «конструкция» не становится русским языком. Точно так же не является английским тот «Pigeon English», на котором говорит население Брайтон-Бич, или тот «Pigeon English», который у нас почему-то считается признаком продвинутого ученого и насаждается в вузах. Ох, не Шекспира это язык и не Твена...

Русский человек обладает языковым чутьем — содержание этого термина известно любому филологу. Он инстинктивно чувствует, что вот это слово тут непонятно почему не подходит — не подходит, и все тут! Поэт, мучимый поиском слова, может затосковать, запить, впасть в депрессию от сознания своей бездарности. Человек, который владеет «Pigeon English» или «Pigeon Russian», никогда мучиться таким образом не будет. Для него язык — это не дом Бытия, при котором человек достоин служить только пастухом, т.е. беречь и хранить, но отнюдь не творить Бытие по собственному усмотрению (это немецкий и русский взгляд на вещи). А вот для представителя англосаксонской культуры, на наш взгляд, все — информация, и не более того. И стихи — информация. И философия — информация. И теология — информация. А раз так, то языки можно менять как перчатки или как языки компьютерного программирования. А сейчас можно одним нажатием клавиши перевести любой текст на любой язык и обратно — машинное, в сущности, дело. Получившийся на экране собачий бред ничтожен в художественном и философском отношении, но все-таки вполне информативен...

Для подлинного носителя языка каждое слово в нем тянет за собой целую массу смыслов. На этом и стоит герменевтика, которая есть в Германии, есть в России — достаточно назвать

Ю. Тынянова и А. Вознесенского, — но которой нет ни в Англии, ни в Америке. Для работы с информацией герменевтика не нужна. Л. Витгенштейн приучил всех позитивистов и многих других вслед за ними: то, о чем может быть сказано, должно быть сказано ясно, а о том, о чем не может быть сказано, надлежит молчать.

Вот, к примеру, слышит настоящий носитель русского языка выражение «тихий час». Человек, выросший в космосе иной культуры, — к примеру, американец или француз, — поймет это выражение просто: это — час, в который наступает тишина. Но у человека, перенесшего на себе эксперименты «с тихим часом» в России, непременно возникнут ассоциации с целым культурным миром — пионерлагерь или нынешний лагерь отдыха; послеобеденный сон, навязываемый детям, которые не понимают его необходимости и желают скакать; строгие воспитатели и вожатые, которые тоталитарно обуздывают вольницу; лицемерие — демонстративный сон при полном отсутствии его хотя бы в одном глазу и так далее...

И вот представим себе, что этому человеку надо перевести Ф. Ницше. Тот считал, что послеобеденный час — это час откровения, когда время замирает и открывает себя Жизнь как Бытие. Именно в такой час его посетила мысль о Вечном Возвращении.

Так может ли носитель подлинного русского языка назвать главу об этом «Самый тихий час [4, с. 152]»? Не может! Это какое-то название детской комедии про хулиганов Петрова и Васечкина! Ну, хотя бы — «Час тишины». Или «Час великого безмолвия».

* * *

Не зря говорят, что переводчик прозы — раб, а переводчик поэзии — соперник. Впрочем, это еще смотря какая проза... Вот переводчик информационных сообщений точно раб, с успехом замененный ныне машиной. Соперник все переиначивает. Он видит в переводимом поэте не индивидуальность, которую надо воспроизвести, а всего лишь выразителя некоего бытийного смысла. Бытие сказало себя через него, но он как-то искажил его глас. Можно было бы и лучше передать высший бытийный смысл! Как говорит в таких случаях носитель русского языка: «Ты не ловок, дай-кось я!».

Вот Ф. Ницше описывает, как Заратустра встретился в горах с Солнцем и вступил с ним в беседу: «Ты, великое светило! В чем заключалось бы твое счастье, если бы не было у тебя тех, кому ты светишь?»

Десять лет поднималось ты сюда, к моей пещере: тебе давно уже надоело бы светить здесь и проходить этим путем, не будь меня, моего орла и моей змеи.

Но мы ждали тебя каждое утро, брали у тебя твой избыток, освобождая от него, и благословляли тебя за это.

Смотри! Я переполнился избытком мудрости моей, словно пчела, собравшая чересчур много меда; мне нужны протянутые ко мне руки».

В.В. Маяковский был настолько потрясен этим образом пророка, беседующего с Солнцем, что стал именовать себя «крикогубым Заратустрой» [2]. Но ведь переиначил он все, переиначил! Потому что поэт и соперник. Было дело не с Заратустрой, а с ним лично и не на абстрактной горе, а в конкретном месте — на Акуловой горе, в Пушкино, на даче Румянцева. Что именно было, знает каждый, кто прочитал «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Кто не прочитал, пусть найдет в Интернете и прочтает. В общем, поэт дерзко позвал Солнце к себе в гости и держал себя с ним на равных, как Заратустра.

«И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
“Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами”.
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма
сияй во что попало! <...>.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой
и солнца!»

Соперничать с Солнцем, состязаться с гением — это естественное состояние всякого на-

стоящего художника. Так говорил Фридрих Ницше. Так говорил Владимир Маяковский, соперничавший со всеми великими: только так когда-нибудь возникнет сверхчеловек.

«Любить —
это с простынь,
бессонницей
рванных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником».

*(Письмо тов. Кострову из Парижа
о сущности любви)*

Сегодня, во времена Интернета и татуированных женщин, соперничать с гениями не заказано никому. Каждый может написать и опубликовать все что угодно. А потом долго чатиться и переругиваться: Интернет в этом плане — лучшее место для поэтов, у которых, по тонкому замечанию Д. Кедрина, «есть такой обычай — севши в круг, оплевывать друг друга»...

* * *

Недавно автор прочел гениальный анекдот, который вместил в себя всю историю философии и всю эволюцию методологии науки, про трех футбольных судей. Первый сказал: «Я сужу то, что реально происходит». Второй сказал: «Я сужу то, что вижу». Третий сказал: «Существует только то, что я называю».

По поводу третьего. Судья видел положение вне игры, но не назвал его. Значит, офсайда не было. Не было штрафного. Не было свободного. Не было игры рукой. И в науке существует только то, что названо. И отыскивается только то, что ищется, а предопределяется направление поиска исходным представлением, существующим в языке.

Глубинный смысл анекдота применительно к нашей теме таков.

Первый переводчик полагает, что существует «Ницше сам-по-себе» — как он есть, объективно. Мы все дружно, толпой ученых, со всех сторон сразу приближаемся бесконечно к его верному переводу и когда-нибудь приблизимся. А пока результат надо закрепить в полном собрании сочинений Ницше на русском языке как канонический перевод, одобренный авторитетным органом. Так

же думали участники Никейского собора — в Бога каждый верит по-своему, но не помешает и общеобязательный символ веры.

Прекрасно, что так не считает И.А. Эбаноидзе, убежденный демократ и сторонник свободы слова. И все же он полагает, что Ницше должна исследовать история философии, а это — наука. По умолчанию предполагается, что наука исследует объективную реальность. Ницшеанство — это объективная реальность, которую должно исследовать сообщество ученых, не внося в нее ничего субъективного — никакой отсебятины. И.А. Эбаноидзе ищет в Ницше науку философию — и находит ее. Он переводит Ницше академически, в виде комментированного полного собрания сочинений, т.е. строго научно. Там, в ницшеанстве, существует то, что он называет. Все остальное названия не достойно и может быть отброшено как несущественное.

* * *

Совсем другие переводы Ф. Ницше предлагает второй переводчик — К.А. Свасьян в зависимости от того, как он видит Ф. Ницше и что называет. Он импрессионист. Он переводит то, что видит, а не то, что есть на самом деле.

Ф. Ницше видится ему поэтом и филологом, экспериментирующим с языком, а всякие философские умствования у него не главное. Так, заумь. Суть своей интерпретации Ф. Ницше К.А. Свасьян определяет, описывая его стиль следующим образом: «Бесконечные неологизмы, игра слов, охота за корнесловием, мстительные подплеки смысловых обертонов, заумь» [7, с. 771].

В эту же игру играет и К.А. Свасьян, воспроизводя «Ницше-как-он-его-понимает» в своих переводах. Переводы К.А. Свасьяна нельзя читать легко, не разгадывая головоломки. Он к тому же добился того, что в его тексте схвачена, по его собственному признанию, ницшеанская «*совершенная лингвистическая гермафродитичность уже-не-слова-еще-не-музыки*» [7, с. 771].

* * *

Можно переводить Ф. Ницше и так, чтобы это соответствовало его собственным представлениям о своем учении. Оно однажды в молодости было охарактеризовано им как «Несвоевременные мысли», т.е. мысли, несообразные времени, не привязанные к нему. Точно так же, как мы смотрим сегодня на культуру Древней Греции с дистанции в двадцать пять веков, мы должны смотреть и на современность — откуда-то из далекого будущего, практически из вечности. Учение о Заратустре и провозглашенном им сверхчеловеке,

по мнению Ницше, будет существовать вечно. Значит, надо переводить ницшеанство таким языком, чтобы невозможно было определить, не взглядываясь в микроскоп, в какое именно время оно было создано.

Самое главное, что должно было делать ницшеанство, — вселять энергию в человечество. Порождать в нем энтузиазм и жизненный порыв. А музейные экспонаты никаких эмоций и страстей не вызывают — разве что ностальгию по прошлому. Они, музейные экспонаты, никого никуда не зовут и не ведут, никого ни на что не вдохновляют.

Значит, ницшеанство — если следовать замыслу его создателя — должно постоянно выглядеть самым современным учением, что называется, с пылу, с жару. Оно должно в любое время, в любой век заражать жизненной энергией. Поэтому любой перевод Ф. Ницше должен быть, по нашему мнению, тонкой стилизацией: читатель XXI в. должен верить, что именно так говорил мыслитель XIX в. Ф. Ницше, но при этом воспринимать этого отдаленного во времени человека как своего современника и вдохновителя на великие свершения в будущем.

Тексты Ницше могут эмоционально затронуть нашего современника, если он не почувствует с самого начала, что имеет дело с музейным экспонатом. Если только читатель заметит, что текст принадлежит человеку, который жил в другое время и в другой стране, немедленно произойдет отстранение, возникнет дистанция, исключаящая сопереживание. Текст не захватит читателя, не отзовется в его душе. Или отзовется, но, к сожалению, совсем не так, как хотел его автор.

Пояснять эту мысль лучше всего отечественными примерами. Современный российский школьник весело хохочет, читая эпитафию, избранный А.Н. Радищевым для «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». Даже если учительница и объяснит, что В.К. Тредиаковский описывал такими словами адского пса Кербера, а первый русский революционер А.Н. Радищев, цитируя его, желал показать, насколько ужасен вид русского самодержавия, школьник все равно будет веселиться, слыша про *озорного пса*.

А все потому, что язык текуч и с каждым веком значения слов меняются. Слово *озорной* уже давно означает *шаловливый, игривый*, и вовсе не означает *необузданный*. Прежнее значение давно позабыто: только филологи еще помнят, что *озорovali* и *пошаливали* на дорогах в позапрошлом

веке вовсе не какие-то милые шутники, а самые настоящие грабители и убийцы.

* * *

Да, для того чтобы текст, дошедший из прошлого, не воспринимался как *окаменелость*, как музейный экспонат, не имеющий никакого отношения к современной жизни, он не должен вызывать ни малейшего лингвистического и исторического *отторжения* и *дистанцирования*.

Почему принято считать, что перевод подобен девушке: либо он красивый, но неверный, либо верный, но некрасивый? Потому что «верный» перевод является рабским: в случае с Ницше он представляет собой тщетную попытку сохранить строй немецкого языка и буквальное значение немецких слов. В лингвистическом отношении он — некрасив. В психологическом отношении он не способен вызвать у читателя живые, а не архивные чувства и мысли, потому может заинтересовать собой только какого-нибудь нудного телезнатка.

Нет, перевод непременно должен представлять собой искусную стилизацию, меняющуюся с каждым веком, — такую, чтобы современник переводчика, читая русский текст, поверил, будто *немец* Ницше *во второй половине XIX в.* писал и говорил именно так.

Вот еще один отечественный пример. Каждый из наших читателей до сих пор непоколебимо уверен, что князь Святослав — блестящий воин Древней Руси — предупреждал о своем походе врагов, сообщая им: «Иду на вы!»

Читая эти слова, школьник испытывал самые живые чувства, проникаясь рыцарским благородством. Нападать врасплох нечестно и низко! Кстати, говорят, именно потому задержался в развитии британский подводный флот. Британская королева, услышав описание субмарины, пришла в негодование: «И что же, эта подводная лодка будет атаковать противника, не известив его о своих намерениях и не продемонстрировав ему британского флага?»

Но ведь Святослав никогда не говорил: «Иду на вы!» По свидетельству летописца, он говорил совсем другие слова: «И посылаше к странам глаголя: “Хоощу на вы ити!”»

Так что мы, вкладывая в уста Святослава слова «Иду на вы!», ничуть не приближаемся к так называемой объективной истине, а намеренно удаляемся от нее. Мы намеренно забываем то, что говорил Святослав (по мнению летописца!), и приписываем ему совсем другие слова — *краси-*

вые, но неверные. Но можем ли мы поступить иначе?

Читатель вполне способен сам судить об этом. Ему достаточно будет представить, как бы он отреагировал в детстве, если бы ему не адаптировали слова Святослава, а преподнесли их на уроке в первоизданном виде. Так и написали бы на доске: «Хощю на вы ити!» Предстал бы Святослав бездарным двоечником, никаких благородных чувств не вызывающим.

Но точно так же он, Святослав, великий князь киевский, не вызвал бы у нас великого чувства гордости за далеких предков, если бы его слова были переведены на современный русский язык абсолютно без всякой исторической стилизации: «Иду на вас!» Как-то было бы это чересчур прозаично и неправдоподобно. Языковое чутье немедленно подсказало бы школьнику: больно уж это похоже на современный язык. Наверное, древнерусские витязи все-таки так не говорили...

Именно потому и говорит великий князь киевский Святослав из учебника, глядя на превосходящие силы противника: «Не посраим землю Русскую, но ляжем костьми тут! Мертвые сраму не имут!» Только такая стилизация способна убедить *современного* юного читателя, что именно эти слова говорил *благородный русский воин X в.*

Те же самые слова в пересказе византийского хрониста X в. Льва Дьякона (и в современном *научном* переводе) звучат гораздо бледнее: «Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством. Мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей» [цит. по: 6, с. 118].

Не пробирает... Скучно, бесцветно, без всякой стилизации — абсолютно современный русский язык.

Но и дословно цитировать князя Святослава нельзя, не превращая его сразу же в музейный экспонат: «Да не посраим земле Русьские, но ляжем костью ту! Мъртви бо срама не имам; аще ли побегнем, то срам имам».

* * *

Вопрос тут только в одном: зачем мы вообще пишем историю? Чтобы собрать в музей окаменелости? Чтобы заучить факты и правильные ответы для компьютерного тестирования? Или чтобы *проникнуться историей*? Чтобы черпать из нее понимание и энергию для сегодняшней жизни? Ф. Ницше без колебаний выбирал последний вариант ответа. Он прямо заявлял, что произведе-

ния прошлого должны в каждый век *пересказываться заново*.

Значит, и переводы его собственных работ должны регулярно обновляться, чтобы быть *ювелирно точными стилизациями*, а не результатами лингвистического прозекторства, изумительно точного, но предполагающего работу с мертвечиной. Каждая эпоха должна иметь свои переводы великих поэтов, писателей и философов — только при этом условии их произведения будут восприниматься как кладези жизненной энергии, живо воздействующие на людей, наших современников. А значит, и Ницше должен предстать в своих текстах как человек вне времени и даже вне народа (кстати, сам он считал себя поляком, наиболее близким по стилю мышления к французам и древним грекам). Требовалось сделать из работ Ницше произведения *русской литературы* — чтобы читатель не чувствовал и временного отстранения, и отстранения от «иноземщины». Насколько это удалось — судить читателю [1].

Список литературы

1. *Избранные* переводы из Ницше профессора А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2014. 240 с.
2. *Маяковский В.В.* Крикогубый Заратустра: избр. произв. 1912–1917. СПб.: Вита Нова, 2012. 544 с.
3. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
4. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Полное собрание сочинений: в 13 т. / Институт философии. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. 432 с.
5. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 232–491.
6. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Мол. гвардия, 1987. 352 с.
7. *Свасьян К.А.* Примечания // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 770–809.

Получено 01.08.2015

References

1. *Izbrannye perevody iz Nitsche professora A.V. Pertseva* [Selected translation of Nietzsche by professor A.V. Pertsev]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014, 240 p. (In Russian).
2. *Mayakovskiy V.V.* [Krikogubuj Zarathustra]. *Izbrannye proizvedeniya 1912–1917* [Selected works 1912–1917]. Saint Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 544 p. (In Russian).
3. Nietzsche F. [Thus spoke Zarathustra]. *Sochineniya*

- v 2 t. [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2, pp. 5–237. (In Russian).
4. Nietzsche F. [Thus spoke Zarathustra]. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete set of works: In 13 vol.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2007, vol. 4, 432 p. (In Russian).
 5. Nietzsche F. [Human, all to human]. *Sochineniya: v 2 t.* [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 232–491. (In Russian).
 6. Rybakov B.A. *Mir istorii. Nachal'nye veka russkoj istorii* [The world of history. Early years of Russian history]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1987, 352 p. (In Russian).
 7. Svas'yan K.A. [Commentary]. Nietzsche F. *Sochineniya: v 2 t.* [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2, pp. 770–809. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.08.2015

Об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории философии и
философии образования

Уральский Федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51;
e-mail: apertzev@mail.ru

About the author

Pertsev Alexander Vladimirovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Department of History of Philosophy
and Philosophy of Education

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences,
51, Lenin str., Yekaterinburg, 620000, Russia;
e-mail: apertzev@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Перцев А.В. Для чего переводить Ницше заново? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 24–31.

Please cite this article in English as:

Pertsev A.V. What do we need retranslating Nietzsche for? // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 24–31.

УДК 001:1

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА*Сорока Михаил Юрьевич, Булычёв Игорь Ильич**Ивановский государственный университет*

В статье исследуется содержание различных картин мира, прежде всего научной картины мира, включающей в себя множество теоретических элементов, которые в совокупности описывают, объясняют и предсказывают развитие.

Любая картина мира представляет собой репрезентант некоторого фрагмента совокупной природной и общественной реальности. Организованная соответствующим образом, картина мира в процессе духовной (теоретической) деятельности замещает тот или иной срез бытия и тем самым превращает его в предмет исследовательской мысли. Картина мира призвана идеальным образом заместить ту реальность, в которой приходится жить человеку. Подобное замещение позволяет субъекту производить с этой вторичной реальностью такие операции, которые невозможны с реальностью первичной или реальностью самой по себе. Любая картина мира (в том числе научная) обусловлена потребностями, интересами и идеалами человека в познании, оценке и ориентации субъекта. Через потребности, интересы и идеалы, предметный мир, очеловеченная природа проникает в духовный мир (мир рефлексий) и формирует его.

Уточняются различия между наукой и научной картиной мира: собственно наука целостна и динамична, научная картина мира включает множество существенно различных элементов, она более устойчива и инерционна.

Современная научная картина мира структурно несводима к естественно-научной и социально-гуманитарной. В нее непременно следует включить техническую картину мира. Наше общество все больше становится техногенным, что создает гносеологические и социально-аксиологические предпосылки для усиления в самых разных аспектах интенций технологического детерминизма.

Ключевые слова: научная картина мира; структура; функции; знания; оценка; понятие; образ.

**THE PROBLEM OF THE SCIENTIFIC VIEW
OF THE WORLD'S STRUCTURE***Mikhail Yu. Soroka, Igor I. Bulychev**Ivanovo State University*

This article specifies the questions of maintenance of different views of the world and, foremost, scientific view of the world, which plugs in itself the great number of withstand theories, which in the aggregate describe, explain and predict development.

Any view of the world is a representative of some fragment of the combined natural and social reality. The view of the world organized properly in the process of spiritual (theoretical) activity substitutes for one or another cut of life and thereby converts it into the subject matter of research idea. The view of the world is called an ideal appearance to substitute for that reality in which live a man has to live. This substitution allows a subject to produce such operations with this second reality, which are impossible with the primary reality or with reality in itself. Any view of the world (including scientific) is conditioned by requirements, interests and ideals of man in cognition, estimation and orientation of subject. Through necessities, interests and ideals the subject world, humanified nature gets into the spiritual world (world of reflections) and forms it.

Specifying distinctions between science and scientific view of the world, one can see in science the integral phenomenon of more volume and dynamic order as compared to the scientific view of the world, which is more steady and inertial.

Modern structure of scientific view of the world can not be reduced only to the natural sciences' and to social and humane one. In it is certainly necessary to include the technical view of the world in it. Our society is be-

coming more and more technogeneous, which creates epistemological and social-axiological pre-conditions for strengthening of intensions of technological determinism in different aspects.

Key words: scientific view of the world; structure; functions; knowledge; evaluation; concept image.

Сегодня немало научных работ посвящается осмыслению структуры научной картины мира (НКМ) и следует констатировать, что дискуссия по соответствующему комплексу вопросов находится в самом разгаре.

Вопрос о существовании научной картины мира, ее месте и роли в системе научного знания впервые поставлен и, в определенной степени, разработан известными учеными-естествоиспытателями М. Планком, А. Эйнштейном, Н. Бором, Э. Шредингером и др. Именно Планк в рамках обсуждения проблемы онтологических оснований научного знания поставил вопрос о существовании специфической НКМ, указав, что она создается для того, чтобы получить целостное представление об изучаемом внешнем мире. Научную картину мира следует очистить от антропоморфных, связанных с человеком, впечатлений и ощущений.

В результате подобного отвлечения полученная картина мира стала выглядеть чем-то «гораздо более бледным, сухим и лишенным непосредственной наглядности по сравнению с пестрым, красочным великолепием первоначальной картины, которая возникла из разнообразных потребностей человеческой жизни и несла на себе отпечаток всех специфических ощущений» [7, с. 105].

Вскоре учеными и философами стали исследоваться проблемы сущности, содержания и, наконец, структуры научной картины мира. В первом приближении в научной картине мира «усматривают связную совокупность представлений о мире, которая получена в ходе продвижения науки» [6, с. 534]. «Научная картина мира — система представлений человека о свойствах и закономерностях действительности (реально существующего мира), построенная в результате обобщения и синтеза научных понятий и принципов» [9, с. 86]. Научная картина мира использует специальный язык (языки) для обозначения объектов и явлений природных и общественных явлений. По своему содержанию в научной картине мира нередко усматривают целостную систему представлений об общих принципах и законах устройства мироздания, которая включает в себя множество теорий. В совокупности они описывают, объясняют и предсказывают развитие событий в изменяющемся мире.

При подобном понимании научной картины мира прежде всего встает вопрос о том, нет ли в подобных определениях смешения научной картины мира с философской (мировоззренческой)? Не случайно ряд специалистов указывают на то, что научная картина мира изначально является мозаичной и фрагментарной, так как опирается на совокупность данных, получаемых в разных науках в результате наблюдений и экспериментов. Не существует одной, синтетической, науки, которая бы исследовала и объясняла мир в целом (как целое). Ведь наблюдения и эксперименты по самому своему существу касаются лишь отдельных частей или сторон мира. Мир в целом в принципе не наблюдаем, и с ним как целым нельзя проводить эксперименты.

В данной связи необходимо уточнить, что такое КМ вообще и чем отличается научная картина мира от наиболее общей, т.е. философской, мировоззренческой. Любая картина мира призвана интегрировать разнообразные эмпирические и теоретические знания и оценки на основе системообразующих принципов. Можно ли получить целостное представление о тех или иных секторах реальности путем фотографии, киносъемки, фиксации множества фактов природной и социальной действительности? Очевидно, что в таком случае мы имели бы чрезвычайно пестрое и мозаичное полотно, где было бы невозможно нормальным образом ориентироваться, понять тенденции и закономерности искомой области научного и теоретического исследования. Отсюда потребность в единой общенаучной или философской картине мира.

Универсальным признаком любой картины мира, на наш взгляд, выступает ее целостность, для которой характерны стабильность одних свойств и неуравновешенность, изменчивость других свойств. Целостный образ мира складывается не только в общественном, но также в групповом и индивидуальном сознании. Любая картина мира представляет собой репрезентант некоторого фрагмента совокупной природной и общественной реальности. Картины мира позволяют достичь наглядного единства циркулирующих в каждое время идей, установить устойчивую иерархию и шкалу ценностных приоритетов и тем самым мотивировать социальное поведение людей. «Не интересы (материальные или идеальные) сами по себе, не идеи непосредственно опреде-

ляют действия человека, а “картины мира”, которые строятся из идей, зачастую словно стрелки определяют пути, по которым динамика интересов продолжается в действии» [2, с. 55].

Какова, однако, сущность картины мира? В литературе называется множество задач, функций, аспектов, присущих всем или некоторым картинам реальности. Но какая из этих задач специфична именно для картины мира? Сущность последней мы усматриваем в ее репрезентативном характере. Понятие репрезентации в самом общем плане означает представление одного в другом и посредством другого. Организованная соответствующим образом картина мира в процессе духовной (теоретической) деятельности замещает тот или иной срез бытия и тем самым превращает его в предмет исследовательской мысли. Иными словами, духовно-теоретическая деятельность выделяет в качестве особой задачу формирования собственными средствами единой картины мира. Она призвана идеальным образом заместить ту реальность, в которой приходится жить человеку. Подобное замещение позволяет субъекту производить с этой вторичной реальностью такие операции, которые невозможны с реальностью первичной, т.е. реальностью самой по себе. Подводя итог сказанному, картину мира определим как «репрезентативную целостность» [4, с. 20-21].

Картина мира есть некоторая совокупность представлений об окружающей человека реальности. Она поддается выделению, описанию или реконструкции в процессе духовной деятельности субъекта.

Научная картина мира обусловлена потребностями, интересами и идеалами человека в познании, оценке и ориентации субъекта. Через потребности, интересы и идеалы предметный мир, очеловеченная природа проникает в духовный мир (мир рефлексий) и формирует его. Человек, познавая и оценивая настоящее, одновременно прогнозирует будущее, задачи и границы предстоящей жизни и деятельности, что невозможно без мысленного «забегания» вперед, предвидения желаемого. Проекция будущего — неотъемлемая часть какой-либо из картин мира, представляющей единство прошлого, настоящего и будущего.

Каждый из субъектов (индивид, социальная группа, население в целом) обладает некоторым более или менее упорядоченным набором представлений, позволяющих ему познавать и оценивать окружающую действительность. Наличие картины мира свидетельствует о том, что у субъекта

формируется идеальный образ (в широком смысле слова) внешнего мира, который имеет личностный и общественный смысл и в котором фиксируется отношение субъекта к действительности. Идеальное, структурированное в картине мира, выступает мощным средством преобразования действительности в процессе теоретической и практической деятельности.

Говоря о научной картине мира, мы не имеем в виду какую-либо повседневную мозаику различных представлений. Повседневное и обыденное сознание и познание являются весьма мозаичными и, в значительной мере, хаотичными. Обыденное познание создает конгломерат знаний, сведений, предписаний и верований, здесь лишь отдельные фрагменты связаны между собой. В научной и философской картине мира повседневность находит свое отражение сквозь призму рационально-теоретической и эмпирической интерпретации [3].

В чем мы видим отличие научной картины мира от философской? Во-первых, научная картина мира непременно опирается на реальные эмпирические основания. Философская же картина мира такой возможности может не иметь, да в ряде случаев подобные требования к ней никто и не предъявляет. Скажем, каким образом эмпирически можно доказать первичность/вторичность материи и/или сознания? Во-вторых, репрезентация в научной картине мира направлены на отдельные секторы реальности, а не на бытие в целом. В-третьих, научная картина мира ориентирована на организацию внутри каждого из таких секторов в первую очередь элементов объективно-истинного знания (понятий, суждений, умозаключений). Философская же картина мира интегрирует не только знания, но и в не меньшей мере оценочные компоненты (этика, эстетика и т.д.). В случае же сугубо гносеологической (знаниевой) направленности некоторых систем философии она становится односторонней и теряет свой последовательно мировоззренческий и целостный характер.

По-видимому, научная картина мира отличается большей устойчивостью и логической согласованностью основных положений по сравнению с наукой как целостной социальной системой. Она более определена в своей общенаучной методологии и теоретических основаниях. Наука же как целое, вероятно, более объемна и динамична, чем научная картина мира. В науке представлено гораздо больше гипотетических положений и альтернативных точек зрения. Впрочем, эти различия едва ли можно преувеличивать, скорее всего, они

минимальны. Однако игнорировать различия между наукой как сложным социальным явлением и научной картиной мира тоже не следует.

Вслед за проблемой сущности на авансцену вышли вопросы о структуре научной картины мира. Считается, что для существования картины мира какой-либо науки необходимы два условия: во-первых, такая картина мира должна отражать определенный срез универсума, отображать его со стороны какой-либо формы движения материи, во-вторых, она должна иметь соответствующие средства для выполнения этой задачи — универсальные абстракции, позволяющие с позиций данной науки описать и объяснить объекты реальности. Ныне чаще всего в состав научной картины мира включают естественно-научные и социально-гуманитарные дисциплины.

В 1960–1970 гг. английский историк Ч. Сноу предложил идею двух культур — естественно-научной и гуманитарной. Он утверждал, что в современной постиндустриальной цивилизации существуют две культуры, которые находятся в постоянном конфликте друг с другом, а взаимопонимание между ними невозможно. Пропасть между «физиками» и «лириками», по его мнению, все время увеличивается. Как известно, впервые «идея различия наук о природе — естествознания и наук о духе — гуманитарного и социального знания» [8, с. 170] была выдвинута в конце XIX в. В. Дильтеем и философами баденской школы неокантианства В. Виндельбантом и Г. Риккертом. В социально-гуманитарной ветви научной картины мира усиливается вес оценочных (аксиальных) компонентов, хотя и она в конечном счете ориентируется на объективно-истинные знания и на весь комплекс эмпирических фактов и доказательств.

Специфику естественно-научной ветви связывают с возможностями объективно-истинного постижения мира неживой и живой природы. Для этого используется разветвленный аппарат знаний структур, который становится все более сложным и эффективным. В социально-гуманитарной картине мира серьезно возрастает роль оценок и образов. Это приводит порой к чрезмерному и неадекватному влиянию политической или иной идеологии на результаты исследований ученых. Типичный пример — обостряющаяся полемика вокруг истории Второй мировой войны. Предпринимаются даже попытки обвинить СССР в развязывании войны, а также всячески принизить его роль и вклад в победу.

Ткань теоретической деятельности включает в себя два базовых компонента: знание и оценку. Своеобразной элементарной «клеточкой» науки выступает знание, простейшим и наиболее массовым выражением которого является понятие. Последнее служит также основой для формирования суждений и умозаключений. Клеточке науки относительно противоположна клеточка искусства, а также аксиальных (социально-гуманитарных) форм знания. Наиболее концентрированной формой оценок выступает художественный образ.

Познание, как и его важнейший результат — научное знание, порой чересчур категорично представляют как совершенно безличное и безоценочное, фиксируемое в аксиологически нейтральных гносеологических суждениях. Этот тезис выглядит приемлемым, когда речь идет об эталоне научно-познавательной деятельности (математика, физика), но он совершенно неприменим к познавательной деятельности в целом. Так, описание исторических событий невозможно без оценочных суждений и категорий, в которых говорится о прогрессивности или непрогрессивности, гуманности или негуманности происшедшего.

Порой делаются попытки определить знание путем его противопоставления незнанию. Однако скорее всего данный подход не приведет нас к цели, ведь незнание представляет собой нечто такое, что находится вне и за пределами знания и познания. Иными словами, незнание не входит в ткань познавательной деятельности и, следовательно, находится за ее границами; там, где начинается незнание, заканчивается пространство человеческого познания.

В ряде справочных изданий, монографий, научных статей знание в том или ином аспекте отождествляют с научным познанием и истинным знанием, т.е. наиболее развитым и совершенным. Такая позиция близка к точке зрения «наивного реализма», считающего, что предметы и явления окружающего мира таковы, какими они нам представляются. Между тем научное знание коренным образом отличается от вненаучного или ненаучного тем, что несет в себе не любое, а существенное знание об объекте и является строго определенным элементом теоретической системы. Нормативным выражением научного знания служат рефлексии, поддающиеся прямой эмпирической проверке. («Все живые организмы имеют клеточное строение. Клетки — это мельчайшие частицы живого растения»). «Практически нет места на Земле, где бы не встречались бактерии.

Они живут во льдах Антарктиды при температуре -83°C и в горячих источниках, температура которых достигает $+85-90^{\circ}\text{C}$.) Между тем мифологические или религиозные рефлексии также должны быть причислены к знанию, хотя и не обязательно к верному, адекватному и проверенному общественно-исторической практикой. Иными словами, статус знания не может быть сведен к его объективному эквиваленту в форме научно доказанных истин. Субъективные представления людей (даже ошибочные) также не могут исключаться из общей совокупности человеческих знаний. В противном случае мы будем вынуждены все то, что находится за рамками строгой науки, отнести к формату незнания. Ныне в качестве особых форм знания стали рассматривать мистическое и оккультное знание, а также паразнание и т.д. Возможно, эвристически значимым является понимание знания как духовного образования, обладающего сложной структурой и располагающегося в границах противоположности истина — заблуждение.

Знание (в любых формах) целесообразно рассмотреть в его противопоставлении оценке. В этом случае знание и оценка должны быть определены как элементарные клеточки соответственно познавательной и оценочной деятельности. Последняя существенно отличается от познавательной деятельности. Формы оценок, как и знаний, весьма многообразны. Они могут выступать как в понятийном, так и в непонятийном виде (живопись, музыкальные произведения и т.д.). Знание проявляется прежде всего в понятии, соответственно оценка нормативно конституируется в художественных образах.

Эстетический образ является по своей сути формой эмоциональной или рациональной оценки. Поэтому невозможно растворить или свести оценку к знанию, рассматривать оценку, особенно эмоционально-художественную, в качестве простой разновидности знания. В противном случае неизбежна неоправданная гносеологизация искусства и всей оценочной деятельности вообще, превращение ее в аналог познавательной деятельности. Между тем подобная тенденция имеет вековые корни. Однако сегодня эта традиция становится все большим препятствием на пути адекватного понимания природы и сущности науки и искусства, научной и художественной КМ и их структуры. Существующая традиция отождествления знаний и оценок, понятий и образов выражается в сведении последних к первым и, в немалой степени, обусловливается фактором относи-

тельности их противопоставления. Понятия, как правило, не лишены полностью элементов образности, вследствие чего их точное определение является весьма затруднительным делом. В свою очередь образы не лишены познавательного потенциала, что дает нам основание говорить о художественном знании и познании.

Наука и научная КМ формируются прежде всего на базе понятий, тогда как образы имеют здесь вспомогательное значение. Напротив, искусство и художественная КМ слагаются в первую очередь из образов (в том числе понятийных). Образ искусства отнюдь не представляет собой типично гносеологическое образование, более или менее адекватно отражающее объективную реальность. Он вполне может оказаться чрезвычайно сильным искажением этой самой объективной реальности.

Познание, особенно научное, имеет своей целью рационализацию знания, т.е. стремится к максимальному преодолению всего иррационально-хаотического, эмоционально-оценочного, субъективно-произвольного. Напротив, искусство стремится к преодолению объективизма и голого эмпиризма, рационального схематизма и дезаксиологизма. Абстракции в искусстве и эстетике подчинены, в конечном счете оценочным компонентам: искусство создает все новые методы художественной иррациональности (футуризм, кубизм, поп-арт, сюрреализм и все прочее в том же роде). Каким образом субъект вырабатывает оценку там, где образы невербализованы, как, например, в живописи, танце, музыкальном произведении? Это мир ассоциаций. Человек в конечном счете с большей или меньшей степенью удачи переводит невербализованный язык ассоциаций в вербализованный (словесно-понятийный, нотный и пр.). При этом всегда остается тонкая духовная ткань, которую невозможно вербализовать.

Образ в целом, вероятно, бывает двух типов: аксиально-познавательным и оценочно-художественным. Первый присущ главным образом науке и философии; второй — собственно художественно-эстетической деятельности. Важной закономерностью оценочной деятельности является ориентация на упорядочение различных ее компонентов, в результате чего они приобретает целостный и завершенный характер. Именно действием этой закономерности объясняется возможность оценок трансформироваться при некоторых условиях в духовное образование, близкое по своей структуре к художественному образу. И

хотя понятия «оценочная» (понятийно-категориальная) и «художественная» (чувственно-образная) деятельность не тождественны, все же они во многом родственны. Хорошо известно, что в одних произведениях искусства оценка выражена предельно обнаженно, в других скрыта в глубинах художественного образа.

Идеал научной строгости, ориентирующийся на однозначность и рациональность используемых в теории терминов, имеет известные пределы. Дело в том, что наука в принципе не может обойтись без образных, нестрогих и даже иррациональных компонентов. Иными словами, существует постоянная гносеологическая потребность в их введении с целью обозначения новых фактов, гипотетических конструкций при отсутствии в арсенале науки и научной КМ необходимых терминов. Поэтому и появляются в самых строгих разделах науки «кратовые норы», «черные дыры» или «шизочастицы»! Таким образом, научное творчество помимо понятий и логических схем использует неформализуемые образы, нередко прямо апеллируя к собственно эстетическому сознанию и выдвигая в качестве научных критериев гармонию, симметрию и красоту. Тем самым подтверждается наличие в науке таких гносеологических элементов, которые далеки от идеалов предельной строгости и в которых наличествуют более или менее явно оценочно-эмоциональные интенции. Однако все эти и многие другие аналогичные факты не следует преувеличивать и отрицать общую гносеологическую разумность науки, ведь образно-оценочные компоненты, как правило, не играют здесь ключевой роли. По мере роста знания о природе изучаемого объекта эти компоненты постепенно обретают вполне рациональный и теоретически отретфлексированный характер.

Необходимо также напомнить, что оценки не сводятся к тезису и антитезису типа хороший-плохой, добрый-злой и т.п. Оценка содержится в заключениях об эффективности или неэффективности (а также меньшей и большей эффективности), правильности или неправильности, обоснованности или необоснованности принятых мер и решений. Общество постоянно вырабатывает способы формализации оценочной деятельности, их количественного выражения. Эта тенденция во многом определяет научность (или ненаучность) той или иной гуманитарной картины реальности. Гуманитарная картина бытия является научной, если она, как и естественно-научная, базируется на соответствующих законах и отвечает эмпири-

ческим, логическим или иным критериям истинности.

Итак, в гуманитарной культуре важно отметить неустранимость субъективного и аксиально-го моментов, связанных с деятельностью человека. Именно человек и результаты его деятельности, а также общество, в котором он живет, выступают предметом наук о духе. Наглядно проявляется интерпретационный характер используемых здесь методов, диалогический характер знания, сильное влияние этических и религиозных норм. Поскольку чужие мысли и дела не даны исследователю непосредственно, он должен реконструировать их по текстам, предметам искусства, быта и т.д. Такое познание мира принципиально невозможно без учета личности исследователя и других субъектов коммуникации. Речь идет о том, что разные люди воспримут одни и те же научные доктрины скорее всего с позиции своих мировоззренческих позиций. Гуманитарные науки ориентированы на общечеловеческие ценности, такие как гуманизм, демократия, совесть и ответственность, права человека и др. Но исследователь находится здесь как бы внутри рассматриваемых проблем и не может полностью отстраниться, как бы подняться над ними.

На наш взгляд, помимо естественно-научной и социально-гуманитарной наук назрела необходимость обособления в отдельное направление комплекса технических наук и включение их в качестве третьей составной и равноправной ветви в структуру научной картины мира. Есть серьезные основания полагать, что технические знания и другие компоненты являются полноценной картиной мира в составе общенаучной картины мира. Какие общие черты присущи всем трем ветвям общенаучной картины мира?

Общее у естественно-научной, социально-гуманитарной и технической КМ, помимо их единой социальной сущности, о которой речь шла выше, заключается прежде всего в опоре на эмпирические знания и опыт (наблюдения, эксперименты). Научное познание — процесс получения объективного, истинного знания, имеющего целью рациональную реконструкцию мира на основе постижения его существенных закономерностей. Принято считать, что оно имеет триединую задачу и связано с описанием, объяснением и предсказанием процессов и явлений действительности.

В эпоху индустриализма широкое использование машинного производства ознаменовало обретение наукой новых функций — быть производи-

тельной и социальной силой. Появляется целый корпус технических наук, непосредственно связанных с решением конкретных проблем в той или иной области массовой инженерной деятельности. Технические науки охватывают различные виды технологий, производственных средств и разные аспекты деятельности инженеров, обеспечивая расчетно-проектировочную, конструкторскую эксплуатационную сферы научно обоснованными знаниями, методиками, правилами [1].

Классические технические науки опираются на теоретические представления естественных наук. Естественно-научная теория весьма полезна для технической теории в виду того, что для построения расчетных методов нужны прежде всего количественные зависимости, фиксируемые в математическом аппарате естественно-научных теорий. Задача технических наук — дать эффективные методы проектирования и расчета инженерных объектов, режимов функционирования сложных технических систем. В технических теориях их функционирование предстает как законообразный процесс. Эта работа в технических науках ни в коей мере не подменяет и не заменяет инженерной деятельности. Ее задача — материальное воплощение технических идей и проектов в определенных условиях их технико-экономической целесообразности. Наука представляет собой некую непрерывную игру в том смысле, что ей присуща постоянная неудовлетворенность знаниями. Она действует в условиях когнитивной неполноты (недостаточного знания фактов, свойств, закономерностей, причин). «Эта неполнота поддерживает непрерывные связи внутри самой когнитивной игры» [10, с. 418].

В обществе отмечается возрастание роли техники и технологии и, соответственно, технической науки и технической картины мира. Характерной особенностью современных технических наук является регулярное, систематическое и целенаправленное применение научных знаний, методов в технической практике, специальная социальная организация деятельности по выработке технологических знаний.

Наибольшее различие между технической и физической теориями специалисты усматривают в характере идеализации: физик может сконцентрировать свое внимание на наиболее простых случаях (например, исключить трение, сопротивление жидкости и т.д.), но для технической теории все это должно приниматься во внимание. Следовательно, техническая теория имеет дело с более сложной реальностью, поскольку не может

исключить взаимодействие многих физических факторов, имеющих место в машине. Техническая теория является менее абстрактной и идеализированной и теснее связана с реальным миром инженерии. Техническую теорию создает особый слой посредников — это «ученые-инженеры» или «инженеры-ученые».

Особенность технических наук заключается еще и в том, что инженерная деятельность, как правило, заменяет эксперимент. Именно в инженерной деятельности проверяются теоретические выводы технической теории и черпается новый эмпирический материал. Техническую теорию, в отличие от научной, отличает более «жесткий» характер по отношению к своей предметной области. В частности, абстрактные объекты технической теории являются «однородными» в том смысле, что они собраны из некоторого фиксированного набора блоков по определенным правилам «сборки». Например, в электротехнике таковыми являются емкости, индуктивности, сопротивления; в теоретической радиотехнике — генераторы, фильтры, усилители и т.д.; в теории механизмов и машин — различные типы звеньев, передач, цепей, механизмов. Подобное строение абстрактных объектов является специфичным и обязательным для технической теории, делая их однородными в определенном смысле: они сконструированы, во-первых, с помощью фиксированного набора элементов и, во-вторых, ограниченного и заданного набора операций их сборки. Специфика технической теории состоит в том, что она ориентирована на конструирование технических систем. В теоретических схемах технической науки задается образ исследуемой и проектируемой технической системы. Научные знания и законы, полученные естественно-научной теорией, требуют еще длительной «доводки» для применения их к решению практических инженерных задач. В этом и состоит одна из функций технической теории. Кроме того, теоретические знания в технических науках обязательно доводятся до уровня практических инженерных рекомендаций. Решению этой задачи служат в технической теории правила соответствия, перехода от одних модельных уровней к другим, а проблема интерпретации и эмпирического обоснования формулируется как задача реализации. Поэтому в технической теории важную роль играет разработка особых операций перенесения теоретических результатов в область инженерной практики [5].

Наше общество все больше становится технологичным, что создает гносеологические и социаль-

но-аксиологические предпосылки для усиления в самых разных аспектах интенций технологического детерминизма. В данной связи неудивительно, что современная наука все более попадает под влияние сугубо технологического подхода. Можно наблюдать, как само неизвестное в конкретных научно-исследовательских задачах не возникает из «чистого интереса», а определяется в системе прикладных инженерно-технических целей. Традиционные научные исследования склонны к «чистому знанию», т.е. к тому, что может быть интересно с сугубо академической точки зрения. Это прекрасно понимают в деловых и коммерческих организациях, где научные разработки в традиционном стиле часто вели к длительному, затянувшемуся исследованию без получения конкретных результатов. Поэтому сегодня в корпоративной науке наблюдается все более жесткий и прагматичный подход. Это ведет к тому, что вся наука все более испытывает влияние технико-технологических императивов, технологического детерминизма.

Таким образом, растущая самостоятельность технических наук в логико-гносеологическом аспекте определяется наличием специфического объекта исследования — артефактов практики и предмета исследования, а именно: взаимосвязи процессных, технических и конструктивных параметров технических устройств. Следовательно, можно говорить о том, что техническая картина мира является важной частью современной общенаучной картины мира. Ее структура и тенденции развития должны стать предметом специального философского исследования.

Список литературы

1. *Барышев М.А.*, Каширин В.П., Пфаненштиль И.А. *Философия техники: учеб. пособие*. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, Политехн. ин-т, 2007. 156 с.
2. *Бергер Я.М.*, Левит С.Я., Мильская Л.Т. *Макс Вебер. Избранное. Образ общества / пер. с нем.* М.: Юрист, 1994. 704 с.
3. *Булычев И.И.* О взаимосвязи эмоций с оценками и знаниями, образами и понятиями // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново: ОАО «Иваново», 2010. С. 188–190.
4. *Булычев И.И.* Философские вопросы гендеристики (гендерологии). Иваново: Иванов. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2011. 320 с.
5. *Каширин В.П.* Философские вопросы технологии: Социол., методол. и техновед. аспекты / под ред. В.А. Дмитриенко; Томский политехн. ин-т им. С.М. Кирова, Филос. о-во СССР. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. 285 с.
6. *Павленко А.Н.* Мартин Хайдеггер: Сущность современной техники. URL: <http://humanities.edu.ru/db/msg/46577> (дата обращения: 24.11.2003).
7. *Планк М.* Единство физической картины мира: сб. статей; отв. ред. Б.Г. Кузнецов; сост. У.И. Франкфурт; АН СССР, Ин-т соц.-эконом. проблем. М.: Наука, 1966. 287 с.
8. *Садохин А.П.* Концепции современного естествознания: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям и специальностям экономики и управления. 17-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 239 с.
9. *Степин В.С.* Картина мира и ее функции в научном исследовании // Научная картина мира: логико-гносеологический аспект. Киев, 1983. С. 80–103.
10. *Ушаков Е.В.* Введение в философию и методологию науки: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2008. 592 с.

Получено 14.04.2015

References

1. Baryshev M.A., Kashirin V.P., Pfanenshtil' I.A. *Filosofiya tehniki: Uchebnoe posobie* [Philosophy of technics: Study guide]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., Politechnical Institute Publ., 2007, 156 p. (In Russian).
2. Berger Ya.M., Levit S.Ya., Mil'skaya L.T. *Maks Weber. Izbrannoe. Obraz obschestva* [Max Veber. Selectas. Image of society]. Moscow, Yurist Publ., 1994, 704 p. (In Russian).
3. Bulychev I.I. [On connection between emotions and estimations, knowledge, images and notions]. *Aktual'nye problemy sovremennoj kognitivnoj nauki. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Timely problems of modern cognitive science. Proceedings of international research and practice conference]. Ivanovo, ОАО Ivanovo Publ., 2010, pp. 188–190. (In Russian).
4. Bulychev I.I. *Filosofskie voprosy genderistiki (genderologii)* [Philosophic issues of genderistics (gender studies)]. Ivanovo, Ivanovo State Architectural and Engineering University, 2011, 320 p. (In Russian).
5. Kashirin V.P. *Filosofskie voprosy tehnologii (Sotsiologicheskie, metodologicheskie i tehnovedcheskie aspekty)* [Philosophical issues of technology (sociological, methodological and technical science as-

- pects)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1988, 285 p. (In Russian).
6. Pavlenko A.N. *Martin Heidegger: Suschnost' sovremennoj tehniki* [Martin Heidegger: Essence of modern technics]. Available at: <http://humanities.edu.ru/db/msg/46577>. (Accessed 24.11.2003). (In Russian).
 7. Planck M. *Edinstvo fizicheskoy kartiny mira: Sbornik statej* [Consonance of physical picture of the world: Collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 287 p. (In Russian).
 8. Sadohin A.P. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayuschihся po gumanitarnym spetsial'nostyam i spetsial'nostyam ekonomiki i upravleniya* [Concepts of modern natural science: Textbook for higher educational institutions' students of humane and economics and management major]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2013, 239 p. (In Russian).
 9. Stepin V.S. [Picture of the world and its functions in a scientific research]. *Nauchnaya kartina mira: logiko-gnoseologicheskii aspekt* [Scientific picture of the world: logical-gnoseological aspect]. Kiev, 1983, pp. 80–103. (In Russian).
 10. Ushakov E.V. *Vvedenie v filosofiyu i metodologiyu nauki: Uchebnik* [Introduction into philosophy and methodology of science: Textbook]. Moscow, Knorus Publ., 2008, 592 p. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt 14.04.2015*

Об авторах

Сорока Михаил Юрьевич
аспирант кафедры философии

Ивановский государственный университет,
153025, Иваново, ул. Ермака, 39;
e-mail: Newuniverse@mail.ru

Булычев Игорь Ильич
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Ивановский государственный университет,
153025, Иваново, ул. Ермака, 39;
e-mail: igor-algoritm@mail.ru

About the authors

Soroka Mikhail Yurievich
Ph.D. Student of Department of Philosophy

Ivanovo State University,
39, Yermak str., Ivanovo, 153025, Russia;
e-mail: Newuniverse@mail.ru

Bulychev Igor Il'ich
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of Department of Philosophy

Ivanovo State University,
39, Yermak str., Ivanovo, 153025, Russia;
e-mail: igor-algoritm@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сорока М.Ю., Булычев И.И. Проблема структуры научной картины мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 32–40.

Please cite this article in English as:

Soroka M.Yu., Bulychev I.I. The problem of the scientific view of the world's structure // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 32–40.

УДК 141.132

КРИЗИС РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ЕДИНЫЙ МЕТОД ОБОСНОВАНИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ*

Воин Александр Миронович

Международный институт философии и проблем общества

Предлагается разработанный автором единый метод обоснования научных теорий, который позволяет исправить ошибки классического рационализма, привести его в соответствие с феноменами реальной науки, но сохранив при этом особый эпистемологический статус последней. Показано, что хотя наука меняет свои понятия и выводы при переходе от одной фундаментальной теории к другой (Ньютон – Эйнштейн и т.п.), но метод обоснования при этом остается одним и тем же, а как старые, так и новые понятия привязываются к опыту по правилам единого метода обоснования. Уточняется суть и способ этой привязки. При этом старые понятия не обязательно формируются из новых через предельный переход по параметру. В общем случае и старые, и новые понятия являются качественно разными аппроксимациями одной и той же объективной сущности, к которой они сводятся в процессе смены старых теорий новыми. Привязка понятий к опыту по единому методу обоснования позволяет определить границы применимости теории заранее, до того как мы выйдем за их пределы в опыте или нашей деятельности.

Установлено, что только аксиоматический метод развертки теории из исходных постулатов гарантирует истинность выводов теории в области ее применимости. Генетический метод этого не гарантирует и потому он пригоден только в фазе генезиса теории, но не ее обоснования. Опровергнуто принятое сегодня положение о невозможности аксиоматизации достаточно богатой научной теории.

Ключевые слова: мировоззрение; рационализм; наука; метод обоснования.

CRISIS OF RATIONALIST WORLDVIEW AND A UNIFIED METHOD OF JUSTIFICATION OF SCIENTIFIC THEORIES

Alexander M. Voin

International Institute of Philosophy and Society problems

A unified method of justification of scientific theories developed is offered. This method allows correcting the classical rationalism, bringing it in line with the phenomena of real science, meanwhile maintaining a special epistemological status of the latter. It is shown that although the science changes its concepts and conclusions during transition from one fundamental theory to another (Newton – Einstein, etc.), method of substantiation remains the same, and both old and new concepts are bound to experience by the rules of the unified method of justification. The nature and method of this binding is clarified. Moreover old concepts are not necessarily derived from the new ones by the limit's transition by the parameter. In general case both old and new concepts are qualitatively different approximations of same objective substance to which they converge in the process of changing the old theory with new ones. Linking concepts to the experience by the rules of the unified method of justification gives possibility to determine the limits of applicability of the theory in advance before we will reach beyond them in the experiment or in our activities.

It is shown that only the axiomatic method of development of a theory from its postulates guarantees the truth of the findings in the area of its application. The genetic method does not guarantee this and therefore is suitable only in phase of genesis of the theory, but not of its justification. Widely spread position of the impossibility of axiomatization of scientific theory rich enough is refuted.

Key words: world outlook; rationalism; science; method of justification.

* Мнение редколлегии не совпадает с мнением автора статьи.

В основе рационалистического мировоззрения, сыгравшего исключительную роль в становлении и расцвете западной цивилизации, лежит так называемый классический рационализм. Под классическим рационализмом многие понимают философское направление, базирующееся на представлении о причинности всего происходящего в мире и способности человеческого разума постигать эту причинность. Но в этой статье логично рассматривать классический рационализм в более широком контексте, не только как сугубо философское направление, но и как естественно-научное мировоззрение и в значительной степени мировоззрение культурного общества до появления теории относительности. Это оправдано тем, что уже со времен Декарта существовала тесная связь между рационализмом философским и естественно-научным. Большинство основоположников философского рационализма (Декарт, Бекон, Паскаль и др.) были одновременно и философами, и учеными. И в дальнейшем его развитии, в распространении, всемирном признании решающую роль играли его связь с рациональной наукой и успехи последней, приносящие приятные (в то время) плоды технической революции. В науке рационализм сформировался окончательно в трудах Ньютона, Лагранжа и их соратников — Коши, Даламбера, Эйлера и др., создавших классическую механику, ставшую на долгие годы образцом построения рациональной научной теории. И именно проблемы, с которыми со временем столкнулся классический рационализм в сфере естественных наук, в физике в частности, привели к кризису рационализма в философии и кризису рационалистического мировоззрения как такового.

Классический рационализм (в указанном понимании) базируется на следующих постулатах:

1. Все происходящее имеет причины, и наш разум способен постигать их, отталкиваясь от опыта и только опыта (т.е. не привлекая и не признавая никаких априорных истин) и руководствуясь логикой. Такое постижение и его результат и есть наука.

2. Наука предназначена на основании опытов прошлого предсказывать результаты опытов будущего.

3. Наука дает абсолютное знание. Новые теории добавляют новое знание к предыдущему, не изменяя его. Не может быть двух и более разных научных теорий, описывающих одну и ту же область действительности.

4. Выводы науки не могут противоречить опыту и друг другу.

5. Понятия и выводы науки могут и должны быть однозначными и одинаково пониматься всеми учеными.

6. Конечным продуктом науки является теория. Именно она дает абсолютное, неизменяемое знание, к которому новое знание может лишь добавляться. Именно в теории не допускается противоречие выводов друг другу и опыту. Кроме того, выводы теории обязаны охватывать все известные факты из области, которую эта теория претендует описывать.

7. Кроме теорий наука пользуется как рабочим инструментом еще и гипотезами. Выводы гипотезы также не должны противоречить друг другу и должны учитывать значительную часть фактов из описываемой области и не противоречить им. Значительную, но не всю и некоторым фактам могут противоречить. При этом предполагается, что либо гипотеза рано или поздно будет построена и превратится в теорию, т.е. ею будут охвачены все факты из области и устранены противоречия с ними, либо она будет отброшена и утратит статус научной.

8. Кроме теории и гипотезы в науке есть также накопление фактов с помощью наблюдения или эксперимента, их систематизация, классификация, проверка и, наконец, установление на основе опытных данных отдельных законов. Но только теория дает науке особый эпистемологический статус, отличает ее от всего, что не является наукой. Только она дает абсолютное знание, на которое всегда можно полагаться.

Проблемы, с которыми столкнулся классический рационализм в сфере естественных наук, связаны с ошибочностью некоторых его постулатов, а именно утверждений об абсолютности добываемого рациональной наукой знания, неизменяемости понятий и выводов науки и единственности теории, которая может описывать некоторую область действительности, т.е. выводы которой могут соответствовать множеству известных фактов из данной области. Эта ошибочность существовала с момента возникновения классического рационализма и принятия им соответствующих постулатов. Пока наука (точнее, физика как наиболее продвинутая рациональная наука, задающая стандарты научности для других) развивалась в рамках ньютоновской механики, а затем максвелловской электродинамики, этого не

было видно, вернее, мало кто это видел. Но с появлением теории относительности Эйнштейна эта ошибочность стала очевидной всем.

Теория относительности описывала по видимости ту же действительность, что и механика Ньютона, но изменяла и понятия, и выводы последней. Время, бывшее абсолютным у Ньютона, становилось относительным. Скорости, у Ньютона складывающиеся по правилу Галилея, теперь складывались по правилу Лоренца. В частности, скорость света, которая, по Ньютону, должна была складываться со скоростью его источника, теперь оказалась абсолютной и не зависящей от скорости источника и т.д.

Это привело к краху классического рационализма, прежде всего в философии, в которой возник целый ряд направлений, релятивизирующих научное познание (философский релятивизм, онтологический релятивизм, лингвистический релятивизм и т.д.). Наиболее веские аргументы против концепции классического рационализма, основанные на феноменах, парадоксах и противоречиях реальной науки, физики прежде всего, выдвинули представители школы так называемых «социальных постпозитивистов» — Куайн, Кун, Фейерабенд и др. (Куайн, кроме того, является основоположником онтологического релятивизма.) Они полностью отрицали особый эпистемологический статус науки, т.е. наличие в ней хоть чего-нибудь, что принципиально отличало бы ее от любого другого, ненаучного, познания. Так, Фейерабенд, например, заявлял, что наука в принципе ничем не отличается от гадания на кофейной гуще [12]. Куайн отрицал, что научные понятия могут быть привязаны к опыту и только к опыту. Он утверждал, что эти понятия обязательно нагружены уже имеющимся теоретическим знанием и описываются через понятия предыдущих теорий, а те, в свою очередь, через понятия из теорий им предшествующих и так до бесконечности [16]. Кун полагал, что понятия науки не могут быть однозначно определены и, как следствие, между учеными представителями разных парадигм (фундаментальных теорий) не может быть общего языка, а также, что понятия и выводы науки социально нагружены (Эйнштейн принял относительность времени, потому что начитался Маха) и т.д. [13, р. 338]. Постпозитивисты атаковали классический рационализм с разных направлений, но за всем этим разнообразием, явно или неявно, стоял ставший очевидным факт, что понятия и выводы науки, безусловно, меняются.

Поборники классического рационализма как в науке, так и в философии долго пытались отстоять его. Среди ученых это были такие гиганты, как Фреге (Фредж), Пеано, Рассел (логические позитивисты) и Гильберт. Гильберт и Рассел, в частности, пытались, опираясь на некие абсолютные аксиомы, перестроить всю рациональную науку таким образом, чтобы впредь она уже не меняла своих выводов и понятий, но вынуждены были признать, что такая перестройка невозможна.

Многие философы, как западные, так и представители советской-российской диалектико-материалистической школы, также пробовали либо отстоять классический рационализм, либо переделать его и привести в соответствие с реальной ситуацией в науке, физике в частности.

Среди пытавшихся преобразовать классический рационализм западных философов наиболее заметны когнитивные постпозитивисты (Поппер, Лакатос, Лаудан и др.). Признавая (вслед за Куайном), что наука не привязывает своих понятий к опыту, утверждая, что она принципиально погрешима (любая теория будет рано или поздно опровергнута) [15], и что она периодически меняет метод обоснования своих теорий (обосновательный слой) [14], они пытались все же защитить особый эпистемологический статус науки, найти критерии, отличающие ее от ненауки. Поппер для этого избрал свой фальсификационизм, суть которого — в требовании принципиальной опровержимости фактами-фальсификаторами утверждений теории, претендующей на научность. Невозможно проверить опытным путем (фальсифицировать), значит — это не наука.

Далее Поппер (а за ним другие фальсификационисты, они же когнитивные постпозитивисты) утверждает, что хоть наука и истины (принципиально погрешима) и не дают обоснования (надежного и неизменного) для своих теорий, но отличаются от ненауки все же тем, что аргументированно выбирает среди теорий наиболее близкую к истине: «Я говорю о предпочтительности теории, имея в виду, что эта теория составляет большее приближение к истине и что у нас есть основания так считать или предполагать» [10, с. 94].

Но когнитивные постпозитивисты не смогли предотвратить кризис рационалистического мировоззрения, их робкие попытки отстоять особый эпистемологический статус рациональной науки были безуспешны. Очевидно, что попперовское требование принципиальной проверяемости опытом выводов теории не является достаточным

критерием, позволяющим уверенно отделить науку от ненауки, Что же касается оснований предпочитать одну теорию другой, о которых пишет Поппер, то его ученик И. Лакатос в этой связи отмечал: «Попперианский критический фаллиблизм принимает бесконечный регресс в доказательстве и определении со всей серьезностью, не питает иллюзий относительно “остановки” этих регрессов... При таком подходе основание знания отсутствует как вверху, так и внизу теории... Попперианская теория может быть только предположительной... Мы никогда не знаем, мы только догадываемся. Мы можем, однако, обращать наши догадки в объекты критики, критиковать и совершенствовать их... Неутомимый скептик, однако, снова спросит: “Откуда вы знаете, что вы улучшаете свои догадки?” Но теперь ответ прост: “Я догадываюсь”. Нет ничего плохого в бесконечном регрессе догадок» [7, с. 115].

Таким образом, все основания для предпочтения одной теории другой оказались на поверку не более чем догадками. Что в этом плохого, не требует пояснений.

Что касается представителей советской-российской философской школы, то еще В.И. Ленин исправил классическую абсолютистскую формулировку связи научного познания с действительностью (наука ничего не меняет в одной добытом знании, а лишь прибавляет к нему новое) следующим образом: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мыслях человека надо понимать не “мертво”, не “абстрактно”, не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [цит. по: 8, с. 293].

Как видим, Ленин отходит от свойственной классическому рационализму абсолютизации научного познания и задает этим вектор диалектики абсолютного и относительного в объективной истине. На первый взгляд, это решает проблему: познание не настолько абсолютно, как казалось представителям классического рационализма, но и не настолько относительно, как полагают релятивизаторы науки. А есть диалектика абсолютно и относительного.

Мы можем ошибаться, но по нашему мнению ленинская формулировка страдает большой неопределенностью. Определение познания у него дано через другое понятие, а именно через «отражение». Если отражение рассматривать так, как оно толкуется в обиходе и в классическом рациона-

лизме, т.е. как изображение в зеркале, то это будет достаточно однозначное и всеми более или менее одинаково понимаемое определение. И каждый, кто прочтет это определение, поймет его так же, как другие и написавший его. Но если отражение не как в зеркале, а с изменениями, противоречиями и т.д., то, поскольку не оговорено, с какими изменениями и как преодолеваются противоречия, каждый может понимать это определение по-своему, как угодно, если вообще поймет. Противоречия чего чему? Противоречия выводов друг другу или противоречия выводов фактам? Если противоречат выводы один другому, то как можно пользоваться такой наукой? Один вывод свидетельствует о том, что нужно идти направо, другой — налево, так куда идти, прямо? Если противоречат фактам, то какова надежность такой науки и чем она отличается от гадания на кофейной гуще, которое тоже допускает противоречие выводов гадалки фактам? Кому вообще нужна такая наука?

Диалектико-материалистическое направление далее развивается в трудах советских и российских философов.

Так, философом И.В. Кузнецовым была предпринята попытка философского осмысления принципа соответствия Бора. Он представил его в качестве закономерности развития научного знания: «Теории, справедливость которых экспериментально установлена для той или иной области физических явлений, с появлением новых более общих теорий не устраняются как нечто ложное, но сохраняют свое значение для прежней области явлений, как предельная форма и частный случай новых теорий. Выводы новых теорий в той области, где была справедлива старая “классическая” теория, переходят в выводы классической теории; математический аппарат новой теории, содержащий некий характеристический параметр, значения которого различны в старой и новой области явлений, при надлежащем значении характеристического параметра переходит в математический аппарат старой теории» [6, с. 56].

Это уже дает ответ на некоторые аргументы постпозитивистов, в частности объясняет и устраняет противоречие между выводами сменяющих друг друга фундаментальных теорий. Лишь кажется, что выводы новой и старой теории противоречат друг другу. На самом деле выводы старой теории есть частный случай выводов новой, получающиеся из них через предельный переход

по параметру. (Как в случае с формулами Галилея и Лоренца для времени, перемещений и скоростей.)

Такое объяснение было бы прекрасным, если бы не оказалось, «что связь между новыми и старыми теориями значительно сложнее и многограннее, чем это следует из принципа соответствия. Если, скажем, обратиться к классической механике и представить ее как совокупность суждений (а не математических формул), то эта теория не может рассматриваться ни как предельный, ни как частный случай релятивистской механики» [9].

Одним словом, не всегда старую фундаментальную теорию можно представить как частный случай новой, получаемый через предельный переход по параметру. В случае с понятием времени у Ньютона и Эйнштейна (формула Галилея и формула Лоренца) это возможно. А в случае представления электрона как шарика с массой и зарядом в теории тока, затем как электрического облака, размазанного по орбите, в теории атома и, наконец, как пакета волн в квантовой физике это не получается.

Попытка противостоять релятивизаторам научного познания предпринята В.А. Лекторским [8]. Он успешно опровергает теоретико-познавательные построения экзистенциалистов. Но оспорить утверждения постпозитивистов, такие, например, как непривязанность понятий к опыту, смена метода обоснования при смене фундаментальных теорий, приводящая к утрате общего языка у сторонников этих теорий, и т.д., и объяснить, как именно понятия привязаны к опыту, если при смене фундаментальных теорий они меняются, он, на наш взгляд, не смог.

Другой российский гносеолог В.С. Степин развил теорию трех периодов в науке: классического, неклассического и постнеклассического — для каждого из которых характерен свой метод обоснования, чем фактически подтвердил мнение Лакатоса о сменяемости «обосновательных слоев» и Куна об отсутствии общего языка у представителей разных научных парадигм. В.С. Степин также в качестве базового элемента познания брал не понятие, а «абстрактный объект» [11]. Однако, по нашему мнению [2], это неверно, поскольку такой подход не позволяет опровергнуть утверждение Куайна и других о том, что наши понятия не привязаны к опыту, поскольку они изменяются при переходе от одной парадигмы к другой, а объективная действи-

тельность потому и объективная, что не изменяется вместе с нашими понятиями о ней.

Таким образом, основные идеи постпозитивистов не были опровергнуты ни западными, ни советско-российскими философами. Не выясненными оставались также следующие вопросы: есть ли у науки особый эпистемологический статус, в чем он заключается и каковы критерии, отличающие науку от лженауки.

На наш взгляд, в предложенной нами теории познания [3, с. 15–49] и в разработанном на ее базе едином методе обоснования научных теорий [1] удалось преодолеть ограниченности классического рационализма и отстоять при этом особый эпистемологический статус науки [4]. Наш неорационализм признает, что знание, добываемое наукой, не является абсолютным в том смысле, в котором это понималось в классическом рационализме. Он признает те феномены реальной науки, осознание которых привело к кризису классического рационализма, а именно что реальная наука при смене фундаментальных теорий меняет понятия и выводы, а также что одна и та же область действительности может описываться разными теориями.

Но нами опровергаются утверждения релятивизаторов о том, что рациональная наука вообще не имеет особого эпистемологического статуса и нет ничего, в принципе отличающего ее от ненаучных способов познания. Науку от ненауки отличает способ обоснования теорий и предсказаний. Данный способ — это тот самый единый метод обоснования научных теорий, который выработался самой рациональной наукой в процессе ее развития и относительно оформился в работах Ньютона и Лагранжа, но до сих пор не был представлен эксплицитно (в явном виде), а существовал как стереотип естественно-научного мышления. Нами этот метод сформулирован и показано, что он не изменяется при переходе от одной фундаментальной теории к другой [1]. Например, понятия времени и другие у Ньютона и Эйнштейна качественно отличаются друг от друга, но обе теории обоснованы посредством единого метода.

Мы опровергаем также тезис релятивизаторов о том, что понятия науки не привязаны к опыту, что они выводятся только одно через другое и нагружены теоретически или аксиологически. Определение понятий через другие возможно и допустимо только при построении частных теорий, основывающихся на некоей фундаментальной, как, например, в случае теории твердого тела, гидро- и

аэродинамики, строящихся на базе классической механики Ньютона. Но понятия фундаментальной теории обязаны быть привязаны к опыту и только к опыту по правилам единого метода обоснований. Остановимся только на главных аспектах единого метода обоснования.

Во-первых, как объяснить, что наука привязывает понятия фундаментальных теорий к опыту, если она меняет их при смене этих теорий? Как может быть, что время, абсолютное у Ньютона и относительное у Эйнштейна, привязано к одному и тому же множеству опытных фактов? Как сказано, объяснение, гласящее, что понятия старой теории формируются из понятий новой через предельный переход, применимо лишь к частным случаям, а в общем случае не подходит. (Для понятия времени у Ньютона и Эйнштейна это годится, а для понятия электрона в теории тока, теории строения атомного ядра и в квантовой физике — не годится.)

Суть привязки понятий к опыту, объясняющая также, почему понятия разных фундаментальных теорий, описывающих одну и ту же область действительности, не просто могут, но обязаны качественно отличаться друг от друга, определяется термином «аппроксимация». Близкие (одноименные) понятия сменяющих друг друга фундаментальных теорий (время у Ньютона и Эйнштейна, электрон как шарик с массой и зарядом в теории тока, как электронное облако в теории строения атома и как пакет волн в квантовой физике и т.д.) являются разными аппроксимациями одних и тех же объектов реальности. Качественно, в словесном и математическом выражении эти аппроксимации отличаются друг от друга (время абсолютно и время относительно), но они являются аппроксимациями одного и того же объекта действительности. Точнее, существует некая общая для этих аппроксимаций область действительности, в пределах которой они дают приемлемую для нас точность приближения к этой действительности. Но за пределами этой области одна из аппроксимаций перестает нас устраивать, далеко отклоняется от действительности, а другая продолжает быть приемлемой. (Механика Ньютона дает приемлемую аппроксимацию действительности для скоростей далеких от скорости света, а релятивистская механика годится и для скоростей далеких от скорости света, и для близких к ней.)

Чтобы лучше уяснить это, нужно учесть, что понятия тесно связаны с аксиомами, они же постулаты или основные законы фундаментальной

теории. При исключительно аксиоматическом построении теории определения понятий как раз и задаются аксиомами, как это имеет место, например, в геометрии Евклида. Поэтому привязка к опыту понятий и привязка к нему законов — постулатов — это одно и то же.

Как осуществляется привязка к опыту фундаментальных законов теории? Результаты опытов, определяющих зависимость между какими-либо двумя величинами (при фиксированных прочих), изображаются в виде точек на графике, а затем подбирается кривая, которая пройдет достаточно близко от этих точек. Формула этой кривой (прямая, парабола, гипербола и т.п.) и представляет закон строящейся теории. Но одному и тому же набору точек на графике может удовлетворять с заданной точностью бесчисленное множество качественно отличных аппроксимаций (кривых на графике, имеющих разные и несводимые одно к другому математические выражения). Эти аппроксимации вовсе не обязаны получаться одна из другой через предельный переход по параметру. Каждой такой аппроксимации соответствует своя теория, описывающая эту область действительности. Отсюда вытекает возможность существования множества теорий, описывающих одну и ту же область. Но после того как появляются новые опытные данные, дающие новые точки на графике за пределами прежней области, может выясниться, что закон — аппроксимация и соответствующая ему теория, принятые до сих пор, в новой области, расширяющей исходную, далеко отклоняются от экспериментальных точек. И тогда мы начинаем искать новую аппроксимацию, т.е. вынуждены строить новую фундаментальную теорию. Причем понятия этой новой теории не только не выводятся из понятий прежней, они просто обязаны быть качественно отличными и привязываться только к опыту, причем к опыту как из области действия прежней теории, так и из области, расширяющей прежнюю за счет новых данных.

Другой принципиальный аспект единого метода обоснования — это развертывание теории из исходных постулатов. Если оно делается по требованиям единого метода обоснования, то выводы такой теории, и предсказываемые ею результаты будущих опытов будут совпадать с самими результатами этих опытов (с заданной точностью и вероятностью, которые мы можем при желании увеличивать) в пределах применимости теории, т.е. в пределах, в которых ее постулаты привязаны к опыту. (Для механики Ньютона в пределах, где

скорости далеки от скорости света.) Это придает истинности добываемых наукой знаний новый смысл, существенно отличный от того, что имело место в классическом рационализме. Но это одновременно опровергает утверждение релятивистов о том, что наука дает только относительное знание, что нет никакой разницы между теорией и гипотезой и что рано или поздно любая теория будет опровергнута новой и утратит полностью свою истинность. Как видим, с появлением новой фундаментальной теории прежняя отнюдь не теряет своей истинности в пределах пригодности ее аппроксимации. (Другое дело, что смысл истинности теперь отличается от того, который был в классическом рационализме.) Что касается самих этих пределов, т.е. границ применимости теории, то единый метод обоснования позволяет определить минимальные границы до того, как мы столкнемся в ходе использования теории с выходом за пределы ее применимости. Учитывая, что до сих пор мы узнавали о пределах применимости теории, не говоря о конкретной границе, только тогда, когда на практике выходили за ее пределы (как это было, например, в случае с опытом Майкельсона–Морли для теории Ньютона), значение возможности знать заранее эти границы трудно переоценить. Особенно это важно, когда речь идет о теориях, предлагающих нам то или иное устройство общества, систему ценностей, морали и т.п.

Упомянутый способ развертывания теории согласно единому методу обоснования — это аксиоматическое построение ее. Показано, что только аксиоматическое построение теории обеспечивает истинность ее выводов (в указанных выше смысле и пределах применимости этой теории). Мы не можем согласиться с утверждением ряда философов и методологов науки, о принципиальной невозможности аксиоматической перестройки произвольной научной теории [2]. Относительно того, что на практике далеко не все научные теории выстроены сугубо аксиоматически, единый метод является такой же идеализацией реальной научной практики, как и понятия самой науки, например «идеальная жидкость» или «идеально твердое тело», являются идеализацией реальных объектов действительности ими описываемых. То есть в тех случаях, когда научная теория выстроена не исключительно аксиоматически, ее построение все же должно быть достаточно близко к таковому. А если это не так, то это не наука.

Показано также, что наука может однозначно определять свои понятия и однозначно привязывать их ко множеству объектов действительности, охватываемых этими понятиями (иными словами, однозначно определять само это множество). А при условии однозначного определения понятий и аксиоматического развертывания теории автоматически обеспечивается и однозначность выводов теории. Это опровергает утверждение релятивистов о невозможности достижения однозначности понятий и выводов в науке и невозможности обретения понимания между учеными — последователями разных фундаментальных теорий.

Нами уточняется также смысл термина «теория». Согласно единому методу обоснования теорией является только система аксиом (постулатов) и выводов из них. Разница состоит в том, что не всякая совокупность законов, относящихся по видимости к одной и той же области действительности (не определенной к тому же формально), является системой аксиом. Не случайно есть знаменитые три закона Ньютона: первый, второй и третий и отдельно — закон всемирного тяготения, которому Ньютон почему-то не дал номер четвертый. Ньютон хоть и не сформулировал единый метод обоснования, но интуитивно чувствовал его и предполагал, что три его закона образуют систему аксиом, а закон всемирного тяготения к ней не принадлежит. Показано, что только теория в указанном смысле, т.е. базирующаяся на систему аксиом — постулатов с аксиоматически развертываемым из них выводами, гарантирует однозначность этих выводов и их истинность в отношении привязки аксиом к опыту. Еще мы показываем, что изменение хотя бы одной из аксиом равносильно изменению всей системы. Это обусловлено тем, что система аксиом всей своей совокупностью определяет базовые понятия соответствующей теории и изменение хотя бы одной из них означает изменение всех понятий, а значит, и содержания других аксиом. В то же время если мы изменим, например, закон всемирного тяготения (скажем, добавим в него множитель, как в формуле времени в релятивистской механике), то это никак не коснется упомянутых трех законов Ньютона и выстроенной на них теории.

Наконец, единый метод обоснования дает четкие критерии демаркации науки и ненауки — естественно, когда речь идет о теории, а не о накоплении, систематизации фактов. Это прежде всего однозначность определения понятий и формули-

ровки постулатов. Затем их привязка к опыту через аппроксимацию и аксиоматическое (или близкое к нему) развертывание теории.

Кроме того, нами показана возможность применения с соответствующей адаптацией единого метода обоснования и в гуманитарной сфере, в частности в философии и при анализе религиозных учений и текстов. В частности, построена оптимальная теория морали [3, с. 94–126] и осуществлен рациональный анализ библейских текстов [5]. Применение единого метода обоснования в гуманитарной сфере еще важнее, чем в сфере естественных наук. Во-первых, потому что в сфере естественных наук этот метод применяется хотя бы на уровне стереотипа естественно-научного мышления (правда, чем дальше, тем менее успешно), а в сфере гуманитарной он неизвестен вообще. А во-вторых, потому что гуманитарное, духовное развитие современного человечества драматически отстает от технического, что угрожает самому его существованию.

Список литературы

1. *Воин А.М.* Единый метод обоснования научных теорий. СПб.: Алетейя, 2012. 214 с.
2. *Воин А.М.* К вопросу о принципиальной возможности аксиоматической перестройки произвольной научной теории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4(16). С. 101–109.
3. *Воин А.М.* Неорационализм. Киев: Укринтермедас, 1992. 166 с.
4. *Воин А.М.* Особый эпистемологический статус науки и современная физика // Философия физики. Актуальные проблемы. М.: ЛЕНАНД, 2010. С. 29–32.
5. *Воин А.М.* Эволюция духа. От Моисея до постмодернизма. М.: Direct Media, 2013. 538 с.
6. *Кузнецов И.В.* Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.; Л.: ОГИЗ: Гостехиздат, 1948 116 с.
7. *Лакатос И.* Бесконечный регресс и основания математики // Современная философия науки. М.: Логос, 1996. С. 106–135.
8. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980. 358 с.
9. *Овчинников Н.Ф.* Соответствия принцип // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2793.html> (дата обращения: 18.04.2015).
10. *Поппер К.* Реализм и цель науки // Современная философия науки. М.: Логос, 1996. С. 92–106.
11. *Степин В.С.* Становление научной теории. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976. 319 с.
12. *Feyerabend P.* Science in free society. London: New Left Books, 1978. 221 p.
13. *Kuhn T.* Objectivity, Value Judgment and Theory Choice // T. Kuhn. The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. London: University of Chicago Press, 1977. P. 320–339.
14. *Lacatos I.* Mathematics, Science and Epistemology. Cambridge: University Press. 1978. P. 3–23.
15. *Popper K.* Realism and the Aim of Science. L., N.Y.: Routledge, 1992. 464 p.
16. *Quine W.V.O.* Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185–212.

Получено 11.06.2015

References

1. *Voin A.M.* *Edinyj metod obosnovaniya nauchnyh teorij* [Unified method of justification of scientific theories]. Saint Petersburg, Aleteyja Publ., 2012. 214 p. (In Russian).
2. *Voin A.M.* [On principal possibility of axiomatic reconstruction of scientific theories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”]. 2013, no 4(16), pp. 101–109. (In Russian).
3. *Voin A.M.* *Neoratsionalizm* [Neorationalism]. Kiev, Ukrintermedias Pybl., 1992, 166 p. (In Russian).
4. *Voin A.M.* [Specific epistemological status of science and modern physics]. *Filosofiya fiziki. Aktual'nye problemy* [Philosophy of physics. Timely problems]. Moscow, LENAND Publ., 2010, pp. 29–32. (In Russian).
5. *Voin A.M.* *Jevolyutsiya duha. Ot Moiseya do postmodernizma* [Evolution of the spirit. From Moses to postmodernism]. Moscow, Direct Media Publ., 2013, 538 p. (In Russian).
6. *Kuznetsov I.V.* *Printsip sootvetstviya v sovremennoj fizike i ego filosofskoe znachenie* [The correspondence principle in physics and its philosophical meaning]. Moscow, OGIZ, Gostehizdat Publ., 1948, 116 p. (In Russian).
7. *Lakatos I.* [Infinite regress and foundation of mathematics]. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. Moscow, Logos Publ., 1996, pp. 106–135. (In Russian).
8. *Lektorskiy V.A.* *Sub'ekt, ob'ekt, poznanie* [Subject, object, perception]. Moscow, 1980, 358 p. (In Russian).
9. *Ovchinnikov N.F.* [The correspondence principle]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl' Publ., 2010. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/2793.html> (In

- Russian).
10. Popper K. [Realism and the aim of science]. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. Moscow, Logos Publ., 1996, pp. 92–106. (In Russian).
 11. Stepin V.S. *Stanovlenie nauchnoj teorii* [Establishment of scientific theory]. Minsk, Belorussia State University Publ., 1976. 319 p. (In Russian).
 12. Feyerabend P. *Science in free society*. London: New Left Books, 1978. 221 p.
 13. Kuhn T. Objektivitj, Value Judgment and Theory Choice // T. Kuhn. *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. London: University of Chicago Press, 1977. P. 320–339.
 14. Lakatos I. *Mathematics, Science and Epistemology*. Cambridge: University Press. 1978. P. 3–23.
 15. Popper K. *Realism and the Aim of Science*. L., N.Y.: Routledge, 1992. 464 p.
 16. Quine W.V.O. *Ontological Relativity* // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185–212.
- The date of the manuscript receipt 11.06.2015*

Об авторе

Воин Александр Миронович

кандидат физико-математических наук,
руководитель Международного института
философии и проблем общества,
Украина, 02232, ул. М. Цветаевой, 5/143;
e-mail: philprob@yandex.ru

About the author

Voin Alexander Mironovich

Ph.D. in Physics and Mathematics,
Director of International Institute of Philosophy
and Society problems,
5/143, M. Tsvetaeva str., Kiev, 02232, Ukraine;
e-mail: philprob@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Воин А.М. Кризис рационалистического мировоззрения и единый метод обоснования научных теорий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 41–49.

Please cite this article in English as:

Voin A.M. Crisis of rationalist worldview and a unified method of justification of scientific theories // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 41–49.

УДК 101.1:316

ВИРТУАЛЬНАЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Соколова Дина Михайловна

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В статье рассматриваются феномены виртуального субъекта и виртуальной intersubjectivity. Для анализа современного общества автор применяет категории, введенные в философию Э. Гуссерлем и его последователем А. Шюцем. Понятие intersubjectivity было использовано Э. Гуссерлем для объяснения возможности взаимодействия между отдельными индивидами — монадами. А. Шюц продолжил работу в этом направлении и адаптировал предложенную Э. Гуссерлем концепцию к анализу социальной реальности.

Сегодня специфика социальных коммуникаций меняется. Поэтому категориальный аппарат феноменологии нуждается в корректировке. Один из трендов современности — виртуализация. Отличительной чертой виртуализации социального в информационную эпоху является значительная трансформация фундаментальных основ общественного бытия: например, в виртуальном мире получает развитие новый принцип сетевой организации, применимый и для социальных структур, существующих за пределами виртуальной реальности.

Ключевые слова: intersubjectivity; substantiality; intersubjective sociality; substantial sociality; communication; social communication; virtual subject; virtual intersubjectivity.

VIRTUAL INTERSUBJECTIVITY: THE SOCIAL AND EXISTENTIAL ASPECTS OF THE ANALYSIS

Dina M. Sokolova

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

In this article the phenomena of virtual subject and virtual intersubjectivity are considered. For the analysis of modern society the author applies to the categories introduced into philosophy by E. Husserl and his follower A. Schutz. The concept of intersubjectivity has been used by E. Husserl to explain the interaction between individuals — monads. A. Schutz continued working in this direction and adapted this concept to the analysis of social reality.

Today the specifics of social communications are changing. Therefore, the categorical system of phenomenology needs to be adjusted. One of the contemporary trends is virtualization. The significant transformation of the fundamentals of social life is a distinctive feature of virtualization of the sociality in the information period. For example, a new principle of network organization is being developed in the virtual world. Now this principle is extended to the social structures that exist in reality.

Key words: intersubjectivity; substantiality; intersubjective sociality; substantial sociality; communication; social communication; virtual subject; virtual intersubjectivity.

Один из извечных вопросов философии может быть сформулирован следующим образом: как возможно сообщество индивидов? При этом его обратной стороной будет проблема самоопределения человека, ибо подлинная философская наука об обществе невозможна без поиска онтологических оснований его бытия и бытия входящих в него субъектов. К сожалению, необходимо при-

знать, что современная философия не обладает инструментарием, позволяющим описать все богатство социальных явлений, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Сложность заключается в том, что, не уделяя достаточного внимания разработке адекватной методологии, она погружается в эмпирическую сферу и описательность, в то время как в ее задачу входит, в первую очередь,

разработка категориального аппарата, который позволит осмыслить происходящее.

Онтологическая сущность общественного бытия обусловлена спецификой социального, которое «есть не только объективная данность, обуславливающая индивидуальное сознание и поведение, но и определенным образом интерпретируемая людьми реальность» [4, с. 88]. В современном обществе значимость этих семиотических составляющих увеличивается в геометрической прогрессии.

Новые технологии, входящие в повседневный обиход, с неизбежностью меняют общественное устройство и характер межличностных взаимодействий — это утверждение уже стало общим местом, но оно до сих пор не отрефлектировано в должной мере. Важно отметить, что эти новшества определяют и наше восприятие действительности, и наше мышление. Хаотично возникающие социальные связи влияют на траекторию жизни индивида, социальной группы, а иногда и целых государств. Современный человек оказывается безоружен перед захватывающей его сетью глобальных коммуникаций и лавинообразно распространяющейся информации, не знает, как воспринимать эту реальность. Даже те, кто считает, что он не включен в эти процессы и продолжает жить как раньше, испытывает на себе их влияние, хотя, возможно, и не осознает этого.

В новой социальной реальности действуют особые законы, изучение которых составляет предмет современной гуманитарной науки. Казалось бы, что общего между стихийными толпами митингующих, организованными невидимым лидером, о котором известен только его никнейм, и сообществами людей, «живущих» в чатах и социальных сетях? Принципы, согласно которым функционирует общество, универсальны и, разные в своих проявлениях, они действуют единообразно.

В социальной онтологии можно выделить две модели устройства общественного бытия. Одна из них — субстанциональная — акцентирует внимание на первичности социальной реальности по отношению к индивиду и ее автономности. Она предполагает, что социальность является эманацией реальности иного порядка. Другая — интерсубъективная — утверждает, что социальность создается индивидами. Такие категории, как «интерсубъективность», «интерактивность», «интертекстуальность», «коммуникативность», описывают сущностные особенности понимания социальной реальности в интерсубъективной концеп-

ции, рассматривающей общественное бытие сквозь призму понятия «бытие-становление».

Последняя модель оказывается более востребованной в современной социальной философии, так как больше подходит для описания любого явления в его динамике, а изменчивость в настоящий момент является одной из главных характеристик всех социальных процессов современности. Ключевое понятие интерсубъективности в философский глоссарий было введено основоположником феноменологии Э. Гуссерлем как раз в качестве попытки объяснить, как разрозненные сознания могут взаимодействовать между собой и как отдельные индивиды могут образовывать единое целое.

Конституция объективного мира, согласно Э. Гуссерлю, начинается с конституции Другого и других как множества монад, сосуществующих в гармонии. Трансцендентальное *его* при этом воспринимается как *его*, «обладающее опытом мира в себе самом, указывающее на гармоническую согласованность мира» [2, с. 260]. Трансцендентальная интерсубъективность существует только благодаря размышляющему *его*, она конституируется из источников интенциональности таким образом, что в «интенциональных переживаниях каждого отдельного человека присутствует одна и та же трансцендентальная интерсубъективность» [7, с. 188]. Эта интерсубъективность «конституирована для меня чисто во мне, в размышляющем *его*, и только из источников, принадлежащих моей интенциональности, но конституирована как такое сообщество, которое конституировано и в каждой другой монаде... как то же самое сообщество, только в другом субъективном модусе явления...» [2, с. 249].

Каждая группа монад, или социальная общность, обладает своей интерсубъективностью, но их интерсубъективности не изолированы друг от друга. Они объединены мыслящим их Я. Поэтому в действительности может существовать только одно сообщество монад — сообщество, объединяющее все существующие монады. Интерсубъективность следует понимать как универсальную основу коммуникации и социальных общностей, которая делает возможным как взаимопонимание Я и Другого, так и существование человечества как единого целого. Другой и различные *его* воплощения (Ты, Мы, Они) — это интерсубъективные модификации Я. «Трансцендентальное “Я”, с одной стороны, совершенно уникально и лично не склоняемо. Но в отношении *самого себя* оно проявляет трансцендентальную склоняемость пу-

тем присущего ему особого акта конституирования, и тем самым оно конституирует из самого себя и в самом себе трансцендентальную интерсубъективность...» [5, с. 73]. Однако этим допущением Э. Гуссерль едва ли разрешает проблему объяснения того, как замкнутые на себе монады могут взаимодействовать между собой.

А. Шюц, последователь Э. Гуссерля, эту схему дополнил категорией смысла. Исходной точкой для него стал тот факт, что мир имеет значение для меня, но он имеет значение также и для других, при этом эти значения не тождественны, но с необходимостью должны так или иначе коррелировать друг с другом. Базисные допущения относительно устройства этого мира мы принимаем по общему согласию. Они транслируются в процессе социализации, воспринимаются как естественные и не проблематизируются обыденным мышлением. Личностные переживания этого мира, согласно А. Шюцу, носят индивидуальный характер, но, тем не менее, и они подвергаются определенной стандартизации, так как с необходимостью подтверждаются и корректируются опытом других. Мир повседневной жизни следует представлять прежде всего как универсум значений: «Социальный мир, в котором я живу, будучи связанным многочисленными отношениями с другими людьми, является для меня объектом, который я интерпретирую как значимый. Он наделен для меня смыслом, но точно так же я уверен в том, что он наделен смыслом и для других людей тоже» [7, с. 109].

Утверждение категории интерсубъективности не переносит центр тяжести с субъекта на некое межсубъектное поле, как это кажется на первый взгляд: «...с феноменологической точки зрения общество — это интерсубъективность. Это сообщество монад, это интерсубъективный мир... я как трансцендентальный субъект вхожу в интерсубъективный мир в качестве центральной монады. Таким образом, интерсубъективный мир, пусть не полностью, но является частью мира моих интенциональных объектов» [6, с. 3]. В таком понимании общества раскрываются, как минимум, два аспекта: первый — социальный мир — это мир общих смыслов, второй — я может трактовать эти смыслы исходя из своего личного восприятия.

Что касается первого, то наличие общих смыслов обеспечивает возможность взаимодействия. Если бы социальные субъекты не располагали унифицированным набором значений, никакое сообщение между ними не было бы возможно.

Поэтому интерсубъективность и является главным условием коммуникации. С другой стороны, интерсубъективность может быть рассмотрена и как результат коммуникации, в рамках которой возникают новые социальные смыслы. В связи с этим представляется необходимым различать два уровня интерсубъективности: *интерсубъективность как предпосылку и необходимое условие коммуникации, сонстроенность отдельно взятых сознаний, их способность воспринимать друг друга и окружающий мир* и *интерсубъективность как совокупность смыслов, рождающихся в процессе коммуникации, имеющих значимость в пределах конкретного общества или отдельно взятого его исторического типа*. В первом случае интерсубъективность рассматривается, по существу, субстанционально, а во втором результат коммуникации оказывается не чем иным, как субстанцией. Таким образом, следует отметить, что разделение концепций социальности на субстанциональные и интерсубъективные во многом условно, и в связи с этим необходимо преодолеть разрыв между этими двумя моделями.

Интерсубъективно-субстанциональная модель предполагает признание двух онтологических начал социального — интерсубъективного и субстанционального, взаимосвязанных по принципу генетической связи. Интерсубъективность как то, что является неперенным условием коммуникации, сама может быть рассмотрена как субстанция социального, его первоначало в том смысле, в каком она понимается в феноменологии.

Однако в коммуникации конституируются и новые уровни интерсубъективности — поля общих социальных смыслов, разделяемых членами коммуникативного сообщества. Эти смыслы могут субстантивироваться и институционализироваться. Со временем они начинают восприниматься как объективно существующие, но уже на стадии формирования проявляется сила их сопротивления внешней среде. Такие субстанциональные формы социальности могут выступать в качестве коммуникативных барьеров, являющихся причиной разрыва интеракций или их низкой эффективности. К ним можно отнести социальные институты, представляющие собой социальные тела, возникшие из определенных смыслов, право на существование которых они защищают. Другим видом коммуникативных барьеров являются социальные структуры, действующие на бессознательном уровне. Субстанциональность социального выражает преемственность между различными формами социальной организации, це-

лостность и единство социальной реальности, интерсубъективность — возможность вмешательства в социальный мир, хотя и ограниченную институциональными рамками.

Благодаря применению модели интерсубъективно-субстанциональной социальности к анализу социальных феноменов современности становится возможным определение объективных закономерностей в развитии общества, предопределенных субстанциональными основаниями, и параметров вариативности социального процесса, задаваемых интерсубъективными основаниями. Социальные структуры устойчивы, но подвержены изменениям, которые возникают в связи с тем, что с течением времени те или иные нормы утрачивают актуальность. Тогда коммуникативным сообществом принимается решение о введении новых норм. Не всякая утвержденная таким образом норма «приживается» в обществе, так как, помимо социальных смыслов, закрепляемых консенсусом, существуют также неконвенциональные смыслы, истоки которых уходят в историю каждой конкретной общности (архаические представления и архетипы) и обусловлены особенностями генезиса социального.

Процессы виртуализации социального в значительной степени усложняют структуру общественного устройства. Они способствуют созданию множества социальных миров и даже альтернативной социальности, зарождающейся в Интернете. Получившие развитие в глобальной сети формы социальной организации позже находят воплощение в реальном мире. Пространство Сети — это прежде всего коммуникативное пространство, поэтому его описание требует обращения к соответствующим философским концептам: «виртуальность (киберпространство) как в узком, так и в широком смысле — это специфическая форма интерактивной коммуникативной реальности, являющаяся собой по сути альтернативу материальному миру. Поскольку киберпространство предполагает возможность непосредственных контактов с другими виртуальными субъектами, проблема коммуникации подлежит переосмыслению в этом контексте» [1, с. 40].

Социальная реальность сама по себе является в некотором смысле виртуальной, так как в ней означающие зачастую не согласуются с означаемым, и она функционирует за счет постоянного обновления поля символических значений. В современном мире ее виртуальная составляющая приобретает все большее значение. Применение предлагаемой модели интерсубъективно-

субстанциональной социальности позволяет определить границы виртуализации социального, онтологические основания этого процесса и его антропологические последствия. Понимание виртуализации общества как увеличения роли Интернета и информационных технологий в повседневности — всего лишь одна из возможных трактовок. При более детальном изучении данного процесса обнаруживаем, что он приводит к конституированию особого поля социальных смыслов, приобретающего особо значимый статус. В Интернете появляются аналоги существующих в действительности социальных институтов, а некоторые институты полностью перемещаются в виртуальную среду. В Сети зарождаются смыслы, которые впоследствии определяют восприятие событий, происходящих в реальности, миллионами людей. В онлайн параллельно протекает жизнь, наполненная экзистенциально значимыми событиями. Однако эти процессы не безграничны в силу невозможности полной десубстанционализации общества и индивида, и смерть социального, полностью поглощенного «черной дырой» симуляционной реальности, всего лишь один из симулякров эпохи.

Полному уничтожению реальности противостоит ее телесность, которая, даже будучи вынесенной за скобки, не перестает существовать. Таким образом, социальные процессы современности не уничтожают социальность как таковую, но привносят в ее структуру новые элементы или расставляют в ней новые акценты.

Виртуализация по-иному ставит проблему социальной субъектности. На экзистенциальном уровне это выражается в трансформации личности в символического, а скорее виртуального, субъекта. Происходит как бы расщепление субъекта на множество виртуальных субъектов, тождественных продуцируемым единым субъектом текстам. В данном случае определение «виртуальный» не означает лишенный телесности или статуса реального существования. Виртуальный социальный субъект следует понимать по аналогии с фотоном, осуществляющим взаимодействие между двумя электронами: «он существует в течение весьма короткого промежутка времени и не фиксируется средствами наблюдения как отдельная частица; поэтому его называют “виртуальным”, в отличие от свободного фотона, регистрируемого прибором» [1, с. 28]. Такова же судьба виртуального социального субъекта, он осуществляет конкретную коммуникативную функцию и после этого перестает существовать. Каждый ин-

дивид как участник компьютерно опосредованных коммуникаций производит множество виртуальных личностей, все из которых несут на себе отпечаток подлинной личности владельца, но ни одна из них не может быть полностью ей тождественна. Поведение пользователя, его манера общаться и активность деятельности напрямую зависят от того, какую задачу он выполняет в данном сегменте пространства Сети.

Специфика Интернета создает условия для появления качественно новых социальных феноменов. Анонимность, возможность осуществления мгновенной связи, участия в коммуникации одновременно со множеством собеседников, изменения уже опубликованной информации — все это составляет преимущество виртуальных взаимодействий. В таких коммуникациях зарождаются новые социальные смыслы, часть из которых не могла бы появиться в офлайне. В конечном итоге мы можем говорить о зарождении особой формы интерсубъективности — виртуальной.

Постепенно люди отказываются от реального личного общения, кажется, что скоро они будут воспринимать друг друга только через посредство экрана, и чтобы вызвать человека на диалог, к нему недостаточно будет подойти и обратиться, а станет необходимым взглянуть на него с монитора компьютера или смартфона, чтобы быть воспринятым. Экран становится универсальным средством коммуникации не только с Другим, но и вообще с внешней средой. Вне зависимости от рода деятельности в ситуации тотальной компьютеризации труда мы большую часть рабочего времени проводим перед экранами различных устройств. После работы наше свободное время занимают так называемые гаджеты. Они предлагают нам развлечения и отдых в аналогичной цифровой форме, и снова мы включаемся в коммуникацию с «экраном». В связи с этим некоторые ученые говорят о смерти индивида и появлении «интравидуала» — человека, жизнь которого сводится к управлению бесконечными инфопотоками [3, с. 116].

Экран становится фундаментальной характеристикой культуры, любая человеческая деятельность — от трудовой до игровой — может быть переформатирована таким образом, что для ее осуществления будет необходимо только наличие дисплея, монитора — того, что для удобства было названо нами выше экраном. Как результат — мир становится плоским. Глубина исчезает не только из визуальных восприятий, но и из смыслов, обмен которыми составляет суть любого

общения. Из-за постоянной включенности во множественные коммуникации и различные виды деятельности возникает феномен константно-частичного внимания. Современному человеку тяжело концентрироваться на каком-либо отдельно взятом предмете, и для того, чтобы воспринять хотя бы минимум информации, ему нужно получать ее одновременно из нескольких потоков. Такое парадоксальное восприятие накладывает определенный отпечаток на характер осознания получаемой информации. Чтобы быть доставленным, сообщение должно быть максимально простым и по возможности визуализированным.

На место общения словами приходит общение посредством креолизованных текстов, вбирающих в себя фотографии, картинки, высказывания, элементы мультимедиа. Исчезла необходимость вносить в коммуникацию нечто новое, теперь вполне достаточно выбрать из предложенного набора уже кем-то сформулированную мысль, при этом этот абстрактный кто-то оказывается третьим лишним в моей коммуникации с Другим, вносящим в наш диалог посторонние смыслы.

«Репост» и «лайки» становятся самостоятельной формой общения, но коммуникация может осуществляться и в более простой форме, когда контрагенты просто обмениваются ссылками и скаченными из Сети картинками и видео. В лучшем случае они получают комментарий на свое сообщение, но зачастую — такой же креолизованный текст — набор изображений и слов. Ответ на вопрос, насколько конструктивно такое взаимодействие, возможно ли его считать подлинным общением или оно есть очередное проявление эрзац-культуры, не может быть однозначно положительным или отрицательным. В данном контексте как нельзя к месту будут слова М. Маклюэна о том, что технологии сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими, все зависит от человека, использующего их. Однако задача философии — обозначить все возможные негативные последствия происходящих в обществе изменений. Очевидно одно — игнорировать эти изменения невозможно. Интерес представляет также тот факт, что виртуальные смыслы, зарождающиеся в процессе таких коммуникаций, становятся такой же частью культуры, как становятся частью культуры пословицы, поговорки, устойчивые выражения, цитаты из классики и киноцитаты.

Главная проблема, связанная с распространением виртуальных коммуникаций, — это избыточность их результатов. Информация, распро-

страняемая через Интернет, носит совершенно иной онтологический статус. Гуманитарная наука еще не выработала определения информационного объекта, в каждом конкретном случае он понимается по аналогии с объектом материального мира с поправкой на перенесение на иной носитель, однако следует полагать, что при этом происходят более глубокие трансформации.

С философской точки зрения изменение среды распространения информации ничего не меняет по сути. Если вернуться к Э. Гуссерлю, то можно заключить, что виртуальные объекты так же, как и материальные, суть объекты интенциональные, а значит — и в первом, и во втором случае действует один и тот же принцип их восприятия моим сознанием. Следовательно, при рассмотрении виртуальных объектов следует учитывать не специфику их восприятия индивидом, а ту особую intersubjectивность, которая зарождается в процессе виртуальных коммуникаций.

Необходимо отметить, что феноменология, по сути, не дает ответа на вопрос, каким образом замкнутые индивиды-монады могут вступать во взаимодействие и обмениваться между собой смыслами. Она скорее демонстрирует фактическую непрозрачность сознания Другого. В коммуникации он не открывается нам полностью, и это обусловлено еще и ограниченностью нашей способности восприятия. Например, мы не можем постичь то, что нам самим не присуще. Набор intersubjectивных смыслов, который доступен нам как членам того или иного сообщества, позволяет расширить горизонты понимания, обогатившись смыслами, которые прививает нам культура вне зависимости от того, близки они нам или нет. Виртуализация способствует расширению этого смыслового поля и заметному усложнению коммуникации. В коммуникацию между Я и Другим включаются также виртуальные субъекты, которые могут как замещать одного из участников коммуникации, так и становиться некими «третьими лишними», привносящими свои смыслы. В свете вышесказанного изучение виртуальной intersubjectивности представляется весьма продуктивным для анализа феноменов современной социальной реальности и ее виртуальных суррогатов.

Список литературы

1. Аршинов В.И., Лебедев М.В. Европейская субъективность и виртуальный субъект постнеклассической науки // Вопросы искусственного интеллекта. 2008. № 1. С. 27–41.

2. Гуссерль Э. Картезианские рассуждения. СПб.: Наука, 1998. 315 с.
3. Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.
4. Резник Ю.М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 88–111.
5. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М.: Академ. проспект: Альма Матер, 2010. 206 с.
6. Слинин А.Я. Феноменология intersubjectивности. СПб.: Наука, 2004. 356 с.
7. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.

Получено 01.05.2015

References

1. Arshinov V.I., Lebedev M.V. [European subjectivity and virtual postnonclassical science subject] *Voprosy iskusstvennogo intellekta* [The issues of artificial intelligence]. 2008, no 1, pp. 27–41. (In Russian).
2. Husserl E. *Kartezijskie rassuzhdenija* [Cartesian meditations]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1998, 315 p. (In Russian).
3. Klinenberg E. *Zhizn' solo: Novaja social'naja real'nost'* [Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2014, 279 p. (In Russian).
4. Reznik Yu.M. [The concept “social” in recent philosophy and science] *Voprosy social'noj teorii* [Issues of the social theory], 2008, vol. 2, no 1(2), pp. 88–111. (In Russian).
5. Svasyan K.A. *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism] Moscow, Akademicheskij prospect Publ., 2010, 206 p. (In Russian).
6. Slinin A.Ja. *Fenomenologija intersubektivnosti* [The phenomenology of intersubjectivity]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004, 356 p. (In Russian).
7. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom* [Selectas: the world glowing by sense]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 1056 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторе

Соколова Дина Михайловна

кандидат философских наук,
ответственный за информационную и организа-
ционную работу философского факультета,
магистрант кафедры социальных коммуникаций

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: felkon.87@mail.ru

About the author

Sokolova Dina Mikhailovna

Ph.D. in Philosophy,
Person charged with information and organization
work of Faculty of Philosophy,
Postgraduate Student of Department
of Social communications

Saratov State University named after
N.G. Chernyshevsky,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia;
e-mail: felkon.87@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соколова Д.М. Виртуальная интерсубъективность: социальный и экзистенциальный аспекты анализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 50–56.

Please cite this article in English as:

Sokolova D.M. Virtual intersubjectivity: the social and existential aspects of the analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 50–56.

УДК 130-121:502/504

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Тюрина Татьяна Александровна, Аствацатуров Артем Ервандович,
Басилаиа Мариана Артемовна*

Донской государственный технический университет

Рассматриваются вопросы феноменологии в аспекте, имеющем отношение к концепции глобальной экологической безопасности. Авторы поддерживают мнение М. Мамардашвили о том, что благодаря реализации программы К. Маркса и независимо от него собственно феноменологической программы Э. Гуссерля на протяжении XX в. происходит «смещение» философской проблематики к проблематике предметно-деятельных структур как живой, внемементальной реальности души. По мнению авторов, проблематика гармоничного взаимодействия сознания и окружающего его мира вещей в аспекте современных феноменологических исследований до сих пор мало изучена. Однако такие исследования являются необходимой предпосылкой для развития экологического сознания, формирования личности нового типа, которая будет способна к эффективным решениям в интересах экологической безопасности цивилизации.

Ключевые слова: феноменология; глобальная экологическая безопасность; концепция цивилизации.

PHENOMENOLOGICAL ASPECTS OF ENVIRONMENTAL SAFETY

Tatyana A. Tyurina, Artyem E. Astvatsaturov, Mariana A. Basilaia

Don State Technical University

The article deals with issues of phenomenology in aspect connected with conception of global environmental safety. Authors agree with thesis of M. Mamardashvili about displacement of philosophical focus in twenty century on issues of things and activity due to intensions of K. Marx and E. Husserl's programs. Authors suggest that issues of harmonious interaction of consciousness and world of things in aspect of contemporary phenomenology are researched not enough. However, these researches are required basis for development of ecological consciousness, for formation of personality of new type. Only this personality will be able to effective decision-making for global environmental safety of civilization.

Key words: phenomenology; global environmental safety; the concept of civilization.

Введение. Учение о феноменах (феноменология, исследующая явления как метод) оказало огромное влияние на развитие философии, в частности, экзистенциализма, онтологии и логистики. Философы часто утверждают, что феноменология предшествует любому другому виду исследований. Стивен Прист отмечает, что феноменология демонстрирует возможность других исследований, включая философию, раскрывая, как любое знание становится возможным благодаря опыту. Поэтому вполне корректно рассматривать феноменологию как форму эмпиризма — учения о том, что все знание проистекает из опыта. Однако ее можно рассматривать и как разновидность картезианства, ибо она пытается водворить все наше знание на несомненные, надежные основания,

или рассматривать ее как разновидность кантианства, так как она в какой-то степени представляет собой попытку показать, как возможно знание [13]. Мераб Мамардашвили, рассматривающий феноменологию как сопутствующий элемент всякой философии, отмечает, что она, очевидно, есть момент любой философии. И с этой точки зрения философия является как бы бесконечной культурной формой. Иначе говоря, философия содержит в себе некоторые уже заданные элементы или зерна, которые могут в последующем выявляться и развиваться с помощью понятий. Но подобная живая непрерывность не зависит от знания каких-либо существующих источников. Сама возможность такого развития будет содержаться в самом

факте процесса конституирования философии [5, с. 385].

Прежде чем мы обратимся к феноменологическим аспектам, связанным с рассматриваемыми нами вопросами, и уделим внимание тому, что требует занятие феноменологией для познания качества того или иного опыта, уместно вспомнить феноменологические взгляды мыслителей, стоящих у истоков ее зарождения.

Феноменология изначально представляет собой попытку создания беспредпосылочных описаний содержания опыта, поэтому она не является в интересующем нас аспекте теорией, а скорее это некоторая практика наблюдения и описания содержания элементов опыта.

Как известно, главными представителями феноменологии, стоявшими у истоков ее формирования, были известные немецкие философы Франц Brentano (наиболее важная работа «Психология с эмпирической точки зрения», 1874), Эдмунд Гуссерль (автор многочисленных феноменологических трудов, включая «Логические исследования», 1901; «Идеи», 1913, «Картезианские размышления», 1929) [8, 12] и Мартин Хайдеггер (особенно «Бытие и время», 1927). Представителями французской феноменологической школы являются выдающиеся философы Жан-Поль Сартр и Морис Мерло-Понти. Наибольшую известность получили «Бытие и ничто» Сартра (1943) и «Феноменология восприятия» Мерло-Понти (1945), которые по существу являются синтезом феноменологического и экзистенциального мышления. Экзистенциализм, со своей идеей о доминанте действия над познанием, представляет собой заинтересованную реакцию против феноменологии, которая, по мнению Приста, воплощает многие фундаментальные онтологические прозрения «Бытия и времени» [5, с. 232].

Однако мы будем рассматривать творчество феноменологов в основном с акцентом на том аспекте, в котором оно имеет отношение к проблеме глобальной экологической безопасности. С этой точки зрения приоритетное место занимает гуссерлевская разновидность феноменологии, цель которой всякий раз — попытаться продемонстрировать основания знания (в науке и философии) в пределах опыта и установить определенные априорные структуры сознания, общие для всех людей. Основную тему феноменологии — взаимодействие сознания и окружающего его мира вещей, — на наш взгляд, можно рассматривать в качестве одной из важных и мало изучен-

ных проблем экологической безопасности современной цивилизации. Важной проблемой является то, способна ли феноменологическая методология формировать экологическое сознание, формировать ту активную личность, которая одна способна эффективно решать многоаспектную экологическую проблему — и каким конкретно образом. Насколько мы можем судить, такой подход является достаточно новым.

1. Феноменология как самостоятельное философское учение. Э. Гуссерль (1859–1938), основатель феноменологии как самостоятельного философского учения, считает своей сверхзадачей придание философии нового статуса — строгой и точной науки. В своих поисках, направленных на объединение логичности и точности положений науки со спецификой выборов философской мысли, Гуссерль ставит жесткую задачу: ни при каких условиях не допускать заимствования естественно-научных методов. Исходя из культурологической, а не из натуралистической парадигмы, он утверждает, что «философия лежит в совершенно новом измерении, она требует совершенно нового исходного пункта и совершенно нового метода, который принципиально отличает ее от любой “естественной” науки» [11]. Совершенно новым исходным пунктом должно выступать чистое сознание, а новым методом — освобождение сознания от того, как считает Гуссерль, что сознанию не свойственно. По его же мнению, сознание должно исключать из себя все, что является трансцендентным сознанию. «Первая ступень ясности только такая: реально имманентное или, что здесь означает то же самое, адекватно само собой данное, есть несомненно то, что я должен употреблять. Трансцендентное (а не реально имманентное) я использовать не могу, таким образом, я должен осуществить феноменологическую “редукцию”, и исключение всех “трансцендентных осадков”» [11]. И еще: «Трансцендентальное сознание является абсолютным бытием, по отношению к которому все остальное не более чем коррелят» [8, с. 103].

Обратимся теперь непосредственно к таким важным вопросам, как роль феноменологии в поиске путей повышения уровня глобальной безопасности современной цивилизации. Тема глобальной безопасности современной цивилизации, поставленная во главу угла данной работы, конечно, очень многозначна, но для нас она вполне конкретна и вплотную связана с современной ситуацией в человеческом обществе, начиненном

опасными и вредными факторами, представляющими прямую угрозу разрушения биосферы и здоровья человечества. Во всем этом мы не можем не видеть черты некоего апокалипсиса.

Смещение чувства страха, удивления, помноженного на желание перейти к поиску эффективного пути выхода из экологического кризиса, в атмосфере гносеологического оптимизма способно создать нечто новое — творческий порыв и призыв к действию. Это нечто новое, прогрессивное возникает, как нам представляется, в результате действия известного, но по-разному называемого «закона эмерджентности», благодаря которому по мере объединения различных компонентов (или подмножеств) в общую функциональную единицу у новой единицы возникают качественно новые свойства, отсутствующие на предыдущем уровне. Этот принцип (эмерджентности) можно выразить другим способом, вытекающим из понятия о несводимых свойствах: свойства целого невозможно представить в виде суммы свойств его частей. На наш взгляд, гносеологического оптимизма не лишена и феноменология Гуссерля — особенно в той части, где речь идет о пересечениях полей цивилизации и феноменологии, рассмотренных ниже [1].

2. Феноменология и антропологическая катастрофа. Рассматривая феноменологию как сопутствующий элемент философии глобальной безопасности цивилизации, мы отдаем себе отчет, насколько важной является роль сознания в эволюции цивилизации. Многосложные катастрофы, которыми угрожает нам XXI в., безусловно, будут проявляться в массовом загрязнении биосферы и разрушении ее жизненно важных экосистем, быстром росте населения планеты и таком же истощении невозобновимых природных ресурсов. Не меньшую угрозу представляют собой ядерные трагедии и непредвиденные космические импакты, такие как, например, столкновение нашей планеты с астероидами. Однако, пожалуй, одной из самых главных глобальных катастроф, угрожающих существованию жизни на Земле, является антропологическая катастрофа, зерно которой зарождается и произрастает в недрах человеческого общества. Антропологическая катастрофа, о которой вслед за М. Мамардашвили так много говорят современные философы, уже подает реальные сигналы, симптомы такой катастрофы все чаще дают о себе знать в разных регионах планеты. И происходит она в силу нарушения законов природы самого человеческого сознания, в силу

того, что человек, будучи созданием Природы, своим образом жизни все дальше уходит от соблюдения законов той же Природы, все больше и больше позволяет себе нарушать гармонию отношений со средой своего обитания.

Соблазн потребительства увлекает сегодняшнюю цивилизацию (во всяком случае огромную ее часть) в бесконечную бездну иллюзорных плотских «радостей», носящих печать бездуховности и одичания, обрекая на гибель все то, что является основой жизни человека и всей биосферы — Природу, гармонию земных структур Вселенной. А все, что ведет к разрушению основ цивилизации, естественно, отражается в нашем сознании, запечатлевая все реальности и формируя сознание, соответствующее плотско-потребительской, роковой, очень трудно излечимой болезни.

Исследуя глобальные катастрофы, описанные летописью человечества (отраженной в различных литературных источниках), мы невольно начинаем размышлять над тем, что подобные и все более масштабные явления уже начали проявлять себя с невиданной частотой, особенно интенсивно во второй половине XX в. При этом опыт показал, что трагические последствия могут заключаться для общества не только в человеческих жертвах и материальном ущербе, но они могут выражаться и в тяжелой психической травме (не только отдельных индивидуумов, но и общественного сознания, при глобальных катастрофах), приводящей к коренным изменениям сознания с последующей деформацией характеров, принципов, взглядов и устоев, определяющих их образ жизни.

Ни в коей мере не претендуя на полноту толкования текстов, опубликованных во многих книгах и статьях по феноменологии в смысле проблемы, сделаем попытку схематически показать свое видение взаимосвязи и взаимодействия двух сфер философии нашего времени: цивилизации и феноменологии.

Тема цивилизации в наибольшей степени рассматривалась Гуссерлем в 30-х гг. в аспектах «европейского человечества» и его кризиса. Она была связана с проблематикой всей его жизни — феноменологическим анализом. Один из его последователей М. Хайдеггер [9, с. 8] в дальнейшем будет серьезно заниматься идеей познания как события-переживания, в явном виде впервые сформулированной Гуссерлем.

По мнению Хайдеггера, сознание, «оттолкнувшись» от ничто, поняв его как свой горизонт

(который только и делает сознание *понимающим*), должно «возвратиться» к себе; и любое самопонимание сознания возможно только на основе ничто [10]. Но Хайдеггер несколько изменяет направление гуссерлевской мысли — «он идет не от понимающего сознания к бессодержательности, а наоборот, от ничего к понимающему сознанию» [9, с. 11]. Хайдеггер считает, что внутри феноменологического исследования имеются разные определения его задач и сущности. По его мнению, «для ограничения конкретных проблем мы, в конце концов, не нуждаемся в однозначном и всесторонне обоснованном понятии феноменологии».

В своей лекции «Основные проблемы феноменологии» Хайдеггер отмечает, что сама феноменология внутри себя понимается как некая философская преднаука, которая готовит почву для таких философских дисциплин, как логика, этика, эстетика, философия религий. Хайдеггер пишет: «Мы утверждаем: феноменология не есть одна философская наука среди других и не есть преднаука для остальных наук, но само выражение “феноменология” есть титул для метода научной философии вообще». И этот предваряющий разбор понятия научной философии вообще автор показывает в применении к основным тенденциям западной философии с античности и вплоть до Гегеля [9, с. 256].

Среди российских ученых концепция цивилизации и ее катастрофы пристально рассматривалась уже упомянутым нами М. Мамардашвили. Он проводил исследование своим оригинальным путем, о котором сам сказал достаточно ясно: «вообще мне кажется, что в нашу философию феноменологические проблемы вошли независимо от освоения нами Гуссерля. Они вошли, скажем, через то смещение всей проблематики философии, которое в XX в. наблюдается совершенно отчетливо, к проблематике, которую я бы безусловно назвал “проблематикой тела”, и толчок к этому дал в свое время Маркс. После Маркса... философия сместилась к “интуиции тела”, то есть предметно-деятельных структур, “предметности мысли” как “живой, внementsальной реальности души”» [5].

Тем не менее, как это справедливо и достаточно точно отмечает Н.В. Мотрошилова, движение этих философов к концепции цивилизации и ее кризиса диктовалось не только историческими трагедиями войн и посттоталитарного хаоса, но и собственной логикой развития мысли, требующей

сделать социально-философские выводы, подведя под это цивилизационно-культурный фундамент [6, с. 405–406].

Рассматривая взаимосвязь сознания человека с цивилизацией, обитателем которой он является, М. Мамардашвили в своей работе о феноменологии (вспомним о том, что, по Мамардашвили, «феноменология — сопутствующий момент всякой философии») обращает внимание на то, что разрушение основ цивилизации кардинально влияет на сознание человека. Такое разрушение «что-то производит и с человеческим элементом, с человеческой материей жизни, выражаясь в антропологической катастрофе, которая, может быть, является прототипом любых иных возможных глобальных катастроф» [5].

Когда слушаешь (и сопереживаешь) искренние, исполненные добрых человеческих чувств призывы и проповеди экологов, зовущих остановить загрязнение воздушной среды, Мирового океана, вод и почв, когда видишь эти обращения к власти предрежающим, то особенно начинаешь понимать свое бессилие в океане невежд-потребителей и больных честолюбием политиков (этой не лучшей части человечества). И тогда становится особенно ясным, что попытка оставаться человеком в охарактеризованной ситуации без серьезной духовной работы смешна. И здесь напрашивается мысль о том, что экологи должны быть хоть «вполсилы» философами. Философия не только обогащает, она еще и протрезвляет, позволяет разглядеть себя со стороны, обратиться внутрь себя и остудить эмоциональные «справедливые» извержения. Это к впечатлению о стыке материальной эволюции цивилизации и человеческого сознания [7], когда мы пытаемся разгадать точку встречи цивилизации, с одной стороны, и жизни, потерявшей остроту зрения и слуха от алчного потребительства — с другой. В свою очередь разрушение основ цивилизации, отражаясь пагубно на «человеческой материи жизни», ведет к антропологической катастрофе. И это не только прототип любых иных возможных катастроф, о чем пишет Мамардашвили. Это нечто большее и более грозное, угрожающее цивилизации, ведущее к реальной катастрофической ситуации, чреватой глобальными необратимо разрушительными процессами в экосистемах планеты — это ситуация катастрофы жизни современной цивилизации!

Таким образом, цивилизация, защищенная от спонтанных катастроф антропогенного и техно-

генного происхождения, предполагает формальный «организм» управления упорядоченным, правовым поведением, определяемым социальным экософским мышлением. «Даже если мы враги, давайте вести себя цивилизованно, не рубить сук, на котором сидим» — в этой хорошо известной фразе выражена суть цивилизованного поведения культурно-правового общества. Хотя, находясь внутри нашей цивилизации, водворить вечный мир, договорившись не причинять никакого вреда никому, очень сложно. И правы философы, когда утверждают, что в истории не бывало зла, которое совершалось бы без стремления что-то поправить, поэтому всякое зло случается и из самых благих побуждений. И в этом нет иронии. «Энергия зла черпается из энергии истины, уверенности в видении истины. Цивилизация же блокирует это, приостанавливает настолько, насколько мы, люди, вообще на это способны» [5].

Итак, разрушение цивилизованных взаимосвязей, раскол человека и природы, т.е. тех структур, по которым сознание человека могло бы продвигаться к истине, разрушает и самого человека, и продукт его созидательной деятельности на протяжении веков. А блокировать и приостановить это разрушение может только человек, который обладает правом мыслить своим умом и успешно может реализовать это право [2]. Но возникает вопрос: когда человек может обладать правом мыслить своим умом и реально пользоваться этим правом? Такое право он может реализовать тогда, когда средства достижения целей развития данного общества правомерны, когда цели законов достигаются объективно законными мерами, а не произвольно-административными, независимо от провозглашенных идеалов «во благо» той или иной истины.

Это важно потому, что во всех человеческих событиях активно участвует и сознание, деформированное же сознание принадлежит человеку, не обладающему правом мыслить своим умом, а потому он обречен бездумно реагировать на подаваемые извне символы и знаки. Деформация сознания изменяет волю и тогда человек становится вольно или невольно участником глобальных трагедий. Такими нам представляются те, кто не ведая, что творят, сбрасывали атомные бомбы на Нагасаки и Хиросиму. И когда мы говорим об экологических бедствиях, космических катаклизмах и ядерных катастрофах, если нас не подводит интуиция, мы должны помнить прежде всего о самой страшной катастрофе — антропологиче-

ской, связанной с *человеческим фактором*, от которого зависит решительно все на Земле.

Феноменология сознания органично подталкивала философов такого уровня, как Гуссерль (и ряд выдающихся феноменологов в том числе в России), к концепции кризиса техногенной цивилизации. Как у Гуссерля, обозначившего фундаментальные основания своей философии лишь на исходе жизни, у Мамардашвили были «свои искания и муки творчества». Но и в том, и в другом случае, как уже отмечалось, есть глубокие внутрифилософские причины — собственная логика развития мысли и стремление подвести под весь комплекс охватываемых вопросов «адекватный им социально-философский, то есть именно цивилизационно-культурный фундамент» [5].

Не завершено движение, в котором тема цивилизации, цивилизованности, подобно теме феноменологии — не какой-то экзотический, второстепенный сюжет философской мысли, а основное проблемное измерение философии. Здесь имеет место как раз то смещение проблематики философии к философствованию о феноменологических проблемах, что Мамардашвили назвал «проблематикой тела», и толчок к которой, по его же словам, в свое время, был дан в работах Маркса.

«И вот здесь, по-моему, пролегает та “межа”, которая ненавязчиво, но четко отделяет Мамардашвили от Гуссерля и Хайдеггера: усиленный интерес к судьбам цивилизации, связанный с “антропологической катастрофой” и ролью личности, которая “должна исполниться, состояться”» [1, с. 142]. Тяготение к сложным философским проблемам, связанным с самостоятельно мыслящей личностью, которая должна обязательно состояться для решения глобальных проблем, становится в последние годы жизни Мамардашвили основным моментом в его философствовании о феноменологии. Тема цивилизации, цивилизованности пересеклась с феноменологией как проблемный пласт именно в философии Мамардашвили, значение которой в наши дни значительно усилилось.

Органичное взаимодействие двух всеобщих элементов философии — феноменологии сознания и цивилизационного философствования хорошо показано в известном принципе «трех “К”» — Картезия, Канта и Кафки. Здесь первое «К» (мир Картезия) предполагает декартовское простейшее и непосредственное очевидное бытие «я есть», «я мыслю», которое, по определению

автора этого принципа, во-первых, обнаруживает определенную зависимость всего происходящего в мире от действий самого человека, во-вторых, является важным началом достоверности и очевидности для всякого мыслимого знания. Сила второго «К» принципа (мир Канта) заключается в том, что он указывает на условия, при которых человек — это конечное в пространстве и времени существо — может творить вокруг себя, совершать осмысленные акты познания, давать оценки и т.п. Иначе ничто вокруг не имело бы смысла, ибо вокруг (и в прошлом, и в будущем) бесконечность. Однако в отличие от первых двух «К», характеризующихся позитивно, через третье «К» (мир Кафки) автор, при тех же внешних условиях показывает регрессивный вариант, когда не выполняется все то, что задается названными выше двумя принципами. Здесь формы и продукты принципа — «зомби»-ситуации, потусторонние, хотя и человекоподобные, представляющие, по терминологии автора, «человека неопишемого», лишь имитирующего жизнь в ситуациях абсурда [4, с. 37].

Таким образом, человек, общество, которое проявит праздность, элементы одичания и невежества, само «автоматически» выводит себя на колею, ведущую к гибели. И именно «...демократическое, цивилизованное поведение — а не сентиментальные требования гуманистов — выражает саму суть законов сознания и устройства человеческого общества в соответствии с ним. А нарушение этих законов неудачной социальной формой, неудачным способом общения людей, цензурой, предрассудками, стереотипами, навязываемыми извне нормами, душащими человеческую свободу, создают зоны напряжения, роковые узлы, которые или развязываются драматическим образом, или ведут человечество к вырождению и гибели» [3, с. 103].

Заключение. Методология, необходимая для решения проблем экологической безопасности современной цивилизации, должна содержать в себе механизм преодоления разобщенности между науками. Эта разобщенность является причиной возникновения самых различных ситуаций, когда наука не может противостоять глобальным катастрофам. Особая, доминирующая позиция по преодолению разобщенности между науками, формированию нового мышления, решению сложных проблем глобальной безопасности цивилизации принадлежит философии. При исследовании проблем глобальной экологической безопасности мы

рассмотрели феноменологию как одно из ведущих направлений в философии XX в., основной темой которого является взаимодействие сознания и окружающего его мира вещей.

Анализ проблем глобальной безопасности жизнедеятельности цивилизации по большому счету позволяет заключить, что пока еще нет единой системы безопасности и нет эффективной программы выхода из экологического кризиса. Перед человечеством стоят фундаментальные задачи, решение которых связано с обеспечением безопасности всего живого на планете.

Возникла необходимость пересмотра традиционной научно-технической картины мира и включения в нее новых идей и понимания взаимоотношений человеческого общества, природы и техносферы. Человеческий фактор обретает доминирующую роль среди причин катастроф в техносфере, имеющих непосредственное влияние на усугубление экологического кризиса. Поэтому мыслящая личность, которая призвана противостоять негативным процессам антропогенного и техногенного происхождения, личность человека информационного общества, которая должна способствовать становлению экологического сознания и образа жизни, — это ключ к решению сложнейшей глобальной проблемы современности: не допустить разрастания «антропогенной катастрофы». И современная феноменология, на наш взгляд, может внести свой вклад в формирование такой личности. Используя феноменологический метод для исследования проблем экологической безопасности, мы приходим к выводу, что на современном этапе развития общества у человечества сформировалась общепланетарная цель — создание и развитие экологической стабильности, что предполагает гармонизацию отношений человечества и природы.

Список литературы

1. *Аствацатуров А.Е.* Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем. Ростов н/Д: Изд. центр ДГТУ, 2003. 316 с.
2. *Басилаиа М.А.* Необходимость снижения экологической опасности как императив глобального мироустройства (философский анализ). Ростов н/Дону: Изд. центр ДГТУ, 2010. 338 с.
3. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 368 с.
4. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. // Тайны сознания и бессознательного. Минск: Харвест, 1998. 496 с.

5. Мамардашвили М. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // Путь в философию: антология. СПб., 2001. С. 385–403.
6. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и феноменология // Путь в философию: антология. СПб., 2001. С. 404–425.
7. Тюрин Т.А. Экофилософский аспект в анализе проблемы сознания // Философские проблемы естествознания и технических наук: материалы междунар. науч. конф. / ЮФУ. Ростов н/Д; Таганрог, 2014. С. 293–296.
8. Философия Э. Гуссерля и ее критика: реферат. сборник. ИНИОН, 1983. 207 с.
9. Хайдеггер М. Положение об основании / предисл. Е. Сиверцева. СПб., 2000. 290 с.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemayer, 1993. S. 200.
11. Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen, den Haag: (Hua II) // Husserliana. Bd. II. Haag, 1958. S. 24, 35.
12. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erste Buch. Halle a.d.s., 1913: Band III/1 der Husserliana, herausgegeben von Karl Schuhmann, 1976 (на рус. яз.: Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. А.В. Михайлова. М., 1999).
13. Priest S. Theories of the mind // Теории сознания / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М., 2000. 248 с.
- 386 p. (In Russian).
4. Mamardashvili M. [Consciousness and civilization]. *Tajny soznaniya i bessoznatel'nogo* [Mysteries of consciousness and the unconscious]. Minsk, Harvest Publ., 1998, 496 p. (In Russian).
5. Mamardashvili M. [Phenomenology is the accompanying aspect of any philosophy]. *Put' v filosofiyu. Antologiya* [Route into philosophy. Anthology]. Saint Petersburg, 2001, pp. 385–403. (In Russian).
6. Motroshilova N.V. [Civilization and phenomenology]. *Put' v filosofiyu. Antologiya* [Route into philosophy. Anthology]. Saint Petersburg, 2001, pp. 404–425. (In Russian).
7. Tyurina T.A. [Environmental and philosophical aspect of analysis of the problem of consciousness]. *Filosofskie problemy estestvoznaniya i tehniceskikh nauk: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Philosophical problems of natural science and engineering sciences: Proceedings of international scientific conference]. Rostov-on-Don, Taganrog, 2014, pp. 293–296. (In Russian).
8. *Filosofiya E. Gusserlya i ee kritika. Referativnyj sbornik* [E. Husserl's philosophy and its critique. Abstract collection]. INION Publ., 1983, 207 p. (In Russian).
9. Heidegger M. *Polozhenie ob osnovanii* [The principle of reason]. Saint Petersburg, 2000, 290 p. (In Russian).
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemayer, 1993. S. 200.
11. Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen, den Haag: (Hua II) // Husserliana. Bd. II. Haag, 1958. S. 24, 35.
12. Husserl E. *Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erste Buch. Halle a.d.s., 1913: Band III/1 der Husserliana, herausgegeben von Karl Schuhmann, 1976*
13. Priest S. *Teorii soznaniya* [Theories of the mind]. Moscow, 2000, 248 p. (In Russian).

Получено 23.05.2015

References

1. Astvatsaturov A.E. *Filosofiya nauchnogo optimizma v reshenii planetarnyh ekologicheskikh problem* [Filosofy of scientific optimism in solving planetary environmental problems]. Rostov-on-Don, Don State Technical University Publ., 2003, 316 p. (In Russian).
2. Basilaia M.A. *Neobhodimost' snizheniya ekologicheskoy opasnosti kak imperativ global'nogo miroustrojstva (filosofskij analiz)* [Necessity for environmental danger reduction as the imperative of global world order (philosophical analysis)]. Rostov-on-Don, Don State Technical University Publ., 2010, 338 p. (In Russian).
3. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Moscow, 1990,

The date of the manuscript receipt 23.05.2015

Об авторах

Тюрина Татьяна Александровна

соискатель ученой степени, преподаватель

Донской государственной технической университет,
344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: DOK217@ya.ru

Аствацатуров Артем Ервандович

доктор технических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный эколог РФ, почетный профессор, профессор кафедры «Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды»

Донской государственной технической университет,
344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: astrov@pochta.ru

Басилаиа Мариана Артемовна

доктор философских наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии Наук Экологии и Безопасности жизнедеятельности, ассоциированной с ДОО ООН, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды»

Донской государственной технической университет,
344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: mariana3061@mail.ru

About the authors

Tyurina Tatyana Alexandrovna

Ph.D. Student, Lecturer

Don State Technical University,
1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia;
e-mail: DOK217@ya.ru

Astvatsaturov Artem Ervandovich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Ecologist of the Russian Federation, Honored Professor of DSTU, Professor of Department of Life Safety and Environment Protection

Don State Technical University,
1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia;
e-mail: astrov@pochta.ru

Basilaia Mariana Artyemovna

Doctor of Philosophy, Associate Professor, the Corresponding Member of International Academy of Ecology and Life Protection Sciences (IAELPS), associated with the Department of Public Information of the United Nations, Associate Professor of Department of Life Safety and Environment Protection

Don State Technical University,
1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia;
e-mail: mariana3061@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Тюрина Т.А., Аствацатуров А.Е., Басилаиа М.А. Феноменологические аспекты экологической безопасности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 57–64.

Please cite this article in English as:

Tyurina T.A., Astvatsaturov A.E., Basilaia M.A. Phenomenological aspects of environmental safety // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 57–64.

УДК 141.32

**«НЕКОТОРОЕ РАВНОВЕСИЕ
С НЕБОЛЬШОЙ ПОГРЕШНОСТЬЮ»:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Я.С. ДРУСКИНА**

Авдеенков Андрей Николаевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Статья посвящена рассмотрению экзистенциальной проблематики в работах Друскина. Наиболее важными и значимыми для Друскина являются экзистенциальные проблемы трактовки «Я», свободы, сущности и существования человека. Уделено внимание таким значимым терминам философии Друскина, как «одностороннее синтетическое тождество», «некоторое равновесие с небольшой погрешностью». Показана несамостоятельность «Я» и личности в понимании Друскина.

Ключевые слова: Друскин; экзистенциализм; свобода воли; «некоторое равновесие с небольшой погрешностью».

**«SOME EQUILIBRIUM WITH SMALL INACCURACY»:
YA.S. DRUSKIN'S EXISTENTIAL PHILOSOPHY**

Andrey N. Avdeenkov

Lomonosov Moscow State University

The article considers the existential perspective in Druskin's works. The most important problems in Druskin's existential thought are the theme of «me», freedom and the nature of human existence. Attention is paid to such significant terms of Druskin's philosophy as «irreciprocal synthetic identity», «some equilibrium with small inaccuracy».

Key words: Druskin; existentialism; freedom; «some equilibrium with small inaccuracy».

В настоящее время издаются многочисленные работы, посвященные исследованию отечественной философской мысли советского периода. Уделяется особое внимание философам, жившим и работавшим в эмиграции. В литературе существует точка зрения, согласно которой русская философия XX в. в СССР развивалась под жестким идеологическим контролем, а идеи, находящиеся за пределами марксистско-ленинской философии, могли существовать только в иных странах, их могли развивать только мыслители, в свое время покинувшие Россию. Однако факты свидетельствуют о том, что и в СССР могли жить и работать «инакомыслящие» философы. Яков Друскин — один из таких мыслителей [2, с. 401]. Изучение его трудов может способствовать пересмотру некоторых устоявшихся штампов, касающихся русской философии XX в. Более того, его идеи значимы и в контексте мировой философии, т.к. он работал в русле современных ему школ и течений мысли. Философское творчество Я. Друскина на

данный момент мало изучено, несмотря на важность его идей и воззрений. В настоящей работе мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Экзистенциальная проблематика в текстах Друскина центрируется вокруг таких проблем, как свобода воли, сущность и существование, идентичность человека. Кроме того, созвучна экзистенциальным темам и его концепция «некоторого равновесия с небольшой погрешностью», содержащая оригинальную трактовку человека.

Проблема свободы воли

При анализе воли человека Друскин обращает внимание на ее ноуменальную, онтологическую составляющую, отличную и независимую от психологического и эмпирического содержания. Воля, понята таким образом, есть прежде всего выбор не того или иного предмета, действия, поступка, а **выбор выбора** или **выбор невыбора** [5, с. 255]. Воля заключается не в множественности различных перспектив и возможностей, а коре-

няется в единичном акте, соотносящем выбирающего (Я сам) и то, что он выбирает. Иными словами, существует первичная и вторичная составляющая выбора. Первое — выбор выбора или выбор невыбора. А уже второе, последующее — материальная составляющая этого выбора, то, что избирается.

Можно утверждать, что Друскин движется в следующем направлении: от обыденного понимания к философскому. Казалось бы, человек обладает свободой, имеет возможность выбирать то, что он пожелает. Однако его предпочтение оказывается детерминированным на нескольких уровнях. Выбор определяется формой и содержанием. Уже сама форма указывает на детерминизм: «Что бы я ни выбрал — выбор или невыбор, даже в случае выбора невыбора — я уже выбрал, значит, выбрал выбор» [5, с. 264]. Это детерминация на первичном уровне. Похожую идею мы встречаем у Ж.-П. Сартра в его работе «Экзистенциализм — это гуманизм»: «Выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбирать. Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что даже в том случае, если ничего не выбираю, тем самым я все-таки выбираю» [12, с. 325]. Человек, если угодно, все время ставится в некую точку потенциальности. И он должен решить, куда ему двигаться далее. Он может устремиться прямо, а может пойти назад или повернуть в одну из сторон: направо или налево. Он способен никуда не идти и остаться на месте. Но что-то сделать, принять какое-то решение, сделать определенный выбор он обязан и никуда не в состоянии от этого выбора скрыться.

Развивая концепцию свободы воли, Друскин различает следующие виды детерминации: содержание и форма [8, с. 134]. На уровне формы детерминация абсолютна, в этом случае имеет место полное и всеобъемлющее ограничение свободы выбора. В терминах формальной логики: или А, или не А. Именно отсутствие третьего и означает полную ограниченность выбора.

Однако свободный выбор оказывается детерминированным еще и содержанием. На этом уровне принимается во внимание не столько логическая форма, сколько внутренняя составляющая выбора, те поступки, действия, которые человек выбирает или от которых отказывается. Но и в самом содержании различаются чистое содержание и его форма. Чистое содержание, по Друскину, может быть эгоистическим и альтруистическим. В первом случае человек потворствует своим страстям и прихотям, во втором — прояв-

ляет естественную любовь, действует во благо ближним. Форма содержания — это «чистая воля», противопоставляющая себя и своим страстям, и любви [5, с. 117].

Если человек отказывается от каких-либо желаний, удовольствий, не поддается мимолетным соблазнам, то может показаться, будто он делает это свободно. Например, можно принять во внимание религиозный мотив соблюдения заповедей, следования евангельскому учению. То, что противоречит этому учению, человек отвергает, сознательно встает на путь борьбы с грехом. Или другой пример — категорический императив И. Канта: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [10, с. 271]. Приняв его в качестве правила поведения, человек оказывается перед соблазном предполагать, что действует свободно. Он испытывает самоудовлетворение, нравится себе самому. Но и в этом случае, отмечает Друскин, нет полной свободы, ибо человек становится рабом себя самого под видом долга, категорического императива.

Таким образом, оказывается, что для свободы не остается места в пространстве человеческого существования: и на уровне выбора, и на уровне конкретного мотива имеет место детерминация. Означает ли это, что человек принципиально не имеет никакой свободы? Друскин утверждает, что человек получает свободу от Абсолютного Существа, причем характер этой свободы безусловный. «Свобода — понятие для разума абсолютно противоречивое и невозможное. С естественной точки зрения я вообще не могу быть свободен, так как полностью детерминирован наследственностью и воспитанием. Значит, это понятие не естественное, т.е. сверхъестественное» [7, с. 251].

Друскин проводит границу между двумя уровнями: естественным, т.е. человеческим, и сверхъестественным, имеющим отношение к Абсолютному. На естественном уровне, как показывал философ, свободы быть не может. Но на уровне Божественном присутствует Абсолютная свобода, которую Бог дает человеку. «Моя абсолютная свобода выражается парадоксально: пусть будет не моя, а Твоя воля» [6, с. 381]. С формально-логической точки зрения здесь налицо противоречие: человек ведь не следует своей воле, а признает какую-то внешнюю по отношению к нему волю. Однако мыслитель подчеркивает, что естественные человеческие представления являются искаженными, греховными. Получается, что «ко-

гда Божья воля — моя воля, то и моя абсолютно свободна» [6, с. 381].

В принятии воли Абсолюта человек абсолютно свободен. Однако на этом уровне различаются два состояния: «Я» и «Я сам». «Я» принимает волю Божества, делает это без принуждений и становится причастным к абсолютной и ничем не мотивированной свободной воле. «Я» — это чистое ноуменальное состояние, не отягощенное психологическими привнесениями.

Но существует и состояние «Я сам», причастное к рефлексии. На этом уровне имеет место возможность либо принять, либо не принять Божью волю. Кажется, что есть свобода. Но эта свобода, подчеркивает Друскин, мнимая, ведь сам акт «могу» (принять или отвергнуть) уже относится к естественному состоянию, утверждает человеческие намерения, желания и тем самым отвергает волю Абсолюта. Основной пафос заключается в том, что Абсолютная свобода целиком и полностью проистекает из Божества и не имеет никаких естественных природных характеристик. Как только человек привносит нечто от себя (в данном случае возможность выбора), он отвергает волю Бога и утверждается в своей собственной. Отсюда следует, что акт «могу» и абсолютная свобода несовместимы. Человек не может ее принять, поскольку в таком случае произойдет отказ от Абсолютного и поворот к естественному. Но он не может и не принять ее, т.к. свобода возложена на него Богом и имеет трансцендентный источник.

Как мы видим, выбор ограничен на самых разных уровнях. Можно ли выйти за пределы этой ограниченности, может ли человек освободиться от сковывающих его условий? К ноуменальному «Я» можно вернуться не через мысль, не через рефлексию, а через Абсолютную свободу. Друскин различает два состояния свободы: экстенсивное и интенсивное.

Первый вид, первое состояние — это воздержание от суждения, ἐποχή. Друскин, используя основной термин феноменологии Гуссерля, наполняет его глубоко личностным, экзистенциальным смыслом. Эпохе есть практический акт даже в случае воздержания. Это состояние абсолютной пассивности и пустоты, пустоты от всего своего.

Интенсивное состояние — это страх перед собственной опустошенностью, раздвоенностью. Это просто «беспредметный страх или беспредметный крик или вопль души» [6, с. 153]. Друскин подчеркивает, что это не акт воли, не акт способности души. На этом уровне происходит

отказ от себя самого, от состояния «Я сам» и имеет место максимальное приближение к ноуменальному «Я», в котором нет ни мысли, ни рефлексии, ни разума, ни чувства. Подобное состояние философ называет верой, которая не верит, поскольку вера — это акт собственной воли, свободы выбора, утверждение в себе самом. Чистая же, абсолютная вера свободна от этого, она не верит. Интенсивное и экстенсивное — это состояния абсолютной свободы. Это не возможность и необходимость, а сама действительность. Кроме того, стоит отметить, что ни воздержание, ни страх сами по себе не заполняют пустоты. Заполнение пустоты возможно лишь извне — из Божественного источника.

Выстраивает ли Друскин такую концепцию, в которой важную роль играет свобода или зависимость от других личностей? Поработает ли Другой мою волю, или же я полностью свободен в выборе своих действий и поступков? Для Друскина не этот вопрос важен, он рассматривает проблему иначе. Свобода понимается исключительно в имманентном смысле, как то, что может быть присуще или не присуще воле человека. Если выстраивать схему «Я – Другой – Бог», то свобода располагается на уровне «Я – Бог». Тема ближнего получает свое развитие у Друскина в иных аспектах.

Отправная точка при рассмотрении свободы — это Бог. Им вызвано экзистенциальное противоречие, это он возложил на человека бесконечную ответственность. Именно с Богом связано грехопадение, поскольку человек, будучи один, будучи заброшен в бытие, не в состоянии был нарушить чей-то закон. И следствие грехопадения — это иллюзорная свобода воли.

Как мы видим, концепция свободы воли у Друскина не является развитием и выражением учения о свободе в христианстве, в котором человек считается подлинно свободным. В этой свободе состоит одно из основных достоинств человека, отличающее его и от ангелов, и от животных. Грехопадение — это следствие свободы, а точнее злоупотребления этой свободой, утверждение в своей воле. Друскин же, напротив, полагает, что грехопадение есть не следствие свободы, а ее причина. Только в грехе человек получает возможность утвердиться в собственном волеизъявлении, т.е. становится тем, кого мы называем свободным существом. Философ не говорит о предопределенности спасения, но утверждает предопределение относительно свободы, детерминированность человека собственной «рабской волей».

Концепция свободы тем самым не является конфессиональной. Рассуждения Друскина на эту тему носят не только теологический, но и философский характер. Мыслитель не ставит перед собой задачи развить те или иные догматы, вероучительные постановления, сделать их более ясными для современников. Он рассуждает о философской проблеме, выстраивает аргументацию относительно предельного вопроса, всегда актуального для философской мысли.

«Я», сознание и предметный мир

В работах Друскина важное место занимают проблема идентичности, трактовка «Я» и его различных уровней. Мыслитель разграничивает абсолютное ноуменальное «Я» и эмпирическое «Я», которое с целью различения он называет «Я сам». Ноуменальное «Я» имеет характерные черты. Оно не рефлегирует, не объективирует, а просто есть, существует ноуменально. Это состояние едино, в нем нет разделения на субъект и объект, отсутствует рефлексия о себе самом, нет противопоставления себя миру. Строго говоря, об этом состоянии даже нельзя сказать «Я», т.к. подлинным наименованием будет «мне»: «сейчас – здесь – мне». В этом состоянии нет времени, разделения на прошлое и будущее, оно неразрывно существует в едином акте настоящего. Ноуменальное «Я» непознаваемо: в акте рефлексии, в когнитивных актах является только другое «Я», называемое Друскиным «Я сам», которое является интеллектуальному взору познающего. Причем оно исчерпывает все модусы существования: «я существую только так, как я являюсь себе» [9, с. 479]. Таким образом, не имеется никаких гносеологических оснований утверждать, что среди различных модусов существования «Я» может быть еще и нечто находящееся за пределами явления. Существование «Я» исчерпывается его явлением. Друскин конкретизирует понятие явления: «Я являюсь себе вместе с другим миром и, следовательно, вместе с другими людьми» [9, с. 480]. В себе самом, по Друскину, имеет место некое раздвоение. Если человек мыслит себя самого, то он является (по Канту) себе самому. Получается два «Я»: тот, который является, и тот, которому является. Но ни то ни другое не есть подлинное ноуменальное «Я». Ноуменальное «Я» в мысли потеряно. Оно не существует в рефлексии, в знании. Оно вне времени.

Концепция свободы выбора применяется Друскиным и при решении других философских проблем. В частности, мыслитель использует выводы

своей теории при анализе сознания, проблем идентичности и конституировании предметного мира. В работе «Теоцентрическая антропология» Друскин пишет: «Я исхожу из непосредственного факта своей души, причем уже павшей, значит, имеющей свободу выбора, и буду искать первоначальные акты свободного выбора, которые душа осуществляет на себе самой. Потому что до теории душа ничего и не имеет, кроме себя самой. Ты, другой, — другие, весь мир до теории, то есть до совершения акта свободного выбора, принадлежит моей душе, весь мир — мой мир» [7, с. 630]. Мыслитель подчеркивает, что есть некоторое изначальное состояние, на основе которого и выстраивается теория, концепция. До построения системы рассуждений весь внешний мир содержится в сознании, в душе. Друскин не пытается следовать традиции субъективного идеализма или защищать солипсизм; он утверждает, что субстанциальный статус внешнего мира не может быть определен изначальным со всей самоочевидностью, он получает признание лишь в дальнейшем. Акты полагания обобщаются в виде актов волеия, утверждения в собственном решении, что, с точки зрения Друскина, и является свободой выбора. Следовательно, моменты конституирования, смыслополагания, противопоставления можно обобщить в виде актов свободного выбора.

Первый выбор концентрируется на формальной составляющей «Я». В строгом смысле «Я» называется «Я сам». Как пишет Друскин, «Я сам — это не я телесный, не я ощущающий, чувствующий, желающий, решающий, выбирающий, но свободный выбор выбора. Поэтому я сам — чистая форма меня самого» [7, с. 633]. Поскольку нельзя сказать ничего определенного об этом «Я сам», то все его содержание ограничивается лишь свободой выбора. «Выбор выбора и есть моя свобода выбора, а свобода выбора — я сам» [7, с. 638], — утверждает Друскин. Это объясняется с учетом того факта, что свободный выбор означает утверждение в своих мыслях, в своих желаниях, в своих намерениях, в себе самом. Свобода выбора противопоставляется Друскиным абсолютной свободе, в которой пребывает ноуменальное «Я». Таким образом, на долю свободы выбора остается только «Я сам» [1]. В рамках первого выбора определяется лишь родство «Я сам» и свободы выбора, подчеркивается их неразрывный характер. «На вопрос: кто я сам? Я могу только ответить: я сам — сам» [7, с. 633]. Тем самым устанавливается тождественность и идентичность себя самого.

Можно провести некоторые параллели первого выбора Друскина и первого основоположения наукоучения Фихте, в качестве которого выступало суждение «Я полагает Я» [14, с. 50]. В основе этого тезиса лежит самоочевидное суждение тождества «А есть А», «А тождественно А». Немецкий мыслитель был убежден, что в основе таких суждений — присущее «Я» сознание своей самоидентичности. В свою очередь эта идентичность «Я» может быть фундирована абсолютным «Я», которое выступает в качестве априорной основы относительного и эмпирического «Я». Именно к этому абсолютному «Я» и относится названное первое основоположение наукоучения. В работах Друскина суждение тождества, напротив, относится не к абсолютному и ноуменальному «Я», а к эмпирическому «Я», которое представит в облике свободы выбора.

Построение системы, теоретическое выстраивание отношений «Я», сознания с самим собой и с другими субъектами — мыслительный акт. Однако Фихте акцентирует внимание на содержании мысли, на тех логических законах и правилах, которые лежат в основе мышления и на базе этого строит свою систему. Можно сказать, что его анализ носит логический характер, а концепция лежит на принципах формальной логики. Друскин же обращает внимание на мысль саму по себе и пытается учесть не только внутреннее содержание, но и сам акт мышления. Так, в работе «Рассуждения о библейской онтологии...» он пишет: «Я живу и думаю о своей жизни. Моя жизнь есть жизнь и мысль о моей жизни. При этом я не могу сказать, что жизнь во времени раньше мысли о жизни. Но сама мысль о жизни уже не жизнь: в мысли я думаю о своей жизни, вспоминаю ее» [8, с. 124]. Друскин обращает внимание на то, что человеческая жизнь не может быть сведена только к внешним ее проявлениям: поступкам, словам, межличностному общению и т.п. Жизнь включает в себя и мысль о жизни. В качестве интерпретации можно предложить известное суждение Декарта: «Мыслю, следовательно, существую». Без мысли невозможно существование, жизнь. Мысль есть то, что фундирует все остальные проявления жизни. Но, как мы понимаем, жизнь не сводится целиком и полностью к мысли, помимо мышления есть и иные модусы существования человека. Таким образом, получается следующее суждение: жизнь есть жизнь, тождественная мысли о ней, сама мысль о жизни не тождественна жизни [8, с. 124].

Мы подошли к одному из основных терминов Друскина, каковым является *одностороннее синтетическое тождество*. Абстрактная формула этого тождества выглядит следующим образом:

А есть А, равное В. Само В не равно А.

Как мы отмечали, Фихте свою философию строит на принципах формальной логики, одним из которых выступает аналитическое тождество «А есть А». Фихте предпринимал попытки построения строгой и непротиворечивой системы, которая могла бы стать основой для всего знания. Такое стремление, стоит отметить, было характерно не только для Фихте, но и для многих других представителей новоевропейской и классической философии. Это было время зарождения и развития научного знания, господства рационализма. Многие интеллектуалы были убеждены, что рано или поздно удастся построить всеобъемлющую картину, которая объяснит все значимые явления мира. В философии XX в., представителем которой был Друскин, такой подход подвергался не только сомнению, но и многочисленной критике. В особенности идею торжества разума, рационального подхода оспаривал экзистенциализм, который акцентировал внимание на иррациональных, скрытых аспектах как человеческой жизни, так и всего мира в целом. Вместо системности и логичности мыслители стали обращать внимание на алогизм, абсурд, бессмыслицу. Яков Друскин, труды которого некоторые интерпретаторы уже отнесли к традиции экзистенциальной философии, не придерживался столь однозначного взгляда. Друскин вводит синтетическое тождество, которое не устанавливает формальное равенство субъекта и предиката, но вносит новое содержание в субъект. Следует сделать оговорку, что в философии Канта тавтологические суждения, к каковым относится тождество «А = А», не являются ни аналитическими, ни синтетическими. Применительно к тематике первого выбора и проблеме идентичности одностороннее синтетическое тождество формулируется так:

Я есть я, тождественный себе самому, но я сам не тождественен себе.

Или: я есть я = я сам; я сам ≠ я.

Саму жизнь, акт жизни человека можно назвать «Я», т.к. оно схватывает человека во всей его целостности. Однако мышление о жизни, утверждение в свободе выбора — это «Я сам», которое не может быть признано тождественным «я». Иными словами, суждение «я есть я сам» выглядит самоочевидным в обыденном понимании, устанавливающим тождество сознания, мысли.

Однако после высказывания этого суждения человек обращает внимание на иные аспекты, которые изначально выглядели непроясненными и скрытыми. Поэтому можно отметить, что одностороннее синтетическое тождество работает с двумя уровнями понимания, не сводимыми друг к другу. Суждение «я есть я сам» высказывается с позиций здравого смысла, который в данном случае мало чем отличается от многих философских воззрений. Однако затем «Я сам» анализируется с концептуально иных позиций, наделяется другим содержанием, в результате выясняется, что обратное суждение не является верным и обращение не происходит.

«Я сам ухожу от себя самого, так как делаю себя самого объектом себя самого. Я называю это объективированием себя самого, и ясно, что в этом объективировании я никогда не дойду до себя самого. Во-первых, в этом объективировании себя самого как акта свободного выбора я уже не свободен, но детерминирован самим собою. Во-вторых, в этом акте я пуст: содержанием меня самого стал я сам, как пустой, бессодержательный акт объективирования меня самого мною самим. Я уже не что, а ничто» [7, с. 633]. В самом деле, объект противостоит мыслящему субъекту, отстраняется от него. Только так и возможно познание, эта установка лежит в основании когнитивной деятельности. Однако противопоставление, ограничение не позволяют проникнуть в глубинные слои сознания, психики. Объективирование противоположно интроспекции, вчувствованию в себя.

Обратимся к трактовке Друскиным рациональности в контексте выбора и невыбора. «Выбор выбора, говоря языком Гуссерля, вполне тематизирован, то есть осознан как тема феноменологического исследования. Я бы мог подробнее исследовать, например, различие субъективного и объективного объективирования, но и сказанного о нем довольно, чтобы увидеть его горизонт (продолжая говорить языком Гуссерля). Этот горизонт конечен, хотя объективирование потенциально бесконечно. Конечность горизонта объективирования, то есть выбора выбора, — в его рациональности. Объективирование — это сама чистая мысль, то есть мысль без всякого содержания, мысль о самой мысли. Но и в этой мысли есть один момент иррациональный. Я сам = я сам – сам. Или: мысль сама по себе есть мысль о мысли. И снова: мысль о мысли есть мысль о мысли о мысли. Это можно выразить противоречивой формулой: $0 = (0)$. Подставляя в 0 в скобке его выражение из формулы, я получу по-

тенсиально бесконечный ряд. Это единственное место разрыва рациональности в конечном горизонте мысли, то есть в рациональности».

После формального определения и установления одностороннего тождества необходимо перейти к содержательному анализу «Я», сознания, самочувствия.

Во втором выборе тоже можно усмотреть некоторые параллели с наукоучением Фихте, в частности с его вторым основоположением. «Второй акт выбора я совершаю над самочувствием. Это и будет тематизированием самочувствия. Я начинаю снова с выбора выбора. Выбор всегда есть разделение и противоположение и выбор в противоположении. Второй выбор — тот же произвол, что и первый: моя относительная, предельная свобода. Но первый выбор был строго формальный, поэтому в изложении его не было произвола. Второй выбор не вполне формальный, поэтому появляется и произвол в его изложении. Я произвожу наиболее общее разделение самочувствия на **я** и **не я** и в выборе выбора выбираю **я**» [7, с. 638]. Второе основоположение наукоучения гласит: «Я полагает не-Я». Немецкий философ основывал этот вывод на очевидных суждениях неравенства и отрицания: поскольку $A = A$, постольку же $A \neq \text{не-}A$. Суждение неравенства несет оттенок противопоставления: «Я» противостоит «не-Я», противопологается «не-Я».

Второе основоположение Фихте лишало «Я» абсолютного статуса. В самом деле, если «Я» противостоит «не-Я», отстраняется от него, то это означает ограничение «Я», признание его относительности. У Друскина абсолютное, или ноуменальное, «Я» существовало только до первого выбора, до утверждения и укоренения в свободе выбора, в собственной воле. Фихте акцентирует внимание на противостоянии «Я» и «не-Я», их несводимости друг к другу и различии их характеристик. Поскольку «Я» у Фихте активно, деятельно, постольку «не-Я» пассивно и инертно [11, с. 257]. В системе Фихте в «не-Я» включаются только вещи, предметы материального мира. Других людей нельзя причислить к «не-Я», они все являются тем «Я», которое полагает внешний мир. В этом слышится отголосок трансцендентального субъекта Канта. Друскин же, напротив, наделяет и «не-Я» самостоятельной активностью. Среди «не-Я», по Друскину, находятся не только неодушевленные предметы и вещи, но и другие люди, собеседники, близкие.

Поскольку второй акт выбора совершается над самочувствием, то следует дать определение это-

му понятию. Как отмечает Друскин, «самочувствие — все мои ощущения, чувства, восприятия, представления, воспоминания, желания, мысли, это весь мир, но как мой мир» [7, с. 638]. Таким образом, в самочувствие входят ментальные состояния и данные опыта, которые человек получает при помощи органов чувств. Основным их свойством является принадлежность «мне», осознание причастности «моему» бытию, со-бытие со «мною». «Мое самочувствие я могу разделить на элементы или на слои. Эти слои расположены вокруг некоторого центра — я. Этот центр, несомненно, есть, но определить его трудно. О каждом слое моего самочувствия я говорю: это мое. Если же мое, то есть принадлежит мне, то уже не я — принадлежит мне. Тогда я откину этот внешний слой и перейду к следующему. Но и этот слой — мое, значит, не я. Так я дойду до слоя, который называется: мое тело. Но и тело только мое, значит, не я. В пределе я дойду до себя самого: это я сам первого выбора. Но там еще не было разделения на я и не я, оно появилось только во втором выборе. Поэтому я не должен, а практически не смогу дойти до последнего предела» [7, с. 638].

Похожие мысли мы встречаем в «Чтениях о богочеловечестве» В. Соловьева: «Начало же своего другого есть воля. В самом деле, то, что я полагаю своею волей, есть мое, поскольку я его полагаю, и вместе с тем оно есть другое, от меня отличное, иначе я не полагал бы его. Итак, первый способ бытия, когда сущность еще не выделена из сущего, а различается от него только потенциально или в стремлении — когда она есть и не есть, есть свое и другое, — этот способ бытия открывается нам как воля» [13, с. 137].

При построении онтологической системы многие философы в качестве отправной точки рассуждений принимают сознание. Чистое «Я», субъект — это то, что постулируется в первую очередь, в существовании чего нет оснований сомневаться. Достаточно вспомнить, например, рассуждения Декарта. В «Размышлениях о первой философии» он решает определенные задачи: доказательство бытия Бога и различие между человеческой душой и телом [4]. Изложение взглядов Декарта последовательно, знание он стремится построить на незыблемых основаниях. Свое рассуждение философ начинает с универсального сомнения, согласно которому нет оснований доверять не только показаниям органов чувств, что было известно еще в Античности, но и законам логики и математики, что является новшеством.

Действительно, вполне возможно существование некоего злого гения, постоянно вводящего в заблуждение. Этому допущению сложно найти надежное опровержение, однако, по Декарту, единственное, что не может быть отторгнуто, — это мышление. «Если я сомневаюсь, значит, я мыслю. Мыслю столько, сколько сомневаюсь». Ego cogito — единственно надежная точка, на которую можно опереться, вынося суждения о методе. Таким образом, важно подчеркнуть **реальное существование** человеческого сознания.

Друскин изменяет исходную точку рассуждений. В работе «Существуют ли другие люди помимо меня?» в качестве исходного и отправного пункта он принимает «апперцепцию себя», которая трактуется как «аналитическое тождество в суждении» [9, с. 479]. Апперцепция означает зависимость восприятия человеком какого-либо объекта, свойства от его индивидуальных особенностей, личностных качеств. Человеческое восприятие может быть направлено на различные предметы, состояния, в том числе и на себя самого, превращаясь тем самым в самовосприятие. Реально существование, по Друскину, только самочувствия, самовосприятия, апперцепции себя, а все остальное выступает в качестве представления. Причем важно подчеркнуть, что представлениями являются не только объекты так называемого внешнего мира, другие люди и т.д., не только собственное тело познающего и воспринимающего, но и его сознание. Смысл рассуждений Друскина заключается в наделении свойством представления всего того, что может быть воспринимается. И сознание в той мере, в какой оно воспринимается, является таким же представлением, как тело, другие люди, вещи и т.д. На наш взгляд, здесь имеет смысл обратить внимание на корреляцию с учением А. Шопенгауэра. Последний указывал на некую самоочевидную истину — «мир есть мое представление», которая имеет место для «всякого живого познающего существа» [15]. Представление есть точка объединения субъекта и объекта, тот пункт, в котором устанавливается связь между ними.

Друскин отмечает, что «я и есть мой взгляд на меня» [6, с. 376]. Нет какой-то скрытой и потаенной сущности человека, которая проявляется в отдельных аспектах. «Я» — это тот угол зрения, под которым человек смотрит сам на себя, рефлектирует о себе. Таких точек зрения, взглядов может быть множество: они бывают обусловлены возрастом, воспитанием, религиозной и мировоззренческой принадлежностью или, что более глубоко,

конкретным экзистенциальным состоянием в момент рефлексии о себе самом. В каждом взгляде содержится конечное число «Я» и «анти-Я», поскольку человек ограничен и конечен. Акт рефлексии встроен в рамки времени, поскольку происходит не постоянно, а лишь в некоторые мгновения. Однако множество самих взглядов, аспектов рассмотрения себя бесконечно, т.к. в человеке есть идея бесконечности, обусловленная, по Друскину, тем обстоятельством, что человек сотворен по образу и подобию Бога. Тем самым эта идея априорна и заложена Божеством в творении.

Результатом второго выбора является разделение самочувствия на «Я» и «не-Я». «Но точно определить границы двух областей: я и “не-Я” уже не удастся. В определение областей проникает иррациональность» [7, с. 640].

Некоторое равновесие с небольшой погрешностью

Этот термин часто встречается в произведениях Друскина, относящихся к зрелому и позднему периоду его творчества. В дневниковых записях читаем следующее: «В 1933 году я нашел термин: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Я искал его, кажется 6 лет» [5].

Хронология и характер творчества Я. Друскина позволяет назвать его неклассическим философом. Стремление к построению строгой и непротиворечивой метафизической системы, различные части которой взаимно дополняют и развивают друг друга, было ему чуждо. Сам мир многими философами XX в. перестал восприниматься как нечто устойчивое, закономерное и поддающееся объяснению. Вместе с крушением идеалов рационального знания и веры в торжество науки возрастает интерес к иррациональному, таинственному. Некоторые мыслители убеждаются в принципиальной невозможности объяснения явлений природы и человека.

В эссе «О реальном и существующем» Друскин пишет: «Я нашел твердое и прочное основание между очертаниями твердых предметов... Я разделил два смежных предмета так, чтобы границы их, приближаясь одна к другой, не совпали. Между ними я нашел точку, не принадлежащую к очертаниям того или другого. Это было моим местом... Эта точка — то, что имеет ко мне отношение. Теперь я нашел твердое и прочное основание: то, что имеет ко мне отношение, есть начало» [5, с. 134].

В приведенном рассуждении Друскина важным является упоминание границы. Граница разделяет

это и то, отделяет одно от другого, не позволяет слиться воедино нескольким предметам. [Это и то — концептуально нагруженные термины в работах Друскина. Одним из основных значений, которыми он наделяет эти слова, является следующее. Это — наша повседневная реальность, эмпирический мир, в то время как то — потусторонний мир (который, в свою очередь, понимается по-разному: мир неизменных эйдосов, смыслов, бестелесных сущностей или же загробный мир посмертного существования человека). Подробному разъяснению различных семантических оттенков этих терминов посвящена работа Друскина, которая так и называется: «Это и то».] Если границы двух очертаний сходятся, но при этом не совпадают полностью, остается пустота, не принадлежащая ни к одному из предметов. Это отсутствие, лишенность и есть место человека, то твердое основание, которое является началом системы. Граница не только имеет отрицательный смысл в виде разделения двух вещей и фиксирует формальную несводимость одного к другому. Она наполняется и положительным содержанием, поскольку учреждает *наличие* между двумя предметами, двумя мирами третьего начала. Отсутствие по своему онтологическому статусу отличается от наличествующих вещей. Однако отсутствие не есть ничто. С. Булгаков в своей работе «Свет невечерний» проводил разграничение оттенков слова «ничто», обращаясь при этом к греческой философии. Так, он выделял *укон* и *меон* [3]. Друскин высказывает идею существования в разделении, на границе. Личность не имеет твердой и неизменной сущности, как полагали многие мыслители, ее место — пустота, лишенность.

Небольшая погрешность выступает тем элементом, который делает весь суший мир реальным для нас. Вселенная, космос, мир представляют собой некоторое равновесие, устойчивое и постоянное. Законы природы неизменны и действуют в любом месте в любое время. Но Вселенная не осознает себя, не понимает своей реальности и устойчивости. Чтобы понять это, требуется выйти за пределы устойчивого равновесия, привнести в него элемент погрешности, неточности. Человек своим существованием нарушает природное равновесие.

* * *

В русской философии XX в. еще много неисследованных страниц. Причем стоит заметить, что русская мысль развивалась не только в эмиграции и не только в пределах идеологического контроля со стороны государства. На территории

России в указанный период были созданы оригинальные философские системы, которые не всегда исходили из парадигмы диалектического материализма. Философия Я. Друскина — характерный пример такого рода. Будучи скромным школьным учителем русского языка и литературы, а затем и математики, Друскин писал во многом для себя, не предназначал свои произведения для многотиражных публикаций, что не обязывало его выполнять формальные требования. Профессиональная работа в сфере философии невозможна без обращения к историко-философскому материалу, без анализа и учета концепций, идей ранее живших мыслителей. Современная философия характеризуется стремлением к синтезу, соединению и взаимодействию различных подходов и философских направлений. Это необходимо в целях взаимного обогащения методиками, программными установками, трактовками тех или иных проблем. Идеи Друскина могут быть использованы при решении многих важных философских проблем. В его работах используются различные методы и подходы, что не позволяет однозначно отнести его к какому-то одному философскому течению, но заставляет говорить о синтезе, взаимодействии в его творчестве нескольких программ и направлений мысли.

Список литературы

1. Авдеенков А.Н. Друскин Яков Семенович // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2014. С. 177–178.
2. Авдеенков А.Н. Феноменологическое измерение философии Я.С. Друскина // Историко-философский ежегодник – 2011. М., 2012. С. 401–415.
3. Булгаков С. Свет невечерний. М.: Фолио, 2001. 672 с.
4. Декарт Р. Размышления о первой философии... // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1994. С. 3–72.
5. Друскин Я.С. Дневники. СПб.: Академ. проект, 1999. 604 с.
6. Друскин Я.С. Дневники 1963–1979. СПб.: Академ. проект, 2001. 640 с.
7. Друскин Я.С. Лестница Иакова: эссе, трактаты, письма. СПб.: Академ. проект, 2004. 764 с.
8. Друскин Я.С. Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и моей свободе, не вошедшие в «Видение невидения» // Друскин Я.С. Видение невидения. СПб, 1995. С. 125–172.
9. Друскин Я. Существуют ли другие люди помимо меня? // Сборище друзей, оставленных судьбою. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. 851 с.
10. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант. Критика практического разума. СПб., 2007. 1120 с.
11. Коллстон Ф. От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004. 542 с.
12. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
13. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. М.: Академ. проспект, 2011. 293 с.
14. Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. 687 с.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: АСТ, 2007. 848 с.

Получено 31.07.2015

References

1. Avdeenkov A.N. [Druskin Yakov Semenovich]. *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia]. Moscow, 2014, pp. 177–178. (In Russian).
2. Avdeenkov A.N. [Phenomenological dimension of Ya.S. Druskin's philosophy]. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik – 2011* [Historical and philosophical annuals – 2011]. Moscow, 2012, pp. 401–415. (In Russian).
3. Bulgakov S. *Svet nevechernij* [Unfading light]. Moscow, Folio Publ., 2001, p. 672. (In Russian).
4. Descartes R. [Meditations on first philosophy...]. *Sochineniya v 2 t.* [Oeuvre in 2 vol.]. Moscow, Musl' Publ., 1994, vol. 1, pp. 3–72. (In Russian).
5. Druskin Ya.S. *Dnevniki* [Diaries]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999, 604 p. (In Russian).
6. Druskin Ya.S. *Dnevniki 1963–1979* [Diaries 1963–1979]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2001, 640 p. (In Russian).
7. Druskin Ya.S. *Lestnitsa Iakova: jesse, traktaty, pi'ma* [Jacob's ladder: essays, treatises, letters]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2004, 764 p. (In Russian).
8. Druskin Ya.S. [Essays on Biblical onthology, on contingence mystery, on my slavery and my freedom, not included into «Videnie nevideniya»]. *Videnie nevideniya* [Vision of nonvision]. Saint Petersburg, 1995, pp. 125–172. (In Russian).
9. Druskin Ya.S. [Do other people except me exist?]. *Sborische druzej, ostavleennyh sud'boyu* [Crowd of friends, left by the fate]. Moscow, Ladomir Publ., 2000, vol. 1, 850 p. (In Russian).
10. Kant I. [Groundwork of the metaphysics of morals]. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of practi-

- cal reason]. Saint Petersburg, 2007, 1120 p. (In Russian).
11. Copleston F. *Ot Fihte do Nitsshe* [From Fichte to Nietzsche]. Moscow, Respublika Publ., 2004, 542 p. (In Russian).
 12. Sartre J.-P. [Existentialism is a Humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, pp. 319–344. (In Russian).
 13. Solov'ev V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings from Godmankind]. Moscow: Akademicheskij prospekt Publ., 2011, 293 p. (In Russian).
 14. Fichte J. *Sochineniya v 2 t.* [Oeuvre in 2 vol.]. Saint Petersburg, Mifril Publ., 1993, vol. 1, 687 p. (In Russian).
 15. Schopenhauer A. *Mir kak volya i predstavlenie* [The world as will and representation]. Moscow, AST Publ., 2007, 848 p. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt 31.07.2015*

Об авторе

Авдеенков Андрей Николаевич

аспирант философского факультета

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4
e-mail: andrey.avdeenkov@gmail.com

About the author

Avdeenkov Andrey Nikolaevich

Ph.D. Student of Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: andrey.avdeenkov@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Авдеенков А.Н. «Некоторое равновесие с небольшой погрешностью»: экзистенциальная философия Я.С. Друскина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 65–74.

Please cite this article in English as:

Avdeenkov A.N. «Some equilibrium with small inaccuracy»: Ya.S. Druskin's existential philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 65–74.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:370

**ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА НА ПОСТАНОВКУ ПРОБЛЕМ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ***Жарова Дарья Викторовна**Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

Предметом исследования является психолого-педагогическое наследие Герберта Спенсера. Цель его — выявить, как влияло психолого-педагогическое наследие Г. Спенсера на постановку проблем в отечественной психологии конца XIX – начала XX столетия. Методы исследования: историко-генетический (изучение идей прошлого неразрывно связано с учетом общей логики развития науки в определенный исторический период), сравнительно-исторический (анализ преемственности высказываемых идей). Статья может представлять интерес для исследователей истории зарубежной и отечественной педагогической психологии, а также для изучающих проблемы детской и возрастной психологии. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах по истории психологии, истории педагогической психологии, психологии личности, общей и детской психологии, возрастной психологии на факультетах психологии университетов, найдут применение в историко-психологических исследованиях, в создании учебных пособий по истории психологии.

Ключевые слова: педагогическая психология; детская психология; обучение; воспитание; развитие; образование; ребенок.

**INFLUENCE OF HERBERT SPENCER'S PSYCHOLOGICAL
AND PEDAGOGICAL HERITAGE ON PROBLEM DEFINITION
IN DOMESTIC PSYCHOLOGY
OF THE END OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY***Darya V. Zharova**Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University*

As an object of research within this article we allocated psychological and pedagogical heritage of Herbert Spencer. The purpose of this article is to track influence of Herbert Spencer's psychological and pedagogical heritage on problem definition in domestic psychology of the end of XIXth – the beginning of the XXth century. Research methods are the following: a historical and genetic method (studying of ideas of the past is inseparably linked to taking into account the general logics of development of science during a certain historical period), a comparative and historical method (the analysis of continuity of the stated ideas). This article can be of interest to researchers of history of foreign and domestic pedagogical psychology, and also to the researchers dealing with problems of the child and age psychology. The results of research reflected in this article can be used in lecture courses on history of psychology, history of pedagogical psychology, psychology of the personality, the general and child psychology, age psychology at faculties of psychology of universities, and will find application in historical and psychological researches, in creation of manuals on history of psychology.

Key words: pedagogical psychology; children's psychology; training; education; development; education; child.

Во второй половине XIX в. огромное значение для психологии, в частности для педагогической, имело эволюционное учение Г. Спенсера. Психолого-педагогические идеи Г. Спенсера оказали огромное влияние на становление и развитие педагогической психологии не только в Великобритании, но и в странах Западной Европы и России [1–3, 15, 18]. Они получили широкое распространение, сыграли большую роль в формировании детской и педагогической психологии. М.Г. Ярошевский в книге «История психологии от античности до середины XIX века» писал, что идеи Г. Спенсера оказали огромное влияние на экспериментальную психологию, психологию поведения, на формирование генетической (детской) психологии [20, с. 25].

На теоретические разработки отечественных ученых существенное влияние оказывала зарубежная мысль. В исследованиях русских психологов, педагогов, практиков и теоретиков науки обобщены новейшие перспективные психолого-педагогические идеи ученых Великобритании. Сотрудничество, многосторонний синтез и анализ актуальных проблем — все это способствовало более глубокому пониманию и решению вопросов психолого-педагогической науки.

По утверждению А.Н. Джуринского, в середине XIX столетия значительное влияние на развитие психологической мысли в России оказала деятельность Г. Спенсера [4, с. 217]. Его психолого-педагогические воззрения представлены в книге «Воспитание умственное, нравственное и физическое» (опубликована в Великобритании в 1861 г.). В России первый перевод книги появился в 1877 г. В ней Г. Спенсер рассматривает вопросы о назначении человека, давал полезные указания относительно физического воспитания, говорил о важности изучения физиологии и психологии, которые помогут преодолеть психологическую неграмотность учителей и родителей и предотвратят отставание в умственном, нравственном и физическом воспитании детей [17, с. 39]. Разрабатывая принципы научного подхода к проблемам воспитания и обучения, Г. Спенсер поднял вопрос о взаимоотношениях субъектов педагогического процесса, пересмотрел содержание школьного образования, ориентируясь на современную жизнь с ее нуждами и потребностями. Г. Спенсером были разработаны законы формирования интеллектуальной сферы ребенка на основе его деятельного саморазвития, самообразования и стремления к самостоятельному исследо-

ванию и познанию неизвестного. Е.С. Минькова в монографии «Психолого-педагогическое наследие английской опытной школы второй половины XIX в.» пишет, что в основу разработанных Г. Спенсером законов интеллектуального развития был положен метод саморазвития, который предполагает не бессмысленное зазубривание и пассивное обучение, а деятельное саморазвитие, самообразование, стремление к самостоятельному исследованию и познанию неизвестного [7, с. 182]. Главной целью обучения и воспитания Г. Спенсер называл формирование личности, которая способна к самоуправлению, которая не нуждается в управлении других. Сущность педагогической концепции Г. Спенсера — идея саморазвития [7, с. 179].

В отечественной психологии проблемы детской и педагогической психологии разрабатывали К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, И.А. Сикорский, Н.Е. Румянцев, П.Ф. Каптерев, др. [5, 6, 8, 9, 11–14, 17, 19]. Как и Г. Спенсер, они обращали внимание педагогов и родителей на правильную организацию воспитания, на изучение не только общих законов психического развития, но и индивидуальных особенностей детей [14, с. 3]. Они поддерживали мнение Г. Спенсера о том, что содержание и методика обучения и воспитания должны главным образом опираться на законы умственного развития ребенка, что преждевременное обучение, не соответствующее умственному развитию, пагубно скажется на здоровье школьника. Учитывая особенности детского развития, Г. Спенсер жестко критиковал современные ему методы преподавания, приводя в качестве примеров методы обучения рисованию. Так, он отмечал, что если бы преподаватели руководствовались указаниями природы в самих способах преподавания рисования, они добились бы лучших результатов. Г. Спенсер считал, что только тот метод преподавания будет успешный и будет приносить пользу и удовольствие ребенку, который опирается на достигнутый им уровень развития двигательных и умственных способностей. Н.Е. Румянцев отмечал, что концепция Г. Спенсера нашла применение не сразу, а по мере накопления психологами и педагогами (Дж. Селли, П.Ф. Каптерев, Н.Е. Румянцев, А.Ф. Чемберлен и др.) данных по проблеме исследования возможности применения анализа детских рисунков к изучению характера, особенностей развития познавательной и эмоциональной сферы ребенка [14, с. 62].

Обращаясь к определению целей воспитания, Г. Спенсер исходил из положения о ценности знаний. По мнению ученого, ответы на вопросы: Как жить? Как вести свои дела? Как поступать со своим телом и душой? Как воспитывать семью? Как поступать в качестве гражданина? Каким образом пользоваться своими способностями с тем, чтобы приносить наибольшую пользу себе и другим? составляют главный предмет воспитания. В качестве цели воспитания Г. Спенсер выделил подготовку человека к полноценной жизни, а следовательно, при воспитании детей необходимо выбирать те предметы и методы, которые будут способствовать достижению поставленной цели [18, с. 128]. Анализируя содержание школьного обучения, решая дидактические вопросы, отечественные ученые так же, как и Г. Спенсер, обратились к проблеме предметного содержания общеобразовательного курса [5, с. 188]. О большом интересе к научному наследию Г. Спенсера, в частности к решению данной проблемы, свидетельствует работа П.Ф. Каптерева. Самыми ценными и полезными науками, по мнению английского ученого, могут быть признаны те, которые способствуют улучшению человеческой жизни. В своей педагогической системе Г. Спенсер перечислил 5 видов деятельности человека, в порядке их важности и взаимного подчинения:

1 – деятельность, способствующая самосохранению, ее изучение находится в ведении физиологии как науки [5, с. 190; 22];

2 – деятельность, косвенно служащая самосохранению, обеспечивающая жизненные потребности. Изучение этого вида деятельности является предметом таких наук, как логика, математика, механика, физика, химия, биология, социология;

3 – деятельность, имеющая своей целью воспитание и обучение потомства, ее изучением занимается педагогика [5, с. 192; 18];

4 – деятельность, направленная на поддержание социальных и политических отношений;

5 – деятельность, которая служит удовлетворению интересов человека.

П.Ф. Каптерев проанализировал предложенные Г. Спенсером виды человеческой деятельности, выделил их сильные и слабые стороны. К недостаткам педагогической системы Г. Спенсера он относил утилитарный подход ученого к оценке ценностей преподаваемых предметов. Г. Спенсер предлагал исключать из учебного курса те предметы, изучение которых не имеет практической ценности (например литературы). По мнению П.Ф. Каптерева, такой взгляд характерен для анг-

лийской педагогической системы, имеющей прикладной, практический характер [6, с. 349]. В качестве сильных сторон им выделены следующие: стремление Г. Спенсера строго и последовательно провести один принцип в составе учебного курса — принцип потребности. По мнению П.Ф. Каптерева, реализация принципа потребности при образовании учебного курса вполне возможна, его в известной мере необходимо иметь в виду педагогу. Этот принцип определяет курс учебных предметов объективно, ориентирует на практические запросы жизни. П.Ф. Каптерев считал, что состав учебного курса должен определяться не только субъективными свойствами учебных предметов (большим или меньшим их влиянием на интеллектуальное развитие), но и объективными, т.е. соответствием или несоответствием учебных предметов жизненным запросам и деятельности. Дополняя педагогическую систему Г. Спенсера, П.Ф. Каптерев пришел к выводу, что идея английского ученого о выборе предметов общеобразовательного курса по сути правильна, но требует дополнения. Отечественный психолог считал, что необходимо обращать особое внимание на дисциплинарное значение наук, чем Г. Спенсер интересовался сравнительно мало. Рассматривая с этой точки зрения предметы обучения и само обучение, П.Ф. Каптерев различал в них две различные стороны: материальную и формальную. Отсюда и возникает логическая точка зрения на состав общеобразовательного курса, иначе называемого формальным и материальным образованием, значение которого в том, что обучение должно преследовать развитие умственных способностей, а не только сообщение знаний, оно должно быть формальным, а не материальным [5, с. 201].

К анализу педагогической системы Г. Спенсера обращался и К.Д. Ушинский [10]. Критически оценивая состояние современной ему педагогики, которая «думает о том, как учить тому, чему обыкновенно учат, чем о том, для чего что-нибудь учиться», К.Д. Ушинский в книге «Избранные педагогические сочинения» (Т. 1. «Теоретические проблемы педагогики») обратился к статье Г. Спенсера «Какие из знаний нужнее», в которой автор доказывал необходимость введения в обучение и образование «полезных» предметов и наук, отмечая при этом, что многие современные ему педагоги и родители при обучении детей руководствуются «рутиной и модой», тем самым «засоряя» ум ребенка [19, с. 333]. Вместе с этим Г. Спенсер указывал на недостаток тех

знаний, которые были бы полезны детям (знание анатомии, гигиены, правил поведения). Однако, по мнению К.Д. Ушинского, Г. Спенсеру следовало бы обратить внимание на то, каким образом изучение того или иного предмета действует на формирование характера и направление образа мыслей ребенка и как это может отразиться на его поступках и поведении, и в соответствии с этим совершенствовать методы преподавания. Несмотря на имеющиеся у К.Д. Ушинского возражения относительно предложенной Г. Спенсером системы, он был согласен со Спенсером в главном постулате. «Воспитатель и наставник должны знать, что труд, употребляемый на приобретение каких-либо знаний, должен соизмеряться с пользой, от них проистекающей», — писал К.Д. Ушинский [19, с. 336].

Позднее отечественный психолог И.А. Сикорский неоднократно обращался к психологическому наследию Г. Спенсера в таких работах, как: «Всеобщая психология с физиогномикой» (Киев, 1904 г.), «Воспитание в возрасте первого детства» (СПб, 1884 г.), «Душа ребенка с кратким описанием души животных и души взрослого человека» (Киев, 1909 г.). И.А. Сикорский признавал, что благодаря работам Г. Спенсера и Ч. Дарвина эволюционные идеи были наиболее полно разработаны и получили широкое применение во многих научных дисциплинах, в том числе и в науке о душе. По его мнению, идея Г. Спенсера о взаимосвязи физического строения, физиологических процессов и психической сферы способствовала целостному изучению развития ребенка. В журнале «Вопросы нервно-психической медицины» за 1897–1898 гг., обсуждая проблемы общественной психологии, И.А. Сикорский обратился к анализу трудов Г. Спенсера. Он отметил, что философские идеи Г. Спенсера о прогрессивном усовершенствовании нервной системы и параллельном усложнении психических явлений способствовали росту внимания естествоиспытателей, психологов, педагогов и врачей к изучению анатомии нервной системы в ее связи с психологией. Труды Г. Спенсера по психологии позволили перейти к более широкому сравнительно-анатомическому изучению мозга, ориентации психологических дисциплин на данные биологической науки, созданию основ физиологической психологии и изучению психических явлений с эволюционной точки зрения.

И.А. Сикорский утверждал, что в процессе обучения и воспитания следует использовать

идею Г. Спенсера о важности развития в детях способности к самосохранению (выдвинута в книге «Воспитание умственное, нравственное и физическое»). Однако, он считает, что «идея английского мыслителя пока еще не нашла себе действительного применения» [16, с. 128]. Большое значение для И.А. Сикорского имела и такая мысль Г. Спенсера: «Тот еще не окончил своего воспитания, кто не сделался отцом или матерью, потому что он не пережил чувства родительской любви и не реализовал того человеколюбия, которое вытекает из родовых инстинктов» [16, с. 48]. По мнению И.А. Сикорского, многое из того, что было сказано и предсказано Г. Спенсером, позднее доказывалось (подтверждалось) в научных исследованиях [17, с. 5]. Он считал, что научное наследие Г. Спенсера способствовало возникновению в психологии нового направления «экспериментальное изучение душевных явлений», которое впоследствии стало основой для создания психометрии. Благодаря трудам английского ученого возникла потребность в изучении душевных явлений в связи с изучением мозга и нервной системы, что тоже было важным шагом, способствующим развитию современной психологии [17, с. 155].

История психологической мысли знает много имен, но сегодня лишь немногие знают тех, кто стоял у истоков психологической науки, в частности детской и педагогической психологии. Среди них — английский ученый Герберт Спенсер, чьи идеи были популярны на рубеже XIX–XX вв. не только в Великобритании, но и в России, сейчас же незаслуженно забыты. В данной статье дан обзор лишь некоторых его идей, которые способствовали прогрессу педагогической психологии.

Список литературы

1. *Бэн А.* Воспитание как предмет науки: пер. с англ. СПб.: Карл Риккер: тип. и лит. Л. Бергмана и Г. Рабиновича, 1879. 383 с.
2. *Бэн А.* Наука воспитания: полный пер. с англ. СПб.: Семья и школа, 1881. 420 с.
3. *Бэн А.* Психология: пер. с англ. 2-е изд. доп. СПб., 1881. 410 с.
4. *Джурицкий А.Н.* История зарубежной педагогики: учебн. пособие. М.: Форум: Инфра-М, 1998. 272 с.
5. *Каптерев П.Ф.* Дидактические очерки. Теория образования. 2-е изд. Пг.: Земля, 1915. 432 с.
6. *Каптерев П.Ф.* Педагогическая психология для народных учителей, воспитателей и воспитательниц. СПб., 1876. 449 с.

7. Минькова Е.С. Психолого-педагогическое наследие английской опытной школы второй половины XIX в.: монография. Арзамас, 1999. 329 с.
8. Оболенский Л. Новая наука «педология» (экспериментально-точная наука воспитания) // Воспитание и обучение. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. дела Е. Евдокимов, 1900. № 1. С. 29–39.
9. Обухов А.М. Свободное воспитание и дисциплина. 2-е изд. М.: Типография Вильде, 1900. 108 с.
10. Рамуль К.А. К.Д. Ушинский и современная ему западноевропейская психология // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 114–124.
11. Румянцев Н.Е. Лекции по педагогической психологии для народных учителей. М.: Тип. «Общественная польза», 1913. 256 с.
12. Румянцев Н.Е. Нравственно-социальное развитие и воспитание детей // Педагогическая мысль. 1918. № 1–2. С. 7–29.
13. Румянцев Н.Е. Обзор литературы по психологии детства. СПб.: Тип. Императорского училища глухонемых, 1910. 44 с.
14. Румянцев Н.Е. Педология (наука о детях), ее возникновение, развитие и отношение к педагогике. СПб.: Изд-во О. Богдановой, 1910. 82 с.
15. Селли Д. Основы общедоступной психологии и ее применения к воспитанию (The Teacher's Handbook of Psychology): пер. с англ. М.Ш. СПб.: 1897. 351 с.
16. Сикорский И.А. Воспитание в возрасте первого детства. СПб., 1884. 203 с.
17. Сикорский И.А. Всеобщая психология с физиогномикой. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1904. 574 с.
18. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. СПб.: Тип. «Труд и польза», 1906. 228 с.
19. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 1: Теоретические проблемы педагогики / под ред. А.И. Пискунова. М., 1974. 584 с.
20. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX в.: учеб. пособие. М.: Академия, 1996. 410 с.
3. Ben A. *Psihologia* [Psychology]. Saint Petersburg, 1881. 410 p. (In Russian).
4. Dzhurinskiy A.N. *Istoriya zarubezhnoj pedagogiki: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [History of foreign pedagogics: Study guide for higher educational institutions]. Moscow, Publishing group Forum – Infra-M Publ., 1998, 272 p. (In Russian).
5. Kapterev P.F. *Didakticheskie ocherki. Teoriya obrazovaniya. Izdanie vtoroe* [Didactic sketches. Theory of education. Second edition]. Petrograd, Zemlsya Publ., 1915, 432 p. (In Russian).
6. Kapterev P.F. *Pedagogicheskaya psihologiya dlya narodnyh uchitelej, vospitatelej i vospitatel'nits* [Pedagogical psychology for public teachers, tutors and governesses]. Saint Petersburg, 1876, 449 p. (In Russian).
7. Min'kova E.S. *Psihologo-pedagogicheskoe nasledie anglijskoj opytnoj shkoly vtoroj poloviny XIX veka* [Psychological and pedagogical heritage of English experience school of the 2nd half of the XIXth century]. Arzamas, 1999, 329 p. (In Russian).
8. Obolenskiy L. [New science of pedology (experimental exact science of upbringing)]. *Vospitanie i obuchenie* [Upbringing and tuition]. 1900, no 1, pp. 29–39. (In Russian).
9. Obuhov A.M. *Svobodnoe vospitanie i distsiplina. 2e izdanie* [Free upbringing and discipline. 2nd edition]. Moscow, Tipographiya Vil'de Publ., 1900, 108 p. (In Russian).
10. Ramul' K.A. [K.D. Ushinskiy and West European psychology contemporary to him]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 1956, no 5, pp. 114–124. (In Russian).
11. Rumyantsev N.E. *Lektsii po pedagogicheskoy psihologii dlya narodnyh uchitelej* [Lectures on pedagogical psychology for public teachers]. Moscow, Tipographiya Obschestvennaya pol'za Publ., 1913, 256 p. (In Russian).
12. Rumyantsev N.E. [Moral and social development and upbringing of children]. *Pedagogicheskaya mysl'* [Pedagogical thought]. 1918, no 1–2, pp. 7–29 p. (In Russian).
13. Rumyantsev N.E. *Obzor literatury po psihologii detstva* [Review on child psychology bibliography]. Saint Petersburg, Imperial Deafmute School Publ., 1910, 44 p. (In Russian).
14. Rumyantsev N.E. *Pedologiya (nauka o detyah), ee vzniknovenie, razvitie i otnoshenie k pedagogike* [Pedology (the science of children), its origin, development and relations with pedagogics]. Saint Petersburg, O. Bogdanova's Publ., 1910, 82 p. (In Russian).
15. Selly D. *Osnovy obschedostupnoj psihologii i ee prieneniya k vospitaniiyu* [The teacher's handbook of psychology]. Saint Petersburg. 1897, 351 p. (In Russian).

Получено 15.05.2015

References

1. Ben A. *Vospitanie kak predmet nauki* [Upbringing as a subject matter]. Saint Petersburg, Karl Rikker Publ., L. Bergman's and G. Rabinovich's tip. i lit. Publ., 1879, 383 p. (In Russian).
2. Ben A. *Nauka vospitaniya* [Upbringing science]. Saint Petersburg, Sem'ya i shkola Publ., 1881, 420 p. (In Russian).

16. Sikorskiy I.A. *Vospitanie v vozraste pervogo detstva* [Upbringing in early childhood age]. Saint Petersburg, 1884, 203 p. (In Russian).
17. Sikorskiy I.A. *Vseobshchaya psihologiya s fiziognomikoj* [General psychology with physiognomics]. Kiev, S.V. Kul'zhenko's Tipografiya Publ., 1904, 574 p. (In Russian).
18. Spencer H. *Vospitanie umstvennoe, npravstvennoe i fizicheskoe* [Education: intellectual, moral and physical]. Saint Petersburg, Trud i pol'za Publ., 1906, 228 p. (In Russian).
19. Ushinskiy K.D. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. T. 1. Teoreticheskie problemy pedagogiki* [Selected pedagogical works. Vol. 1. Theoretical problems of pedagogics]. Moscow, 1974, 584 p. (In Russian).
20. Yaroshevskiy M.G. *Istoriya psihologii. Ot antichnosti do serediny XX veka: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [History of psychology: From the ancient world to the middle of the XXth century: Study guide for higher educational institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 1996, 410 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 15.05.2015

Об авторе

Жарова Дарья Викторовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной и организационной психологии

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, 1;
e-mail: zharodar@yandex.ru

About the author

Zharova Darya Viktorovna

Ph.D. in Psychology,
Associate Professor of Social and Organizational Psychology Department

Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University,
1, Ulyanov str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russia;
e-mail: zharodar@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Жарова Д.В. Влияние психолого-педагогического наследия Герберта Спенсера на постановку проблем в отечественной психологии конца XIX – начала XX столетия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 75–80.

Please cite this article in English as:

Zharova D.V. Influence of Herbert Spencer's psychological and pedagogical heritage on problem definition in domestic psychology of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 75–80.

УДК 159.913

ОПРОСНИК ОТНОШЕНИЯ К ОБРАЩЕНИЮ ЗА УСЛУГАМИ В СФЕРЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ (IASMHS): РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ

*Вайнштейн Сергей Викторович, Бурдин Михаил Валерьевич,
Шабалин Евгений Юрьевич*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Рассматривается история и технология создания методики изучения психологических факторов, способствующих и препятствующих обращению за профессиональной психологической помощью. Переведена методика «Inventory of Attitudes Toward Seeking Mental Health Services». Рассчитаны основные показатели надежности и валидности русскоязычной версии на выборочной совокупности ($n = 153$) респондентов в возрасте от 18 до 62 лет. Шкалы методики *Безразличие к стигме* и *Склонность к поиску помощи* показали хорошую внутреннюю согласованность как по критерию альфа, так и по результатам факторного анализа. Шкала *Психологическая открытость* показала приемлемую надежность, но в результате факторизации распалась на две латентных переменных, которые интерпретированы как «признание психологической нуждаемости» и «готовность обсуждать проблемы со специалистом». Представлены статистические нормы, рассчитанные на пилотажной выборке. Они сопоставлены с данными, рассчитанными на канадской выборке для стандартизации оригинальной методики. Обсуждаются перспективы улучшения психометрических свойств методики.

Ключевые слова: отношение к психологической помощи; измерение отношения; склонность к поиску помощи; психологическая открытость; безразличие к стигме; психометрика.

INVENTORY OF ATTITUDES TOWARD SEEKING MENTAL HEALTH SERVICES (RUSSIAN VERSION): A PILOT STUDY OF PSYCHOMETRIC PROPERTIES

Sergey V. Weinstein, Mikhail V. Burdin, Evgeniy Yu. Shabalin

Perm State University

Russian version of Mackenzie's et. al. (2004) Inventory of Attitudes Toward Seeking Mental Health Services was tested on the community sample ($n = 153$, age: 18 to 62). Scales Indifference to Stigma and Help-seeking Propensity had good internal consistency ($\alpha = .84$ and $\alpha = .79$). Scale Psychological openness had $\alpha = .60$. Exploratory factor analysis divided items of Psychological Openness into two factors, while two other factors had been replicated. New extracted factors were semantic similar to «Recognition of need for psychological help» ($\alpha = .63$) and «Confidence in mental health professionals» ($\alpha = .65$) in Fisher and Turner's (1970) model of attitudes toward seeking professional psychological help. Four-factor solution had the best model fit indices ($\chi^2 = 339.1$, $p < .001$; CFI = .89; RMSEA = .050, CI 90 % = .036 to .062; ECVI = 3.26, CI 90 % = 2.97 to 3.60) compare to one-, two- and three-factor models. Data obtained on pilot study sample intend more negative attitudes toward seeking professional psychological help among Russians, comparing to Canadian standardization sample. Perspectives for an improving of psychometric properties of the inventory are discussed.

Key words: attitude toward psychological help; scaling of attitudes; help-seeking propensity; psychological openness; indifference to stigma; psychometrics.

Отношение к обращению за профессиональной психологической помощью (attitude toward seeking professional psychological help) как эмпирическое психологическое понятие было предложено около

полувека назад Э. Фишером и Дж. Тёрнером [18]. Авторы предприняли попытку выяснить склонность людей, переживающих личностный кризис или длительное психологическое неблагополучие,

обращаться за психологической помощью или сопротивляться возможностям ее получения. Предложенная стандартизированная методика измерения отношения к профессиональной помощи (психологов, психотерапевтов, психиатров и т.п.) широко использовалась в эмпирических исследованиях в последующие годы. В ходе недавнего мета-аналитического исследования изменения отношения к психологической помощи за последние 40 лет было выявлено 467 публикаций, использующих данную методику (базы данных PsychINFO, PubMed, Web of Science, Google Scholar, EBSCO) [25]. Проблема отношения к получению психологической помощи сегодня разрабатывается в связи с различными вопросами. Например, исследуются ее взаимосвязи с суицидальной готовностью [26], гендерными [22, 28], культурными различиями [12, 30], религиозностью [13, 23], установлением психотерапевтического альянса [15, 20] и т.д. Многообразие рассматриваемых тем и накопленный богатый эмпирический материал обуславливают актуальность разработки аналогичных диагностических инструментов для носителей русского языка.

Нам не удалось обнаружить русскоязычные эмпирические исследования, посвященные отношениям (установкам, аттитюдам) к психологическим услугам в целом (базы данных: eLibrary, Google Scholar). Тем не менее данная проблема частично и косвенно разрабатывается в исследованиях социальных представлений о психиатрии [5], социальных образов психиатрии в средствах массовой информации [10], априорных представлений студентов-медиков о психиатрии [1], в рамках изучения мнения жителей отдельных регионов о психиатрии [2] и психотерапии [3], а также представлений россиян о психоанализе [7, 8]. Экстраполяция этих результатов на отношение к психологической помощи в целом затруднена не только в связи с границами предмета цитированных работ, но и в связи с отличием теоретических рамок исследования рассматриваемого отношения. Как мы видим, отечественные авторы склонны к тематизации проблемы в контексте социальных представлений, в то время как зарубежные ученые чаще опираются на понятие социальной установки (аттитюда). Следует отметить, что последнее понятие встречается и в русскоязычных исследованиях смежных с отношением к психологической помощи проблем. При этом, с одной стороны, зачастую констатируется недостаточная четкость определения границ между аттитюдом и предубеждением, социальным стереотипом, суеверием и др. [напр., 6]. С другой сто-

роны, исследователи ограничивают аттитюд рамками теории социальных представлений, где он трактуется как «эмоциональное отношение к объекту представления» [7, с. 149]. Не останавливаясь на многочисленных теоретических дискуссиях, соотносящих категории «аттитюд» и «социальное представление» [см. напр.: 16, 19, 27], рассмотрим историю и технологию создания инструмента измерения отношения к обращению за профессиональной психологической помощью.

История создания методики

Создание шкалы, позволяющей оценить отношение к психологической помощи (Attitudes Toward Seeking Professional Psychological Help Scale — ATSPPHS), было начато сотрудниками отделения психологии госпиталя Коннектикут Вэлли на средства гранта Национального института психического здоровья (США). Э. Фишер и Дж. Тёрнер совместно с несколькими клиническими психологами, работающими в различных сферах психологической помощи (государственные стационары и диспансеры, частная практика, школы), составили 47 утверждений, касающихся различных аспектов ориентации относительно поиска профессиональной помощи при психологических проблемах. Этот список был предложен 14 экспертам (клиническим психологам, психологам-консультантам и психиатрам) для оценки релевантности каждого утверждения изучаемой сфере. В результате было отобрано 31 утверждение, выражающее либо негативное, либо позитивное отношение к обращению за психологической помощью. Список из 31 утверждения был предъявлен студентам. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с каждым суждением по 4-балльной шкале. На этом этапе было исключено 2 утверждения, показавшие низкие корреляции с суммарным баллом по списку суждений в целом. Оставшиеся 29 утверждений (18 негативных и 11 позитивных) вошли в итоговую версию шкалы, которая была предложена более обширной студенческой выборке для дальнейшей стандартизации. Шкала показала хорошую внутреннюю согласованность (.83), дивергентную и конвергентную валидность относительно некоторых личностных особенностей, валидность по критерию наличия опыта обращения за психологической помощью. Также было выделено 4 фактора отношения к психологической помощи: распознавание собственной потребности в профессиональной психологической помощи (8 пунктов; внутренняя согласованность .67), толе-

рантность к стигме, связанной с психиатрической помощью (5 п., .70), межличностная открытость относительно собственных проблем (7 п.; .62) и доверие специалисту по психическому здоровью (9 п.; .74) [18].

К началу XXI в. для исследователей аттитудов к получению профессиональной психологической помощи стали очевидны некоторые концептуальные и методологические ограничения данной шкалы. Формулировки пунктов требовали пересмотра в силу устаревшего языка и ограниченности только оценкой отношения к психиатрам и психологам, исключая других профессионалов, занимающихся вопросами психологического благополучия. Также для создания новых теоретических моделей, способных предсказывать обращение за профессиональной психологической помощью, был необходим пересмотр возможностей опросника с позиции соответствия измерений новым теоретическим конструктам. С методологической точки зрения методика ATSPPHS была ограничена выборкой (только студенты) и за счет использования 4-балльной шкалы ответов, вместо более надежных 5- или 7-балльных шкал; также несовершенство данной модели выявилось благодаря развитию факторно-аналитических методов (появились техники расчета пригодности модели). Указанные ограничения стали поводом для пересмотра и модификации ATSPPHS, в результате чего был разработан новый опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья (Inventory of Attitudes Toward Seeking Mental Health Services — IASMSH) [24].

Коллектив авторов под руководством К. Маккинзи из Королевского университета Кингстона (Канада) рассмотрел проблему обращения за психологической помощью в контексте теории запланированного поведения И. Айзена [11]. Теоретическая модель предполагает, что отношение (аттитюд) к поведению, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль взаимосвязанно определяют поведенческие намерения и само поведение индивида. Отношение (аттитюд) здесь понимается как «выученная предрасположенность согласованно реагировать благожелательным или неодобрительным поведением относительно данного объекта» [17, р. 6]. Стремясь увеличить предсказательную валидность методики, авторы добавили по 6 утверждений для измерения конструктов *Субъективные нормы* и *Воспринимаемый поведенческий контроль*. Субъективные нормы отсылают к индивидуальному и

групповому восприятию определенного поведения, приемлемости или неприемлемости данного поведения для индивида под влиянием его отношений со значимыми другими. Для измерения этого конструкта были добавлены утверждения, отражающие отношения членов семьи, коллег, соседей и т.д. Воспринимаемый поведенческий контроль означает уверенность в способности справиться с обстоятельствами, сопутствующими достижению цели. Для оценки этого конструкта были добавлены утверждения, отражающие знание респондента о том, куда и к кому обращаться, готовность выделить на это время и деньги, возможность обратиться при желании и т.п. [24].

Таким образом, к 29 утверждениям ATSPPHS (16 из которых были скорректированы) было добавлено 12 пунктов. Шкала ответов была заменена на 5-балльную. Получившийся опросник из 41 пункта был предложен респондентам в возрасте от 15 до 89 лет ($M = 45.6$, $SD = 17.8$). Далее были проведены расчеты внутренней согласованности, факторной структуры и индексов пригодности одно-, двух-, трех- и четырехфакторной моделей. В результате из опросника было исключено 17 пунктов, не соответствующих критериям внутренней согласованности и интерпретируемости факторной структуры. Итоговая версия IASMSH состоит из 24 пунктов, объединенных в 3 шкалы, каждая из которых содержит по 8 пунктов. 1. *Психологическая открытость* (Psychological Openness — PO; альфа Кронбаха — .82) — фактор, отражающий склонность признавать существование психологических проблем и возможностей их профессионального решения (объясненная дисперсия 25 %). 2. *Склонность к поиску помощи* (Help-seeking Propensity — HSP; .76) — фактор, отражающий желание и возможность обратиться за профессиональной психологической помощью (9 %). 3. *Безразличие к стигме* (Indifference to Stigma — IS; .79) — фактор, отражающий обеспокоенность мнением окружающих о человеке, обратившемся за психологической помощью (8 %). Внутренняя согласованность для суммарного показателя отношения к получению профессиональной психологической помощи составила .87. Внутриметодные корреляции шкал были низкими при высоких корреляциях шкал с суммарным баллом по методике, что говорит о приемлемой дискриминативной валидности. Критериальная валидность была установлена относительно наличия опыта обращения за психологической помощью. Конвергентная и дивергентная

валидность установлены относительно намерений в случае необходимости обратиться за профессиональной психологической помощью, поговорить с родными и близкими, справиться со своими психологическими проблемами самостоятельно, оцененных по 7-балльной шкале [24].

Процедура и результаты адаптации данной методики для русскоязычных респондентов представлены ниже.

Задачи адаптации методики

Для достижения адекватности переведенной методики необходимо следовать ряду научных требований. Так, согласно Курту Гайзингеру, адаптация стандартизированного опросника предполагает пять последовательных шагов: 1) перевод или адаптация измерений несколькими экспертами; 2) пересмотр переведенной или адаптированной версии инструмента группой экспертов; 3) корректировка инструмента на основе комментариев экспертов на втором шаге; 4) пилотажное тестирование инструмента; 5) полевое тестирование инструмента [21]. Также общепризнанным приемом является обратный перевод (с целевого языка на оригинальный язык разработки методики) вербального стимульного материала с последующим обсуждением смыслового несоответствия [14]. В данной статье обобщаются результаты первых четырех шагов, позволяющие перейти к завершающему этапу стандартизации методики.

Основными задачами данного исследования являются 1) установление внутренней согласованности русскоязычной версии IASMSH; 2) проверка соответствия факторной структуры русскоязычной версии IASMSH предлагаемому ключу; 3) оценка дискриминативной и критериальной валидности русскоязычной версии IASMSH.

Метод

Перевод. Оригинальные пункты IASMSH были независимо переведены с английского языка на русский двумя специалистами в области психологической помощи. Полученные варианты предъявлялись студентам, изучающим клиническую психологию ($n = 30$) для оценки адекватности (понятности, лаконичности, соответствия суждения смыслу шкалы) формулировки каждого пункта в разных переводах. Затем наиболее адекватные переводы пунктов предъявлялись двум другим квалифицированным переводчикам для обратного перевода — с русского языка на английский. Полученные данные легли в основу форму-

лировки пунктов итоговой версии перевода методики для психометрической проверки. Подробно процедура перевода описана ранее [9].

Следует отметить, что формулировки «обращение за профессиональной психологической помощью» и «обращение за услугами в сфере психического здоровья» используются здесь как синонимы, обозначающие одно и то же поведение.

В оригинальной версии методики используется 5-балльная шкала от 0 до 4. В русскоязычной версии используется 5-балльная шкала от 1 до 5. Это означает, что для сравнения результатов по шкалам с данными, полученными на англоязычных выборках необходимо из показателей шкал данной методики вычесть 8, из суммарного показателя вычесть 24.

Выборочная совокупность. Русскоязычную версию заполнили 153 респондента (117 женщин) в возрасте от 18 до 62 лет (среднее значение 31.2, стандартное отклонение 11, медиана 30, мода 19, частота моды 21 %). Были выделены следующие возрастные группы: 40 (26 %) респондентов младше 20 лет, 34 (22 %) от 20 до 29 лет, 39 (25.5 %) от 30 до 39 лет, 40 (26 %) старше 40 лет. Уровень образования респондентов: 52 респондента (34 %) со средним образованием, 23 (15 %) со средним специальным, 5 (3 %) с незаконченным высшим и 73 (48 %) с высшим образованием. Наличие опыта получения профессиональной психологической помощи отметили 52 респондента.

Результаты

Внутренняя согласованность 24 утверждений методики как пунктов одной шкалы составила .84 (коэффициент альфа Л. Кронбаха). Согласованность шкалы РО оказалась наиболее низкой и составила .60; наиболее высокую согласованность показала шкала IS: .84; для шкалы HSP был получен коэффициент надежности .79. Исключение 4 пункта (корреляция с суммарным баллом шкалы — .12, методики — .095) увеличивало надежность шкалы РО до .63, суммарной шкалы IASMSH до .85. Вклад каждого пункта в согласованность соответствующей шкалы приведен в табл. 1.

Значения пунктов были распределены с максимальной левой асимметрией -1.37 и максимальной правой асимметрией .45; с максимальным отрицательным эксцессом -1.41 и максимальным положительным эксцессом 1.51, при усредненном среднем и усредненном стандартном отклоне-

нии — 3.59 и соответственно 1.21. Многомерная нормальность данных предполагается при асимметрии менее 2 и эксцессе меньше 7 [29]. Как мы видим, параметры распределения соответствуют этим критериям, что позволяет использовать параметрические статистические методы.

Эксплораторный факторный анализ (метод максимального правдоподобия, вращение облимин) с заданным извлечением трех латентных переменных выявил, что максимальный процент объясненной дисперсии (19.85 %) приходится на фактор, объединяющий пункты шкалы IS в соответствии с ключом методики. Второй фактор, соответствующий шкале HSP, объяснил 9.59 % дис-

персии. Третий фактор, соответствующий шкале РО, объяснил 3.78 % дисперсии. Только один пункт показал сильную нагрузку на третий фактор, в то время как три пункта шкалы РО имели большую нагрузку на другие факторы, а один пункт имел максимальную нагрузку .14. В практике факторного анализа факторные нагрузки ниже .30 принято считать слабыми, от .30 до .70 — умеренными, выше .70 — сильными (Everitt & Dunn, 2001) [цит. по: 4, с. 102]. Таким образом, в соответствии с ключом только 3 пункта имели сильные факторные нагрузки, 16 пунктов — умеренные, и 5 пунктов — слабые (табл. 1).

Таблица 1. Трехфакторная структура и внутренняя согласованность «Опросника отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья»

№ пункта	Формулировка пункта	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Альфа при удалении
<i>Шкала Безразличие к стигме</i>					
16г	Если люди из моего личного и профессионального окружения узнают о моем обращении за психологической помощью, мне будет неловко	.75	–	–	.80
23г	Получив лечение по поводу психологических проблем, я бы чувствовал(а), что это необходимо держать в тайне	.74	–	.29	.80
11г	Важные люди в моей жизни думали бы хуже обо мне, если бы они узнали, что я испытываю психологические проблемы	.69	–	.29	.81
17г	Диагноз психического расстройства — позорное пятно в личной жизни	.66	–	.26	.81
20г	Если мне нужно будет обратиться к профессионалу, я буду беспокоиться о том, что подумают другие	.64	.34	–	.82
24г	Если бы мне пришлось обратиться с психологической проблемой к профессионалу, я бы хотел(а), чтобы мои соседи не знали об этом	.58	.23	.22	.82
6г	Иметь психические расстройства стыдно	.47	–	.20	.83
3г	Я бы не хотел(а), чтобы мои значимые другие (супруг, партнер и т.д.) знали, что я страдаю от психологических проблем	.47	–	.21	.83
<i>Шкала Склонность к поиску помощи</i>					
15	Если я буду чувствовать беспокойство или огорчение длительное время, я обращусь за профессиональной помощью	–	.69	–	.75
10	Я готов(а) обратиться за профессиональной помощью, если у меня возникнут психологические проблемы	.26	.67	–	.75

Окончание табл. 1

№ пункта	Формулировка пункта	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Альфа при удалении
<i>Шкала Склонность к поиску помощи</i>					
5	Если бы у моих друзей возникли психологические проблемы, я мог(ла) бы посоветовать им обратиться к профессионалу	–	.62	–	.75
19	Если у меня случится нервный срыв, в первую очередь я обращусь за профессиональной психологической помощью	–	.62	.21	.75
2	Я знаю, что делать и к кому обратиться, если мне потребуется профессиональная помощь в решении психологических проблем	–	.58	–	.76
22	Я охотно буду обсуждать интимные вещи с профессионалом, если это может помочь мне или моей семье	.21	.52	–	.77
8	Если у меня будут серьезные психологические проблемы, я не сомневаюсь, что психотерапия принесет мне облегчение	.21	.49	–	.77
13	Мне было бы относительно просто найти время для приема у профессионала в решении психологических проблем	–	.38	.22	.79
<i>Шкала Психологическая открытость</i>					
18r	Люди, стремящиеся сами совладать со своими конфликтами и страхами без обращения к профессиональной помощи, заслуживают восхищения	.25	–	.77	.53
21r	Люди с сильным характером могут преодолеть психологические проблемы самостоятельно и не нуждаются в психологической помощи	.34	–	.50	.57
9r	Люди должны сами решать свои проблемы, а обращаться за психологической помощью к профессионалу только в крайнем случае	–	.45	.50	.55
14r	В моей жизни есть переживания, которые я не стал(а) бы обсуждать с кем-либо	.42	.43	.27	.55
1r	Существуют определенные психологические проблемы, которые не стоит выносить из семьи	.20	.36	.27	.56
12r	Психологические проблемы, как и многие другие, проходят сами собой	.26	.31	.22	.58
7r	Я считаю, что лучше не знать всего о себе	.22	–	.22	.59
4r	Лучшее средство избежать переживания тревоги и беспокойства — сосредоточиться на работе	.08	.03	.14	.63

Примечание: факторные нагрузки менее .20 опущены, за исключением пункта, не имеющего нагрузок более .20; r — реверсивный пункт.

При заданном извлечении четырех факторов структура становится более интерпретируемой. Первый фактор объяснил 22.58 % дисперсии, включив 8 пунктов шкалы IS в соответствии с ключом. Второй фактор (11.99 % объясненной дисперсии) включил 6 пунктов шкалы HSP и 1

пункт шкалы PO. Третий фактор (6.25 %) включил 3 пункта шкалы PO с умеренными и сильными нагрузками и 1 пункт со слабой нагрузкой. Четвертый фактор (5.71 %) объединил 3 пункта шкалы PO и 2 пункта шкалы HSP (табл. 2).

Таблица 2. Четырехфакторная структура отношения к обращению за профессиональной психологической помощью

Пункт	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
16 IS	.76	–	–	–
23 IS	.75	–	.31	–
11 IS	.69	–	.26	.25
17 IS	.65	–	.22	.24
20 IS	.64	.33	–	–
24 IS	.57	–	.20	.21
6 IS	.47	–	–	–
3 IS	.46	–	.21	–
10 HSP	.25	.72	.22	–
15 HSP	–	.67	–	.34
5 HSP	–	.62	–	.30
19 HSP	–	.60	–	.31
2 HSP	–	.58	–	.25
22 HSP	.20	.52	–	.21
12 PO	.25	.30	.22	–
18 PO	.24	–	.71	.26
21 PO	.35	–	.59	–
9 PO	–	.44	.53	.23
4 PO	.08	.02	.12	.08
14 PO	.41	.32	–	.73
1 PO	–	.28	.20	.55
13 HSP	–	.32	–	.45
8 HSP	–	.44	–	.45
7r PO	.21	–	.21	.23

Примечание: факторные нагрузки менее 0,20 опущены, за исключением пункта, не имеющего нагрузок более 0,20; жирным шрифтом выделены максимальные факторные нагрузки; r — реверсивный пункт; IS — пункт шкалы *Безразличие к стигме*, HSP — пункт шкалы *Склонность к поиску помощи*, PO — пункт шкалы *Психологическая открытость*.

Конфирматорный факторный анализ модели, заданной в соответствии с ключом методики, в целом доказал ее пригодность: $\chi^2 = 373.5$ при $p < .001$, CFI = .86, RMSEA = .057, ECVI = 3.44 (CI = 3.14; 3.81). Анализ индексов модификации показал необходимость добавления четырех ковариаций ошибок для достижения CFI конвенционального уровня. После этого индексы соответствия были: $\chi^2 = 320.4$ при $p = .001$, CFI = .91, RMSEA = .045, ECVI = 3.14 (CI = 2.87; 3.48). Расчет индексов пригодности для одно-, двух-, трех- и четырехфакторной моделей отношения к обращению за профессиональной психологической помощью показал наибольшую пригодность четырехфакторного решения без учета ковариаций ошибок (табл. 3; рис.). При этом другие индексы пригодности четырехфакторной модели, за исключением

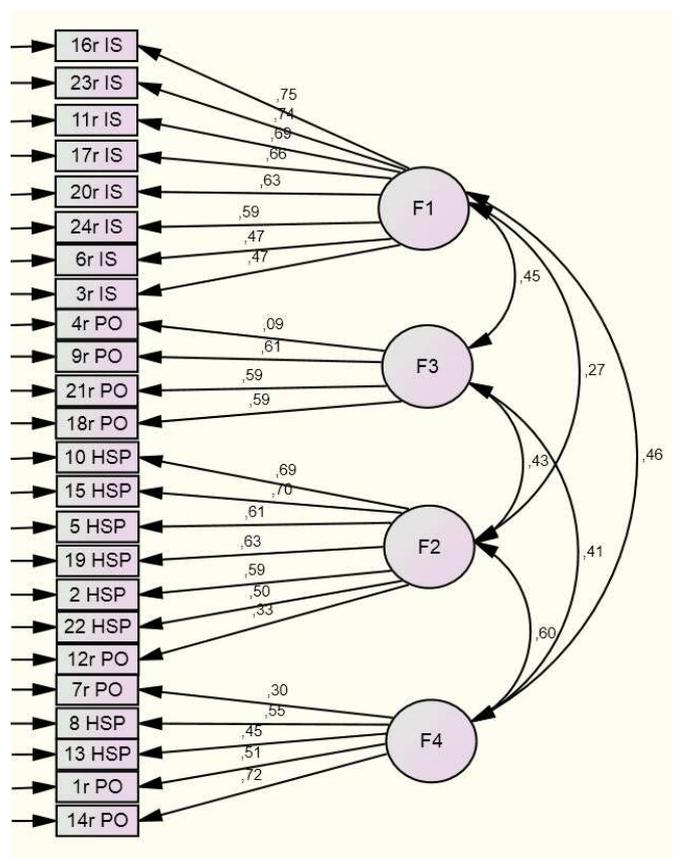
стандартизованного корня среднеквадратического остатка (SRMR), оказались относительно слабыми для однозначного утверждения соответствия модели эмпирическим данным: SRMR = .07, критерий согласия GFI = .85, показатель Такера-Льюиса TLI = .89.

Все шкалы сильно коррелировали с суммарным показателем методики. Корреляция шкал HSP и IS оказалась слабой. Корреляции PO с двумя другими шкалами была умеренной (табл. 4). Таким образом, шкалы связаны между собой почти в два раза слабее, чем с итоговым показателем методики, что говорит в пользу дискриминативной валидности. Иными словами, матрица корреляций показывает, что шкалы измеряют разные грани одного отношения.

Таблица 3. Индексы соответствия эмпирическим данным факторных решений с разным количеством заданных латентных переменных

Модель	χ^2	CFI	RMSEA	ECVI
Однофакторная	619.9 (df = 252)	.57	.098 [.088; .108]	5.03 [4.57; 5.53]
Двухфакторная	400.5 (df = 251)	.83	.063 [.052; .074]	3.60 [3.26; 3.98]
Трехфакторная	373.5 (df = 249)	.86	.057 [.045; .069]	3.44 [3.14; 3.81]
Четырехфакторная	339.1 (df = 246)	.89	.050 [.036; .062]	3.26 [2.97; 3.60]

Примечание: для χ^2 все $p < .001$, df — число степеней свободы; CFI — сравнительный индекс пригодности; RMSEA — среднеквадратическая ошибка аппроксимации; ECVI — ожидаемый индекс перекрестной проверки; в квадратных скобках указаны нижний и верхний 90 % доверительные интервалы.

Структурная модель «Опросника отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья» (четырёхфакторное решение)

Таблица 4. Внутриметодные корреляции шкал «Опросника отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья»

	Шкала	1	2	3	4
1	Психологическая открытость	—			
2	Склонность к поиску помощи	.46**	—		
3	Безразличие к стигме	.45**	0.22*	—	
4	Отношение к обращению за профессиональной психологической помощью	.81**	.72**	.76**	—

Примечание: * $p = .006$; ** $p < .001$

Средние значения для респондентов, обращавшихся за профессиональной психологической помощью ($n = 52$), достоверно выше ($t = -3.65$, при $p < .001$), чем для не обращавшихся респондентов ($n = 101$). Максимальное различие установлено для шкалы HSP ($t = -6.06$, при $p < .001$). Различия в показателях РО немного меньше ($t = -2.78$ при $p < .01$). При этом в обеих группах одинаково выражена толерантность к стигме ($t = -.11$ при $p = .912$). Как мы видим, обращавшиеся к специалисту респонденты более склонны искать

помощь и больше психологически открыты, а также в целом лучше относятся к получению психологических услуг. Это свидетельствует в пользу критериальной валидности методики.

Различия между мужчинами ($n = 36$) и женщинами ($n = 117$) оказались незначимыми только в отношении склонности к поиску помощи ($t = 1.41$, $p = .161$). Значения по остальным шкалам у женщин более высокие, чем у мужчин (все $t > 2.37$, все $p < .05$). Описательная статистика для шкал методики приведена в табл. 5.

Таблица 5. Описательная статистика «Опросника отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья»

Шкала	Общая выборка		Мужчины ($n = 36$)		Женщины ($n = 117$)	
	M	SD	M	SD	M	SD
Психологическая открытость ($\alpha = .60$)	19.07	5.25	17.28	5.60	19.62	5.04
Склонность к поиску помощи ($\alpha = .79$)	22.24	5.90	21.03	6.23	22.61	5.78
Безразличие к стигме ($\alpha = .84$)	20.78	6.48	17.81	6.79	21.70	6.12
Отношение к обращению за профессиональной психологической помощью ($\alpha = .84$)	62.08	13.44	56.11	14.47	63.92	12.61

Примечание: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение; α — коэффициент Л. Кронбаха; значения приведены в шкале от 0 (совершенно не согласен) до 4 (совершенно согласен).

Применение критерия ранговой корреляции Ч. Спирмена показало, что как уровень образования, так и возраст положительно статистически значимо связаны только с показателем склонности к поиску помощи. Связь с уровнем образования ($R = .33$ при $p < .001$) почти в два раза сильнее, чем с возрастом ($R = .18$ при $p < .05$), но обе корреляции слабые, несмотря на низкую вероятность ошибки первого рода. Это говорит о том, что расчет возрастных норм для показателей методики нецелесообразен. Анализ возрастных различий теоретически интересен, но выходит за рамки исследования на данном этапе.

Обсуждение

Надежность шкал русскоязычной версии методики достигает уровня оригинальной версии, за исключением измерения склонности признавать существование психологических проблем и возможностей их профессионального решения. Коэффициент надежности шкалы психологической открытости опустился до нижней границы приемлемого уровня по сравнению с характеристиками шкалы в англоязычной версии. Анализ факторных структур показал, что пункты шкалы РО с большей вероятностью измеряют две латентных

переменных, объединяясь при этом с некоторыми пунктами шкалы HSP. Также два пункта (4 и 7) показали очень низкие нагрузки на все выделенные факторы.

Суждение 4 «Лучшее средство избежать переживания тревоги и беспокойства — сосредоточиться на работе (Keeping one's mind on a job is a good solution for avoiding personal worries and concerns)» для российских респондентов не является выражением психологической закрытости. Вероятно, уход в работу рассматривается как дополнительная, но не замещающая стратегия совладания с психологическими проблемами. Суждение 7 «Я считаю, что лучше не знать всего о себе (It is probably best not to know everything about oneself)» выражает отношение к самопознанию, которое также оказывается слабо связанным с получением профессиональной психологической помощи. Поскольку формулировки на русском и английском идентичны по смыслу, правомерно предположить, что низкие нагрузки — результат культурных различий. Похоже, что российским респондентам не свойственно рассматривать трудоголизм как деструктивный копинг, а самопознание как процесс, связанный с профессиональными психологическими услугами. Крайне низкая корреляция 4-го

пункта с суммарным баллом методики доказывает возможность его исключения при расчете шкал. В силу слабых нагрузок 7-й пункт также лучше рассматривать как буферный.

Суждение 12 «Психологические проблемы, как и многое другое, проходят сами собой (Psychological problems, like many things, tend to work out by themselves)» с минимально приемлемой нагрузкой может быть отнесено к фактору, отражающему желание и возможность обратиться за профессиональной психологической помощью. С позиций здравого смысла очевидно, что если проблемы проходят сами, независимо от того, признается их наличие человеком или нет, обращаться к профессионалу нет необходимости. Примерно равные нагрузки на два других фактора и коэффициент корреляции с итоговым баллом показывают, что 12-й пункт вносит умеренный вклад в общий показатель отношения к обращению за психологической помощью, что свидетельствует о невозможности его исключения из расчета шкал.

Пункты 9, 18 и 21 образуют один фактор, который отражает склонность считать, что люди могут и должны справляться с психологическими проблемами без помощи других. Суждения содержат высокую оценку образа саморегулирующейся личности, не нуждающейся в профессиональной поддержке и справляющейся с психологическими проблемами своими силами. Подразумевается, что нуждающиеся в психологической помощи люди не достойны такого же уважения, как люди, переживающие и решающие психологические проблемы без профессионального сопровождения. Мы обозначили этот фактор как «Преодоление приоритета самопомощи». Он близок по смыслу фактору «Распознавание собственной потребности в профессиональной психологической помощи» из более ранней англоязычной версии методики (ATSPPHS) [18]. Пункты 1, 8, 13 и 14 объединяются в фактор, отражающий готовность обсуждать психологические проблемы со специалистом и по смыслу соответствующий фактору «Доверие специалисту по психическому здоровью», выделенному Э. Фишером и Дж. Тёрнером [18].

«Безразличие к стигме» и «Склонность к поиску помощи» как психологические факторы обращения за услугами в сфере психического здоровья устойчиво воспроизводятся в русскоязычной культуре, в то время как конструкт психологической открытости распадается на склонность признавать наличие психологических проблем и го-

товность к психологическому раскрытию перед специалистом. Сравнение индексов пригодности моделей также поддерживает тезис о четырехфакторной структуре отношения российских респондентов к обращению за психологической помощью. Тем не менее русская версия методики надежно измеряет степень обеспокоенности мнением окружающих о человеке, обратившемся за психологической помощью, а также желание и возможность обратиться за профессиональной психологической помощью. Суммарный показатель тоже обладает достаточной надежностью, которая может быть повышена посредством использования двух пунктов в качестве буферных.

Таким образом, полная репликация факторной структуры IASMHS не удалась. Современная модель отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья [24], полученная в 2004 г. на репрезентативной канадской выборке, менее пригодна для описания полученных от российских респондентов данных. Эмпирические данные возвращают нас к структуре отношения к профессиональной психологической помощи, установленной 45 лет назад на североамериканской студенческой выборке [18].

Согласно современному состоянию исследований структуры отношения к поиску психологической помощи наиболее часто выделяемыми барьерами положительного отношения являются: желание людей справляться с проблемами самостоятельно (Gulliver et al., 2010; Rickwood, Deane, & Wilson, 2007; Wells et al., 1994; Wetherell et al., 2004; Wilson & Deane, 2012); убеждение, что проблемы проходят сами собой (Sareen et al., 2007; Thompson et al., 2004), сомнения в пользе поиска помощи (Rickwood et al., 2007; Rughani, Deane, & Wilson, 2011; ten Have et al., 2010) и вопросы стигматизации (Gulliver et al., 2010; Jorm, Wright, & Morgan, 2007; Pescosolido et al., 2010) [цит. по: 25, р. 100]. В этом контексте четырехфакторная модель видится более приемлемой, чем трехфакторная. С другой стороны, тот факт, что часть индексов пригодности четырехфакторной модели не достигает конвенционального уровня, может свидетельствовать о менее интегрированной и более сложной структуре отношения к получению психологической помощи у русскоязычных респондентов.

Сопоставление средних шкальных значений, полученных на российской пилотажной выборке и канадской выборке стандартизации, позволяет заключить, что наши респонденты хуже относятся к профессиональной психологической помощи,

чем канадские. Разность средних показателей отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья между канадской ($n = 208$) и российской ($n = 153$) выборками составила для мужчин 9.91 баллов, для женщин 8.69 баллов, в общей выборке 7.11 баллов; разность стандартных отклонений составила .61, -.47 и .92 баллов соответственно [24].

Основываясь на полученных данных, можно предложить альтернативный ключ для подсчета показателей методики. Однако в силу малого количества пунктов надежность новых шкал остается на том же уровне, что и для шкалы *Психологи-*

ческая открытость: Преодоление приоритета самопомощи — 9 п., 18 п., 21 п.; *Готовность обсуждать проблемы со специалистом* — 1 п., 8 п., 13 п., 14 п. При этом шкала *Склонность к поиску помощи* (2 п., 5 п., 10 п., 12 п., 15 п., 19 п., 22 п.) сохраняет высокий уровень надежности, хотя значение альфа снижается на .02. Шкала *Безразличие к стигме* не подвергается изменениям. Показатели, полученные в соответствии с этим ключом, следует интерпретировать, ориентируясь на соответствующие ключу статистические нормы (табл. 6).

Таблица 6. Описательная статистика «Опросника отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья» в соответствии с альтернативным ключом

Шкала	Общая выборка		Мужчины ($n = 36$)		Женщины ($n = 117$)	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Преодоление приоритета самопомощи (3 пункта; $\alpha = .63$)	9.74	2.82	8.64	3.18	10.08	2.62
Готовность обсуждать проблемы со специалистом (4 пункта; $\alpha = .65$)	13.11	3.66	12.47	3.68	13.31	3.65
Склонность к поиску помощи (7 пунктов; $\alpha = .77$)	26.91	5.23	25.81	5.67	27.25	5.07
Безразличие к стигме (8 пунктов; $\alpha = .84$)	28.78	6.48	25.81	6.79	29.7	6.12
Отношение к обращению за профессиональной психологической помощью (22 пункта; $\alpha = .85$)	78.54	12.87	72.72	13.76	80.33	12.09

Примечание: *M* — среднее значение, *SD* — стандартное отклонение; α — коэффициент Л. Кронбаха; значения приведены в шкале от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен).

В целом результаты пилотажных психометрических испытаний русскоязычной версии «Опросника отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья» следует считать удовлетворительными. Несмотря на то что рассчитанные параметры надежности и валидности несколько хуже, чем у оригинальной версии методики, их значения остаются приемлемыми. Полученная факторная структура не противоречит теоретической модели, но является более дифференцированной. В этом снижении случае надежности отдельных шкал представляет проблему, требующую дальнейшей разработки. Для более точного измерения склонности признавать существование психологических проблем, с которыми невозможно справиться самостоятельно, и готовности работать со специалистом в сфере психического здоровья необходимо увеличение количества пунктов в соответствующих шкалах. Обнаруженные различия

факторной структуры оригинальной и русскоязычной версий могут представлять интерес с точки зрения дальнейшего исследования кросс-культурных аспектов отношения к обращению за профессиональной психологической помощью.

Рассмотренная версия методики может быть использована специалистами при решении как исследовательских, так и прикладных задач. При этом следует принимать во внимание пониженную надежность и структурную неоднозначность измерений, отсылающих к конструкту «Психологическая открытость». Также специалистам следует учитывать ограничения репрезентативности по возрастному и половому составу выборки данного пилотажного исследования. Дальнейшие психометрические испытания необходимы как для получения более точных стандартизированных норм, так и для установления ретестовой надежности представленного инструмента.

Опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья

Термин *профессионал* обозначает человека, обученного работать с психологическими проблемами (напр., психолога, психотерапевта, психиатра, социального работника). Термин *психологические проблемы* обозначает причины, по которым можно обратиться к профессионалу. Например, беспокойство относительно душевного состояния, эмоциональные проблемы, психические затруднения, личностные сложности.

Для каждого суждения отметьте степень своего согласия по пятибалльной шкале: 1 (не согласен), 2 (скорее не согласен), 3 (не знаю), 4 (скорее согласен), 5 (согласен).

	Не согласен					Согласен				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1. Существуют определенные психологические проблемы, которые не стоит выносить из семьи	1	2	3	4	5					
2. Я знаю, что делать и к кому обратиться, если мне потребуется профессиональная помощь в решении психологических проблем	1	2	3	4	5					
3. Я бы не хотел(а), чтобы мои значимые другие (супруг, партнер и т.д.) знали, что я страдаю от психологических проблем	1	2	3	4	5					
4. Лучшее средство избежать переживания тревоги и беспокойства — сосредоточиться на работе	1	2	3	4	5					
5. Если у моих друзей возникли бы психологические проблемы, я мог(ла) бы посоветовать им обратиться к профессионалу	1	2	3	4	5					
6. Иметь психические расстройства стыдно	1	2	3	4	5					
7. Я считаю, что лучше не знать всего о себе	1	2	3	4	5					
8. Если у меня будут серьезные психологические проблемы, я не сомневаюсь, что психотерапия принесет мне облегчение	1	2	3	4	5					
9. Люди должны сами решать свои проблемы, а обращаться за психологической помощью к профессионалу только в крайнем случае	1	2	3	4	5					
10. Я готов(а) обратиться за профессиональной помощью, если у меня возникнут психологические проблемы	1	2	3	4	5					
11. Важные люди в моей жизни думали бы хуже обо мне, если бы они узнали, что я испытываю психологические проблемы	1	2	3	4	5					
12. Психологические проблемы, как и многие другие, проходят сами собой	1	2	3	4	5					
13. Мне было бы относительно просто найти время для приема у профессионала в решении психологических проблем	1	2	3	4	5					
14. В моей жизни есть переживания, которые я не стал(а) бы обсуждать с кем-либо	1	2	3	4	5					
15. Если я буду чувствовать беспокойство или огорчение длительное время, я обращусь за профессиональной помощью	1	2	3	4	5					
16. Если люди из моего личного и профессионального окружения узнают о моем обращении за психологической помощью, мне будет неловко	1	2	3	4	5					
17. Диагноз психического расстройства — позорное пятно в личной жизни	1	2	3	4	5					
18. Люди, стремящиеся сами совладать со своими конфликтами и страхами без обращения к профессиональной помощи, заслуживают восхищения	1	2	3	4	5					
19. Если у меня случится нервный срыв, в первую очередь я обращусь за профессиональной психологической помощью	1	2	3	4	5					
20. Если мне нужно будет обратиться к профессионалу, я буду беспокоиться о том, что подумают другие	1	2	3	4	5					

Окончание опросника

	Окончание опросника				
	Не согласен		Согласен		
21. Люди с сильным характером могут преодолеть психологические проблемы самостоятельно и не нуждаются в психологической помощи	1	2	3	4	5
22. Я охотно буду обсуждать интимные вещи с профессионалом, если это может помочь мне или моей семье	1	2	3	4	5
23. Получив лечение по поводу психологических проблем, я бы чувствовал(а), что это необходимо держать в тайне	1	2	3	4	5
24. Если бы мне пришлось обратиться с психологической проблемой к профессионалу, я бы хотел(а), чтобы мои соседи не знали об этом	1	2	3	4	5

Список литературы

1. *Голенков А.В.* Априорные представления студентов о сущности, этиологии и лечении психических расстройств // Вестник Чувашского университета. 2010. № 3. С. 93–97.
2. *Голенков А.В., Сафронов С.А.* Отношение жителей Алатырского района к психически больным и оказанию психиатрической помощи // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2010. № 6. С. 132–138.
3. *Деларю В.В., Горбунов А.А.* Анкетирование населения, специалистов первичного звена здравоохранения и врачей-психотерапевтов: какой вывод можно сделать о перспективах психотерапии в России? // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2011. № 3. С. 52–54.
4. *Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А.* Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой Пятетки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 3, № 5. С. 100–110.
5. *Серебрянская Л.Я.* Социальные представления о психически больных и психиатрии в контексте проблемы стигматизации // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2005. № 3. С. 47–54.
6. *Смирнова Ю.С.* Методологические и методические проблемы исследования предубеждений // Психологический журнал. 2009. № 2. URL: <http://elibrary.miu.by/journals/item.pj/issue.22/article.1.html> (дата обращения: 17.05.2014).
7. *Смирнова И.В.* Репликация исследования С. Московичи: методологические трудности, результаты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4(16). С. 149–157.
8. *Смирнова И.В.* Французский и российский образ психоанализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 78–89.
9. *Шабалин Е.Ю., Бурдин М.В., Вайнштейн С.В.* Перевод как этап адаптации «Опросника отношения к обращению за профессиональной психологической помощью» // Будущее психологии – 2014: материалы Всерос. асп.-студ. науч. конф. (11 июня 2014 г.). Пермь, 2014. С. 38–44.
10. *Ястребов В.С., Трущелёв С.А.* Социальные образы психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2009. № 6. С. 65–68.
11. *Ajzen I.* Theory of planned behavior // Encyclopedia of health and behavior / ed. by N.B. Anderson. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. Vol. 2. P. 793–796.
12. *Anastas J.M.N.* Venezuelan and American college students' attitudes toward seeking professional psychological help: gender and ethnic comparisons: Thesis (MA) in Counseling Psychology. Humboldt State University, 2010. URL: <http://hdl.handle.net/2148/649> (Accessed 06.10.13).
13. *Bina R.* Attitudes Towards Seeking Mental Health Treatment in the Postpartum Period in Israel: The Role of Religious Affiliation // The Society for Social Work and Research – 2014. Annual Conference (January 15–19, 2014, San Antonio, TX). URL: <https://sswr.confex.com/sswr/2014/webprogram/Paper21723.html> (Accessed 17.05.14).
14. *Brislin R.W.* Back-Translation for Cross-Cultural Research // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1970. Vol. 1, no. 3. P. 185–216.
15. *Elliott K.P., Westmacott R., Hunsley J., Rumstein-McKean O., Best M.* The Process of Seeking Psychotherapy and Its Impact on Therapy Expectations and Experiences // Clinical Psychology & Psychotherapy. 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cpp.1900/pdf> (Accessed 17.05.14).
16. *Farr R.* Attitudes, social representations and social attitudes // Papers on social representations. 1994.

- Vol. 3(1). P. 30–33.
17. *Fishbein M.*, Ajzen I. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. 578 p.
 18. *Fisher E.H.*, Turner J.L. Orientations to seeking professional help: Development and research utility of an attitude scale // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1970. Vol. 35(1). P. 79–90.
 19. *Freiser C.* Attitudes, Social Representations and Widespread Beliefs // *Papers on social representations*. 1994. Vol. 3(1). P. 13–25.
 20. *Gearing R.E.*, Townsend L., et al. Strategies to Predict, Measure, and Improve Psychosocial Treatment Adherence // *Harvard Review of Psychiatry*. 2014, Vol. 22, iss. 1. P. 31–45.
 21. *Geisinger K.F.* Cross-Cultural Normative Assessment: Translation and Adaptation Issues Influencing the Normative Interpretation of Assessment Instruments // *Psychological Assessment*. 1994. Vol. 6, no. 4. P. 304–312.
 22. *Levant R.F.*, Stefanov D.G., et al. Moderated path analysis of the relationships between masculinity and men's attitudes toward seeking psychological help // *Journal of Counseling Psychology*. 2013. Vol. 60(3). P. 392–406.
 23. *Lillios E.N.* The relationship between attitudes toward seeking professional psychological help, religious orientation, and Greek Orthodox religiosity. Thesis (PhD), University of Iowa, 2010. URL: <http://ir.uiowa.edu/etd/544> (Accessed 17.05.14).
 24. *Mackenzie C.S.*, Knox J.V., Gekoski W.L., Macaulay H.L. An adaptation and extension of the attitudes toward seeking professional psychological help scale // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 34, no. 11. P. 2410–2435.
 25. *Mackenzie C.S.*, Erickson J., Deane F.P., Wright M. Changes in attitudes toward seeking mental health services: A 40-year cross-temporal meta-analysis // *Clinical Psychology Review*. 2014. Vol. 34. P. 99–106.
 26. *Reynders A.*, Kerkhof A.J.F.M., Molenberghs G., Van Audenhove C. Attitudes and stigma in relation to help-seeking intentions for psychological problems in low and high suicide rate regions // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2014. Vol. 49, iss.2. P. 231–239.
 27. *de Rosa A.S.* Social Representations and Attitudes: Problems of coherence between the theoretical definition and procedure of research // *Papers on Social Representations*, 1993.
 28. *Sullivan L.*, Camic P.M., Brown J.S.L. Masculinity, alexithymia, and fear of intimacy as predictors of UK men's attitudes towards seeking professional psychological help // *British Journal of Health Psychology*. 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/bjhp.12089/pdf> (Accessed 17.05.14).
 29. *West S.G.*, Finch J.F. & Curran P.J. Structural equation models with nonnormal variables: Problems and remedies // *Structural equation modeling: Concepts, issues, and applications* / ed. by R.H. Hoyle. Newbury Park, CA: Sage, 1995. P. 56–75.
 30. *Williams J.* Are Jamaicans really that stigmatizing? A comparison of mental health help-seeking attitudes // *West Indian Medical Journal*. 2013. Vol. 62, iss. 5. P. 437–442.

Получено 16.06.2015

References

1. Golenkov A.V. [Students' aprioristic images of essence, aetiology and curing of mental disorders]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Herald of the Chuvash University]. 2010, no 3, pp. 93–97. (In Russian).
2. Golenkov A.V., Safronov S.A. [Alatyr district residents' attitude towards mentally disturbed people and mental health services]. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii* [The Herald of Chuvash psychiatry and psychology]. 2010, no 6, pp. 132–138. (In Russian).
3. Delarue V.V., Gorbunov A.A. [Population, primary care physicians and psychotherapists questionnaire: what conclusion one can make on psychotherapy's prospects in Russia]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V.M. Bekhtereva* [V.M. Bekhterev Review of psychiatry and medical psychology]. 2011, no 3, pp. 52–54. (In Russian).
4. Knyazev G.G., Mitrofanova L.G., Bocharov V.A. [Validation of Russian version of L. Goldberg's inventory of Big Five factor markers]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2010, vol. 3, no 5, pp. 100–110. (In Russian).
5. Serebrijskaya L.Ya. [Social images towards mentally disturbed people and psychiatry within the context of stigmatization issue]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova* [S.S. Korsakov Journal of neurology and psychiatry]. 2005, no 3, pp. 47–54. (In Russian).
6. Smirnova Yu.S. [Methodological and methodical problems of prejudices' studying]. *Minskij institut upravleniya: Psichologicheskij zhurnal* [Minsk Institute of Management: Psychological journal]. 2009, no 2. Available at: <http://elibrary.miu.by/journals/item.pj/issue.22/article.1.html> (Accessed 17.05.2014). (In Russian).
7. Smirnova I.V. [Replication of S. Moskovichi's research: methodological challenges, results]. *Vestnik*

- permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, no 4(16), pp. 149–157. (In Russian).
8. Smirnova I.V. [French and Russian image of psychoanalysis]. *Vestnik permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2014, no 4(20), pp. 78–89. (In Russian).
 9. Shabalin E.Y., Burdin M.V., Weinstein S.V. [Translation as an adaptation step of Inventory of attitudes towards seeking mental health services]. *Budushee psihologii-2014: Materialy Vserossijskoj aspirantsko-studencheskoj nauchnoj konferentsii (11 ijunya 2014)* [Future of psychology-2014: Proceedings of All-Russian postgraduates and students scientific conference (11 June 2014)]. Perm, 2014, pp. 38–44. (In Russian).
 10. Yastrebov V.S., Truschelyov S.A. [Social images of psychiatry]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S.S. Korsakova* [S.S. Korsakov Journal of neurology and psychiatry]. 2009, no 6, pp. 65–68. (In Russian).
 11. Ajzen I. Theory of planned behavior // *Encyclopedia of health and behavior* / ed. by N.B. Anderson. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. Vol. 2. P. 793–796.
 12. Anastas J.M.N. Venezuelan and American college students' attitudes toward seeking professional psychological help: gender and ethnic comparisons: Thesis (MA) in Counseling Psychology. Humboldt State University, 2010. URL: <http://hdl.handle.net/2148/649> (Accessed 06.10.13).
 13. Bina R. Attitudes Towards Seeking Mental Health Treatment in the Postpartum Period in Israel: The Role of Religious Affiliation // *The Society for Social Work and Research – 2014. Annual Conference* (January 15–19, 2014, San Antonio, TX). URL: <https://sswr.confex.com/sswr/2014/webprogram/Paper21723.html> (Accessed 17.05.14).
 14. Brislin R.W. Back-Translation for Cross-Cultural Research // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. Vol. 1, no. 3. P. 185–216.
 15. Elliott K.P., Westmacott R., Hunsley J., Rumstein-McKean O., Best M. The Process of Seeking Psychotherapy and Its Impact on Therapy Expectations and Experiences // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cpp.1900/pdf> (Accessed 17.05.14).
 16. Farr R. Attitudes, social representations and social attitudes // *Papers on social representations*. 1994. Vol. 3(1). P. 30–33.
 17. Fishbein M., Ajzen I. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. 578 p.
 18. Fisher E.H., Turner J.L. Orientations to seeking professional help: Development and research utility of an attitude scale // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1970. Vol. 35(1). P. 79–90.
 19. Freiser C. Attitudes, Social Representations and Widespread Beliefs // *Papers on social representations*. 1994. Vol. 3(1). P. 13–25.
 20. Gearing R.E., Townsend L., et al. Strategies to Predict, Measure, and Improve Psychosocial Treatment Adherence // *Harvard Review of Psychiatry*. 2014, Vol. 22, iss. 1. P. 31–45.
 21. Geisinger K.F. Cross-Cultural Normative Assessment: Translation and Adaptation Issues Influencing the Normative Interpretation of Assessment Instruments // *Psychological Assessment*. 1994. Vol. 6, no. 4. P. 304–312.
 22. Levant R.F., Stefanov D.G., et al. Moderated path analysis of the relationships between masculinity and men's attitudes toward seeking psychological help // *Journal of Counseling Psychology*. 2013. Vol. 60(3). P. 392–406.
 23. Lillios E.N. The relationship between attitudes toward seeking professional psychological help, religious orientation, and Greek Orthodox religiosity. Thesis (PhD), University of Iowa, 2010. URL: <http://ir.uiowa.edu/etd/544> (Accessed 17.05.14).
 24. Mackenzie C.S., Knox J.V., Gekoski W.L., Macaulay H.L. An adaptation and extension of the attitudes toward seeking professional psychological help scale // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 34, no. 11. P. 2410–2435.
 25. Mackenzie C.S., Erickson J., Deane F.P., Wright M. Changes in attitudes toward seeking mental health services: A 40-year cross-temporal meta-analysis // *Clinical Psychology Review*. 2014. Vol. 34. P. 99–106.
 26. Reynders A., Kerkhof A.J.F.M., Molenberghs G., Van Audenhove C. Attitudes and stigma in relation to help-seeking intentions for psychological problems in low and high suicide rate regions // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2014. Vol. 49, iss.2. P. 231–239.
 27. de Rosa A.S. Social Representations and Attitudes: Problems of coherence between the theoretical definition and procedure of research // *Papers on Social Representations*, 1993.
 28. Sullivan L., Camic P.M., Brown J.S.L. Masculinity, alexithymia, and fear of intimacy as predictors of UK men's attitudes towards seeking professional psychological help // *British Journal of Health Psychology*. 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/bjhp.12089/pdf> (Accessed 17.05.14).

29. West S.G., Finch J.F. & Curran P.J. Structural equation models with nonnormal variables: Problems and remedies // Structural equation modeling: Concepts, issues, and applications / ed. by R.H. Hoyle. Newbury Park, CA: Sage, 1995. P. 56–75.

30. Williams J. Are Jamaicans really that stigmatizing? A comparison of mental health help-seeking attitudes // West Indian Medical Journal. 2013. Vol. 62, iss. 5. P. 437–442.

The date of the manuscript receipt 16.06.2015

Об авторах

Вайнштейн Сергей Викторович

старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: weinsteinsv@gmail.com

Бурдин Михаил Валерьевич

кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: mburdin@list.ru

Шабалин Евгений Юрьевич

студент специальности «Клиническая психология» философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: zzh.ssh@gmail.com

About the authors

Weinstein Sergey Viktorovich

Senior Lecturer of Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: weinsteinsv@gmail.com

Buridin Mikhail Valer'evich

Ph.D. in Medicine,
Senior Lecturer of Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: mburidin@list.ru

Shabalin Evgeniy Yur'evich

Student of «Clinical Psychology» major,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: zzh.ssh@gmail.com

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вайнштейн С.В., Бурдин М.В., Шабалин Е.Ю. Опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья (IASMHS): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 81–96.

Please cite this article in English as:

Weinstein S.V., Buridin M.V., Shabalin E.Yu. Inventory of attitudes toward seeking mental health services (russian version): a pilot study of psychometric properties // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 81–96.

УДК 159.943

ДИАГНОСТИКА РЕФЛЕКСИВНЫХ УМЕНИЙ НА МЕТАКОГНИТИВНОМ УРОВНЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Савченко Елена Вячеславовна

Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки

Система метакогнитивных умений — важный компонент индивидуальной рефлексивной компетентности, которая регулирует интеллектуальную активность субъекта в процессе решения сложных проблем. Цель исследования — разработать психодиагностическую методику, которая определяет уровень развития метакогнитивных умений субъекта. Предложена методика для диагностики таких рефлексивных умений: 1) формировать и анализировать модель проблемы; 2) контролировать собственное эмоциональное состояние; 3) адекватно оценивать свои интеллектуальные возможности и ограничения; 4) планировать процесс решения проблемы; 5) организовывать процесс решения проблемы, сознательно управлять его ходом; 6) формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные результаты; 7) прогнозировать возможные ошибки и трудности. Используемые процедуры проверки показали достаточно высокую надежность-согласованность и надежность-устойчивость результатов. Проведена проверка критериальной валидности по внешним критериям: возраст, пол и показатель успеваемости обучения в вузе, получены значимые в группах различия по данным критериям. Так, установлено, что с возрастом повышается уровень развития метакогнитивных умений формировать и анализировать модель проблемы, контролировать собственное эмоциональное состояние, формировать ориентиры в процессе поиска решения для сравнения полученных результатов. Исследование позволило уточнить классификацию рефлексивных умений личности путем выделения трех уровней организации рефлексивной компетентности: когнитивного, метакогнитивного и личностного. Система метакогнитивных умений включает те из них, которые обеспечивают сознательный контроль над интеллектуальной активностью субъекта.

Ключевые слова: рефлексия; рефлексивный опыт; рефлексивная компетентность; рефлексивные умения; метакогниция; метакогнитивные умения.

DIAGNOSTICS OF THE REFLEXIVE SKILLS AT THE METACOGNITIVE LEVEL OF THE REFLEXIVE COMPETENCE

Elena V. Savchenko

Lesya Ukrainka Eastern European National University

A system of the metacognitive skills is an important component of the individual reflective competence, which controls the subject's intellectual activity in the process of complicated problems solving. The purpose of this research is to develop psychodiagnostic method, which determines the level of development of the subject's metacognitive skills. We have proposed a method for the diagnostics of these reflective skills: 1) to form and analyze a model of the problem; 2) to control one's own emotional state; 3) to assess adequately one's own intellectual skills and limits; 4) to plan the process of problem solving; 5) to organize the process of problem solving while consciously controlling its course; 6) to form oriented points in the search process of the solutions; 7) to predict possible mistakes and difficulties. Used verification procedures showed high reliability of this method on indicators of the reliability-consistency and reliability-sustainability. We tested the criterion validity on following external criteria (age, gender and learning achievement in high school), and obtained the significant differences in the groups, which vary according to these criteria. For example, we found out that with the age the level of development of metacognitive skills (forming and analyzing a model of the problem, controlling an emotional state, forming reference points in the search process to compare the results) increases.

Thus, this research allowed us to specify the classification of reflective skills marking out three levels of organization of the reflective competence: cognitive, metacognitive and personal. The system of metacognitive skills includes skills that provide the conscious control above the subject's intellectual activity.

Key words: reflection; reflective experience; reflective competence; metacognitive skills; metacognition; reflective skills.

Постановка проблемы. Рефлексивная компетентность — многоуровневый структурный компонент рефлексивного опыта, который формируется и развивается в ходе рефлексивной активности субъекта, включает информационные, инструментальные, ценностно-мотивационные и поведенческие компоненты. Их согласованная работа обеспечивает решение актуальных рефлексивных задач и дальнейшее развитие опыта как динамической системы. Рефлексивный опыт — открытая динамическая система, которая обеспечивает решение поставленной субъектом рефлексивной задачи за счет использования имеющихся внутренних ресурсов и специфических для данной активности психических образований. В зависимости от уровня сложности рефлексивной задачи субъект может задействовать структуры различного уровня сложности. Структура рефлексивной компетентности соответствует уровневой организации рефлексивного опыта. Мы выделяем когнитивный, метакогнитивный и личностный уровни. Рефлексивную компетентность на метакогнитивном уровне можно рассматривать как систему образований рефлексивного опыта, формирующихся и развивающихся в процессе решения рефлексивных задач, направленных на анализ и регуляцию собственной поисковой активности субъекта в процессе решения проблемы, на саморегуляцию своей рефлексивной активности, на уточнение модели проблемной ситуации.

Систему метакогнитивных умений, направленных на регуляцию интеллектуальной активности субъекта, мы рассматриваем как инструментальный компонент рефлексивной компетентности на метакогнитивном уровне. Н.Л. Росина определила рефлексивные умения как приемы, с одной стороны, обеспечивающие успешное осознание деятельности, которую выполняет субъект, а с другой стороны, являющиеся средствами регуляции деятельности. Исследователь включает в состав рефлексивных умений такие приемы: умение выявлять индивидуальные особенности собственной деятельности, анализировать ее результаты и собственные действия, сравнивать несколько средств учебной работы, проводить самоконтроль и самооценку своей деятельности [5].

И.В. Муштавинская рассматривает метакогнитивные умения как важное условие формирования рефлексивных способностей, развитие которых позволяет субъекту «осознавать и управлять собственной познавательной деятельностью» [3, с. 146]. Автором были выделены следующие умения: диагностировать то, что известно и неизвестно, определять учебную задачу и продумывать программу ее осуществления, находить средства реализации намеченных планов, регулировать процесс своего обучения и контролировать успешность собственных действий, анализировать полученные результаты, соотнося их с определенными целями, определять направления дальнейшего саморазвития [3].

Среди метакогнитивных умений исследователи часто выделяют умение оценивать свои знания по критерию их наличия, а именно: «осознавать и оценивать свои мысли и действия как бы со стороны, соотносить результат деятельности с поставленной целью, определять свои знания и незнание и др.» [2, с. 397].

Наиболее развернутая система рефлексивных умений была сформирована в работах, выполненных под руководством Д. Хакера и Х. Хартмана. Исследователи определили те навыки, которые формируются благодаря применению в учебном процессе программы «Рефлексивный ассистент». Были выделены следующие умения: формирование суждений о собственном уровне и полноте понимания задачи (ее условий и требований), осознание собственных интеллектуальных возможностей и ограничений, оформление соответствия между новыми условиями и прошлым опытом, между характеристиками актуальной задачи и теми задачами, которые были эффективно решены в прошлом; выявление новых способов решения проблемы за счет переструктурирования системы знаний и опыта субъекта, четкое определение цели своей деятельности, планирование собственной активности и своевременное внесение коррективов, умение при этом предвидеть ход развития событий в разрешении сложной проблемной ситуации, осознанный подход к выбору и применению стратегий решения проблемных ситуаций, соотнесение промежуточных результатов с образом желаемого результата, с планом действий, формирование оценки эффективности деятельности, субъектив-

ных суждений относительно собственной успешности и ценности полученного опыта [6, 7].

На основе рассмотренных концепций мы предложили свою классификацию рефлексивных умений, которые необходимы для эффективной регуляции рефлексивной активности на метакогнитивном уровне функционирования рефлексивного опыта. Эти умения соответствуют рефлексивным действиям субъекта в процессе разрешения проблемы, к ним относятся: создавать модель «процесса решения проблемной ситуации»; проводить оценку собственных рефлексивных действий; формировать образ ожидаемого результата рефлексии; планировать различные формы рефлексивной активности; осуществлять контроль эмоциональных состояний; организовывать произвольное управление внутренней активностью; проводить мониторинг рефлексивной активности.

Цель работы — разработать психодиагностический инструментарий, с помощью которого можно определять уровень развития рефлексивных умений метакогнитивного уровня рефлексивной компетентности.

На основе приведенной выше классификации мы разработали методику «Рефлексивные умения (метакогнитивный уровень)», окончательный ее вариант состоит из 38 пар утверждений, которые оцениваются испытуемыми по семибалльной шкале на степень согласия (по типу шкалы Лайкерта). Пары подбирались с учетом их социальной привлекательности, в каждой паре один из полюсов представлен утверждением, которое описывает рефлексивное умение.

Предложенная методика прошла проверку на уровень дискриминативности отдельных вопросов, на степень надежности-согласованности утверждений по каждой шкале, на уровень надежности-устойчивости результатов к параметру времени (по процедуре ретестирования), уточнились конструктивная и критериальная валидности. В исследовании приняли участие 450 испытуемых юношеского возраста (от 15 до 25 лет), выборка формировалась методом репрезентативного моделирования. В состав выборки вошли школьники старших классов — 77 человек (17,1 %); учащиеся профессионального лица — 35 человек (7,8 %); студенты Херсонского государственного университета — 228 человек (50,7 %); лица с высшим образованием — 76 человек (16,9 %); лица со средним образованием — 34 человека (7,6 %).

Процедура факторного анализа (STATISYICA 10.0) позволила нам проверить выдвинутую модель рефлексивных умений, уточнить содержание

и состав каждой шкалы. В результате мы получили 7 относительно независимых шкал оценки рефлексивных умений. Относительно каждой шкалы был рассчитан показатель внутренней согласованности утверждений, входящих в ее состав (альфа Кронбаха), показатель ретестовой надежности результатов, который определялся посредством процедуры корреляции результатов первичного и вторичного тестирования (91 особа, с интервалом в 2 месяца). Результаты по всем шкалам представлены в табл. 1.

Все показатели по коэффициенту Кронбаха имеют достаточный уровень или близкий к нему (первая шкала). Большинство показателей по ретесту имеют уровень значимости, превышающий $\alpha \geq 0,99$. Исключения составляют шкалы 1 и 3, показатели по которым значимы на уровне $\alpha \geq 0,95$. Эти данные свидетельствуют о достаточно высокой надежности методики по показателям надежности-согласованности и надежности-устойчивости результатов.

Рассмотрим состав каждой шкалы отдельно. Для уточнения конструктивной валидности шкал мы использовали данные по стандартизированным методикам, которые изучают рефлексивные свойства и способности личности. В состав комплекса психодиагностических методик вошли следующие шкалы и опросники: «Методика определения уровня рефлексивности» А.В. Карпова, В.В. Пономаревой; «Методика уровня выраженности и направленности рефлексии» М. Гранта; «Шкала самооценки метакогнитивного поведения» ЛаКоста; опросник «Стиль мышления» Р. Брэмсона, А. Харрисона в адаптации А.А. Алексева; «Шкала толерантности к неопределенности» МакЛейна в модификации Е.Н. Осина; опросник «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; «Тест уверенности в себе» В.Г. Ромека; «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема. Использовалась процедура корреляционного анализа результатов, учитывались значения, которые превышали критические значения коэффициентов корреляции ($r = 0,21$; $\alpha \geq 0,95$; $r = 0,27$; $\alpha \geq 0,99$; $r = 0,34$; $\alpha \geq 0,999$). На этапе проверки конструктивной валидности были задействованы 90 студентов.

В табл. 2 представлены полюса тех утверждений, которые вошли в состав первой шкалы опросника, с указанием их нагрузок по данному фактору. Поскольку факторный анализ проводился на результатах всей выборки (450 чел.), то все значения нагрузок значимы на уровне $\alpha \geq 0,95$ и выше.

Таблица 1. Показатели надежности по шкалам методики «Рефлексивные умения (метакогнитивный уровень)»

№	Шкала, определяющая уровень развития рефлексивного умения	Коэффициент Кронбаха	Коэффициент по ретесту
1	Умение концентрировать внимание на проблеме, формировать и анализировать модель проблемы	0,69	0,27
2	Умение контролировать собственное эмоциональное состояние	0,72	0,3
3	Умение адекватно оценивать свои интеллектуальные способности, возможности и ограничения	0,7	0,22
4	Умение планировать процесс решения проблемы, реализовывать план и стратегию в действиях	0,73	0,56
5	Умение организовывать процесс решения проблемы, сознательно управлять его ходом	0,71	0,37
6	Умение формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные результаты	0,73	0,37
7	Умение прогнозировать возможные ошибки и трудности, анализировать собственные возможности	0,7	0,46
	Общий уровень развития рефлексивных умений метакогнитивного уровня	0,74	0,6

Таблица 2. Умения концентрировать внимание на проблеме, формировать и анализировать модель проблемы

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
1	В решении сложной проблемы мне помогает моя способность представлять проблему в виде схемы, относить ее к определенному типу задач и др.	0,56
2	Сталкиваясь с неудачей, я пытаюсь понять ее причины	0,22
3	Я увереннее ощущаю себя, когда основную задачу разбиваю на несколько промежуточных, решение которых приближает меня к цели	0,45
6	Пока поставленная мной задача не достигнута (не найден способ решения проблемы), я игнорирую все другие свои желания, не берусь за новые задания	0,54
7	Изучая новый материал, я устраиваю себе по завершению мини-опрос, моделируя возможные вопросы учителя	0,44

Уровень развития умений по первой шкале отображает степень овладения субъектом приемами и способами работы с информацией: анализ условий проблемы, формирование модели проблемной ситуации, осознание причин возникновения трудностей в решении, выделение подзадач, с помощью которых можно детализировать и конкретизировать созданную модель проблемы. Чем выше уровень развития данных умений, тем выше уровень контроля действий при планировании по методике Ю. Куля ($r = 0,44$; $\alpha \geq 0,999$), выше степень развития рефлексивности как личностной черты ($r = 0,21$; $\alpha \geq 0,95$) и рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми ($r = 0,3$;

$\alpha \geq 0,99$), диагностируемые по методике А.В. Карпова, В.В. Пономаревой. Таким образом, умение концентрировать внимание на проблеме, формировать и анализировать модель проблемы — это умение, которое зависит от общей способности субъекта к анализу своей деятельности, к определению причин и следствий своей активности, что является важным основанием для дальнейшего планирования собственных действий. Наличие взаимосвязи данного показателя с уровнем развития рефлексии общения и взаимодействия свидетельствует, что при формировании модели проблемы субъект будет учитывать не только собственные особенности, но и более широкий кон-

текст, а именно: особенности других участников ситуации, обстановку, возможные способы взаимодействия сторон.

В табл. 3 мы приводим состав второй шкалы опросника, которая отражает уровень развития у субъекта умений регулировать и контролировать свои эмоциональные состояния.

Таблица 3. Умения контролировать собственное эмоциональное состояние

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
5	Я использую свои эмоциональные переживания для решения проблемы	0,60
13	Я владею навыками регуляции своих эмоциональных переживаний, могу привести себя в оптимальное состояние	0,44
26	Я умею создавать у себя рабочий настрой и регулировать свое самочувствие	0,50
29	Я использую определенные приемы (успокоение, самовнушение и др.) для того, чтобы нормализовать свое состояние после неудачи	0,62
36	Неудачные попытки решить проблему стимулируют меня еще больше сконцентрировать внимание на процессе обдумывания	0,24

Показатель уровня развития данного типа умений получил наибольшее число значимых корреляционных связей с показателями других методик. Чем выше уровень умений субъекта контролировать свои эмоции, тем выше уровень контроля при планировании действий ($r = 0,33$; $\alpha \geq 0,99$) и их реализации ($r = 0,27$; $\alpha \geq 0,99$), тем выше уровень общей толерантности к неопределенности ($r = 0,32$; $\alpha \geq 0,99$), выше готовность справляться со сложными ($r = 0,34$; $\alpha \geq 0,99$) и неопределенными ситуациями ($r = 0,25$; $\alpha \geq 0,95$). Испытуемые с развитыми умениями контролировать эмоции более адекватно осознают и принимают сложности и непредсказуемый характер окружающего мира, готовы изменять свои стратегии и программы действий в зависимости от изменяющихся обстоятельств, в большей степени ощущают себя авторами своей жизни, эффективно осуществляют произвольную регуляцию своих действий. Ощущение эффективности контроля повышает их общую самоэффективность ($r = 0,33$; $\alpha \geq 0,99$), уверенность в себе ($r = 0,46$; $\alpha \geq 0,999$) и социальную смелость ($r = 0,4$; $\alpha \geq 0,999$). Субъекты, умеющие контролировать эмоции, верят в свою способность справляться с трудностями, ожидают позитивные результаты от затраченных ими усилий, способны принимать быстрые и эффективные решения в сложных ситуациях, позитивно оценивая свои способности и возможности. У данного типа испытуемых выражена склонность мышления к реалистическому ($r = 0,38$; $\alpha \geq 0,999$) и прагматическому

($r = 0,26$; $\alpha \geq 0,95$) стилям, не выражены черты аналитического ($r = -0,29$; $\alpha \geq 0,99$) и идеалистического ($r = -0,36$; $\alpha \geq 0,999$) характера решения проблем. Прогнозирование возможных ошибок и стремление не допустить их, ориентация на факты и изменяющуюся обстановку, готовность гибко адаптироваться к условиям, изменяя программы своего поведения, — сильные стороны людей, умеющих контролировать свои эмоции. Игнорирование определенных сторон проблемы, формирование недостаточно детализированных планов действий и выбор не всегда оптимальных стратегий поведения, которые могут заострить противоречия и конфликтные отношения с другими, — наиболее слабые стороны людей с высоким контролем эмоций.

Таким образом, умение контролировать собственные эмоциональные состояния предполагает сформированные приемы оптимизации своего состояния, регулирования самочувствия после серии неудач, стимулирования своей активности, которые формируют у субъекта ощущение контроля над событиями, готовность разрешать неопределенность и противоречия, уверенность в своих способностях справляться со сложными ситуациями.

В табл. 4 представлены утверждения, входящие в состав третьей шкалы опросника, которая отражает уровень осознания субъектом своих интеллектуальных способностей.

Таблица 4. Умения адекватно оценивать свои интеллектуальные способности, возможности и ограничения

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
8	При планировании своей умственной активности я стараюсь учесть возможные трудности, неожиданные обстоятельства	0,55
9	Обдумывая способ решения проблемы, я учитываю свое физическое и психическое самочувствие, свое желание действовать	0,56
14	Мне легче справиться с проблемой, если я усиливаю ее значимость и важность для меня, тогда это становится вопросом проверки своих сил	0,40
20	Приступая к анализу проблемы, я прикидываю, сколько может уйти времени на весь процесс и на его отдельные этапы	0,44
21	Размышляя над проблемой, я могу замедлять некоторые мысли, а некоторые, наоборот, анализировать в ускоренном режиме в зависимости от их ценности	0,42
25	Формируя представление о проблеме, я определяю «зоны риска», те моменты, где наиболее возможны трудности и ошибки	0,51

Входящие в состав данной шкалы утверждения отражают способность субъекта рационально подойти к анализу своих возможностей справиться с проблемой, которая включает приемы анализа актуальных и потенциальных ресурсов, оценку своего психического и физического состояния, а также уровня значимости проблемы. Кроме того, данная группа умений включает приемы прогнозирования возможных трудностей в процессе решения проблемы, выделение наиболее слабых компонентов в модели проблемной ситуации. Взаимосвязь показателя уровня развития данных умений с показателями степени сформированности синтетического ($r = 0,37$; $\alpha \geq 0,999$) и прагматического ($r = 0,37$; $\alpha \geq 0,999$) стилей мышления доказывает способность субъектов интегрировать рациональный подход к решению проблемы (мысленное экспериментирование, стремление создать широкую, обобщенную модель ситуации) с готовностью приспособлять свое поведение под изменяющиеся внешние и внутренние условия. Это обеспечивает быстрое получение конкретного результата и практической выгоды за счет высокой гибкости и адаптивности психических структур. При этом возможно снижение логичности и тщательности проверки гипотез, игнорирование определенных аспектов ситуации, поскольку у испытуемых с высоким уровнем развития умений к адекватному оцениванию своих способностей выявляется низкий уровень аналитического стиля мышления ($r = -0,29$; $\alpha \geq 0,99$). Действительно, данный тип испытуемых ориентирован в большей мере не на формирование подробной модели ситуации, а на повышение своей готовности выявлять и справляться с трудностями, что подтверждают значимые кор-

реляционные связи с показателями уровня общей толерантности к неопределенности ($r = 0,3$; $\alpha \geq 0,99$), уровня толерантности к новым ($r = 0,39$; $\alpha \geq 0,999$) и неопределенным ситуациям ($r = 0,25$; $\alpha \geq 0,95$) по шкале МакЛейна.

Полюса основных утверждений, отражающие рефлексивные умения субъекта планировать свою активность и реализовывать на практике планы и стратегии, представлены в табл. 5.

Хочется отметить, что эта шкала объединила два первоначально отдельных аспекта рефлексивных умений: планирование действий и организацию сознательного контроля над процессом реализации плана. Названные умения включают сформированные приемы по планированию различных форм личной активности, осознанному выбору стратегии поведения, рефлексивной регуляции процесса реализации активности в действиях, фиксированию достигнутых результатов. Поскольку в состав шкалы вошли утверждения, связанные с организацией внутреннего диалога в процессе решения проблемы, который выполняет функцию регуляции активности субъекта, то неудивительно, что мы получили значимые корреляционные связи показателя развития умений планировать процесс решения проблемы с общим уровнем развития рефлексивности как личностной черты ($r = 0,22$; $\alpha \geq 0,95$), с уровнем развития способностей к ситуативной ($r = 0,22$; $\alpha \geq 0,95$) и перспективной ($r = 0,25$; $\alpha \geq 0,95$) рефлексии по методике А.В. Карпова, В.В. Пономаревой. Испытуемые, умеющие планировать свою внутреннюю активность, затрачивают достаточно много времени на обдумывание текущей деятельности, на анализ альтернатив в процессе принятия решения, на тща-

тельное продумывание возможных вариантов развития событий и наиболее вероятных перспектив собственного развития. Они проявляют склонность к самоанализу своих действий в конкретных жизненных ситуациях, возможностей и ограничений своих ресурсов. Кроме того, у данных субъектов наблюдается высокий уровень выраженности социорефлексии, умения посмотреть на себя с позиции внешнего наблюдателя («глазами других людей»), отстраненно оценить свои действия, мысли и чувства ($r = 0,31; \alpha \geq 0,99$).

Наличие умений реализовывать сформированные планы и стратегии на практике, которые входят в данную группу, объясняет полученные взаимосвязи уровня развития умений с уровнем уверенности в себе ($r = 0,33; \alpha \geq 0,95$), с высокой толерантностью к новым ситуациям ($r = 0,27; \alpha \geq 0,95$)

и пониженной способностью справляться со сложными обстоятельствами ($r = -0,3; \alpha \geq 0,99$). Возможно, ориентация субъекта именно на активное воплощение в действиях своей активности, на выбор адекватных способов решения проблемы повышает тревогу, беспокойство и растерянность субъекта в сложных ситуациях, разрешить которые не получается с первой попытки. Новизна менее тревожит субъекта, поскольку не было опыта неудач; уверенность в своих возможностях активизирует интеллектуальные умения анализировать и планировать свою активность.

В табл. 6 отражен состав пятой шкалы, которая измеряет уровень развития умений управлять процессом решения проблемы.

Таблица 5. Умения планировать процесс решения проблемы, реализовывать план и стратегию в действиях

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
4	Начиная размышлять над проблемой, я «прикидываю» примерный порядок анализа, заранее продумываю способ достижения цели	0,42
11	С каждым шагом решения проблемы я осознаю, как он приближает меня к главной цели	0,33
12	Я стараюсь следовать плану, даже если он едва обозначен и очень приблизителен	0,60
15	В процессе решения сложной проблемы я часто общаюсь с самим собой (задаю вопросы, ищу на них ответы)	0,22
22	В процессе работы над сложной проблемой я делаю остановки и проговариваю то, что я уже сделал, и то, что еще предстоит сделать	0,45
30	При обдумывании проблемы я осознанно выбираю стратегию, а если она не приносит результат, перехожу к другой	0,33

Таблица 6. Умения организовывать процесс решения проблемы, сознательно управлять его ходом

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
16	Я уверен, что для решения сложной проблемы может понадобиться несколько планов, как минимум план А и Б	0,35
24	Удерживание себя в определенных временных рамках дисциплинирует, помогает решать проблемы	0,56
28	После нахождения решения сложной проблемы я провожу анализ своих мыслей и рассуждений, чтобы избежать ошибок в будущем, сделать выводы	0,67
33	Я четко понимаю, что мне нужно изменить в своем состоянии для того, чтобы процесс анализа проблемы был более успешным	0,65
35	Приступая к решению проблемы, я обдумываю знания и умения, которые мне понадобятся	0,68

Данная шкала имеет наибольшее число корреляционных связей с показателями «Методики определения уровня рефлексивности» А.В. Кар-

пова, В.В. Пономаревой. Чем выше уровень развития умений организовывать процесс решения проблемы, тем выше у испытуемых уровень раз-

вития рефлексивности как личностной черты ($r = 0,28$; $\alpha \geq 0,99$), способности к ретроспективной ($r = 0,21$; $\alpha \geq 0,95$) и перспективной ($r = 0,24$; $\alpha \geq 0,95$) рефлексии, способности к рефлексии общения и взаимодействия с другими ($r = 0,24$; $\alpha \geq 0,95$). Испытуемые, для которых важно детально продумывать свою будущую деятельность, определять знания и умения, необходимые для решения проблемы, которые прилагают усилия, чтобы не нарушать временные ограничения, определяемые ими, детально анализирующие процесс решения проблемы, имеют более высокий уровень развития рефлексивных способностей. Такие испытуемые склонны анализировать и уже завершенные формы активности, и планируемые в будущем формы поведения. Высокий уровень рефлексии, согласно подходу А.В. Карпова, может оказывать негативное влияние на процесс принятия решения: «...“выигрывая” в степени разнообразия репертуара способов и стратегий, высокорефлексивные индивиды часто “проигрывают” в мере реалистичности и реализуемости этих способов...» [1, с. 161]. Неудивительно, что мы получили отрицательную корреляционную связь уровня развития

умений в организации процесса решения проблемы с показателем уровня самоэффективности личности ($r = -0,24$; $\alpha \geq 0,95$). Чем более человек продумывает формы своей активности, анализирует различные аспекты ее эффективности, отслеживает особенности реализации этой активности, тем более он испытывает беспокойство и тревогу относительно своих способностей достигать значимые цели и удовлетворять потребности. Использование умений, направленных на анализ различных вариантов развития событий, на анализ необходимых действий, может сопровождаться, по мнению В.Г. Ромека, «недостаточно ясными формулировками намерений; неполными планами действий; негативной оценкой результатов действий, приводящих к возникновению “дефектных” и “дефицитных” стереотипов поведения» [4, с. 225].

В табл. 7 представлены утверждения, которые образовали шестую шкалу методики. Данная группа умений включает приемы конкретизации цели активности, соотнесения полученных результатов с образом желаемого результата, перепроверки собственных действий.

Таблица 7. Умение формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные результаты

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
18	Я замечаю свои промахи и ошибки в процессе анализа проблемы, стараюсь сразу внести коррективы	0,37
19	Я трачу время на то, что бы уточнить, какой именно результат хочу получить в ходе обдумывания	0,55
27	Я соотношу результат умственных рассуждений с тем, что хотел получить изначально	0,58
31	Я увереннее себя чувствую, когда перепроверяю свои действия на каждом этапе решения проблемы	0,63
34	Основным ориентиром анализа для меня является четко поставленная цель, с которой я соотношу результаты решения промежуточных задач	0,68
37	Я легко могу назвать стратегии, которые я использовал в процессе решения проблемы и объяснить причины их выбора	0,66

Чем выше у испытуемых развиты умения формировать ориентиры в процессе поиска решения и соотносить с ними полученные результаты, тем более развит у них когнитивный аспект уверенности в себе ($r = 0,32$; $\alpha \geq 0,99$), выше уровень сформированности метакогнитивных способностей ($r = 0,26$; $\alpha \geq 0,95$), диагностируемых по шкале ЛаКоста. Такие субъекты позитивно оценивают свои шансы справиться с проблемой, высоко оценивают свои способности контролиро-

вать действия и принимать важные решения в сложных ситуациях; хорошо осведомлены о тех стратегиях решения проблемы, которые позволяют им эффективно разрешать трудности. Четкое формирование цели как образа ожидаемого результата, который является ориентиром для дальнейших действий субъекта, позволяет быстро снимать неопределенность с ситуации и переходить к поиску и проверке решения. Испытуемые с высоким уровнем развития данных умений не

проявляют склонность к построению широких, обобщенных моделей ситуации, в которых интегрируются различные, часто противоречащие друг другу позиции, что характерно для лиц с высоким уровнем выраженности синтетического стиля мышления ($r = -0,32$; $\alpha \geq 0,99$).

Утверждения по последней шкале приведены в табл. 8. Они отображают уровень сформированности умения прогнозировать свои ошибки и не-

удачи, анализировать свои возможности справиться с проблемой. Данная группа умений включает приемы умственного исследования модели проблемы, оценки собственных ресурсов, прогнозирования возможных ошибок и трудностей, анализа завершенных форм активности и перепроверки использованных способов решения.

Таблица 8. Умения прогнозировать возможные ошибки и трудности, анализировать собственные возможности

№	Полюс шкалы в составе данного фактора	Факторная нагрузка
10	Анализируя проблему, я оцениваю, достаточно ли у меня способностей и умений, чтобы справиться с ней	0,22
17	Анализируя проблему, я изменяю один элемент ситуации и анализирую последствия	0,31
23	Разрешая проблему, я сразу предполагаю, где могу допустить ошибки, и усиливаю самоконтроль	0,45
32	Я трачу много времени на прокручивание различных вариантов решения проблемы, действуя по формуле: «предположим, что..., тогда...»	0,60
38	После разрешения проблемы я еще долго мысленно к ней возвращаюсь, анализирую предпринятые действия и полученные результаты	0,65

Испытуемые, имеющие высокий уровень развития этих умений, отличаются высоким уровнем сформированности метакогнитивных способностей ($r = 0,39$; $\alpha \geq 0,999$) и высоким уровнем саморефлексии ($r = 0,39$; $\alpha \geq 0,999$). Они хорошо осведомлены о своем поведенческом репертуаре, знают те стратегии решения проблем, которые обеспечивают достижение позитивного результата, осознанно используют рефлексивные приемы и тактики для углубления в собственный внутренний мир с целью анализа и оценки своего опыта. Знание стратегий как важного компонента индивидуального опыта помогает субъектам находить решения в новых для них ситуациях, справляясь с переживаниями беспокойства и формируя оптимистические ожидания результатов своих действий. Была получена значимая корреляционная связь показателя развития данных умений с уровнем толерантности к новым ситуациям ($r = 0,26$; $\alpha \geq 0,95$). При этом неудачи могут легко дезориентировать таких субъектов, способствовать формированию ощущения внутренней несвободы, ограниченной способности произвольно индуцировать, прекращать, изменять свои действия, что становится причиной появления персевераций и руминаций. Мы получили отрицательную взаимосвязь уровня развития умений прогнозировать ошибки, трудности и уровня

контроля действий при неудаче ($r = -0,29$; $\alpha \geq 0,99$). Кроме того, высокий уровень развития этих способностей негативно сказывается на уровне социальной смелости субъектов, их способности позитивно оценивать свои шансы на успех в процессе обдумывания альтернатив и выбора способа действия ($r = -0,25$; $\alpha \geq 0,95$). Чем дольше над возможными сложностями раздумывает субъект, тем меньше он уверен в позитивном результате своих действий, тем выше вероятность появления «зацикливаний» на своих ошибках и недостатках. Мышление таких испытуемых характеризуется предрасположенностью к синтетическому стилю ($r = 0,23$; $\alpha \geq 0,95$) и отсутствием ориентации на достижение определенного результата, характерной для реалистического стиля ($r = -0,40$; $\alpha \geq 0,999$). Таким образом, мышление субъектов с высоким уровнем развития способностей к прогнозированию неудач направлено на формирование целостной, обобщенной модели проблемной ситуации, на рассмотрение различных вариантов развития событий, различных возможностей разрешения внутренних противоречий, что существенно отвлекает их от реализации на практике определенного варианта, направленного на достижение поставленной цели.

Неудивительно, что испытуемые, ориентированные на тщательный анализ возможных вари-

антов собственной активности, имеют высокий уровень развития рефлексивности, комплексной черты личности ($r = 0,24$; $\alpha \geq 0,95$) и способности к перспективной рефлексии, направленной на анализ предстоящей деятельности, планирование своих действий, прогнозирование их вероятных исходов ($r = 0,22$; $\alpha \geq 0,95$).

Показатель общего уровня развития рефлексивных умений метакогнитивного уровня, полученный в результате суммирования баллов по всем вопросам опросника, имеет позитивные корреляционные связи с показателями уровня общей рефлексивности ($r = 0,27$; $\alpha \geq 0,99$), способности к ситуативной ($r = 0,22$; $\alpha \geq 0,95$) и перспективной ($r = 0,24$; $\alpha \geq 0,95$) рефлексии, способности к рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми ($r = 0,28$; $\alpha \geq 0,99$), уровня сформированности метакогнитивных стратегий ($r = 0,36$; $\alpha \geq 0,99$), толерантности к новым ситуациям ($r = 0,37$; $\alpha \geq 0,999$), уверенности в себе ($r = 0,34$; $\alpha \geq 0,99$) и склонности к прагматическому стилю мышления ($r = 0,23$; $\alpha \geq 0,95$). Полученные данные показывают, что данная методика диагностирует именно рефлексивный аспект активности субъекта, который проявляется в его умениях контролировать и регулировать собственную интеллектуальную активность, направляя ее на получение конкретного результата. Установка на анализ различных форм собственной активности, использование ранее полученного опыта и позитивная оценка своих возможностей справляться с проблемами способствуют высокому уровню развития данной группы умений субъекта.

Для проверки критериальной валидности мы использовали несколько внешних критериев, а именно: возраст, пол и показатель успеваемости обучения в вузе.

Для определения влияния возрастных особенностей мы сформировали 2 группы испытуемых по 60 человек. В состав первой группы вошли люди, возраст которых был от 30 до 35 лет, а в состав второй группы методом рандомизации отобрали испытуемых из основной выборки, возраст которых был от 17 до 22 лет. Для сравнения результатов использовался t-критерий Стьюдента для независимых измерений. В результате сравнения мы получили четыре значимых различия. С возрастом увеличивается уровень развития рефлексивных умений концентрировать внимание на проблеме, формировать и анализировать модель проблемы ($t = 1,98$; $\alpha \geq 0,95$), контролировать собственное эмоциональное состояние ($t = 1,99$; $\alpha \geq 0,95$), формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные ре-

зультаты ($t = 2,13$; $\alpha \geq 0,95$). Развитие этих умений мы связываем с развитием когнитивных и регулятивных ресурсов личности, которое продолжается в юношеском возрасте. В большей мере данные умения связаны именно с развитием метакогнитивных ресурсов личности (процессов моделирования, оценивания, проведения мониторинга интеллектуальной активности). Возрастает и общий уровень рефлексивных умений на метакогнитивном уровне рефлексивной компетентности личности ($t = 2,1$; $\alpha \geq 0,95$). Это доказывает, что юношеский возраст является сензитивным периодом не только развития личностных форм рефлексии, но и регулятивных аспектов рефлексивной активности.

Влияние половых особенностей на уровень сформированности рефлексивных умений определялось путем сопоставления результатов мужчин (182 чел.) и женщин (182 особы, случайным образом отобранные из выборки). Процедура сравнения с использованием критерия Стьюдента позволила выявить два значимых различия. У мужской части выборки более высокие значения по показателям уровня развития умений контролировать собственное эмоциональное состояние ($t = 2,22$; $\alpha \geq 0,95$) и формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные результаты ($t = 2,14$; $\alpha \geq 0,95$). У мужчин в юношеском возрасте более сформированы умения оценивать свою рефлексивную активность и вести мониторинг текущей деятельности, что свидетельствует о наличии сформированной системы критериев оценивания и отработанных приемов осуществления оценивания в процессе самой активности. Условием для таких интеллектуальных действий является высокий уровень развития умений контролировать свое эмоциональное состояние, обеспечивая оптимальные условия для интеллектуальной активности.

Поскольку рефлексивность и рефлексивные способности — это профессионально значимые качества психологов, мы предположили, что показатель успеваемости студентов, обучающихся специальности «Психология», можно рассматривать как внешний критерий валидности методики «Рефлексивные умения (метакогнитивный уровень)». Были собраны результаты 91 студента данной специальности, из числа которых сформированы 2 группы студентов: с высоким средним баллом (выше 4 по пятибалльной шкале оценивания) и с низким рейтингом учебных достижений (ниже 3,5 баллов).

Студенты, имеющие более высокие оценки, имеют и более высокий уровень развития умений

концентрировать внимание на проблеме, формировать и анализировать модель проблемы ($t = 2,69$; $\alpha \geq 0,99$), планировать процесс ее решения, реализовывать план и стратегию в действиях ($t = 2,05$; $\alpha \geq 0,95$), формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные результаты ($t = 2,42$; $\alpha \geq 0,95$). Как следствие, они имеют и более высокий общий уровень рефлексивных умений метакогнитивного уровня рефлексивной компетентности ($t = 2,42$; $\alpha \geq 0,95$). Таким образом, умения формировать адекватную модель проблемы, выделять ориентиры поиска решения и планировать различные формы собственной активности можно рассматривать как факторы высокой успеваемости в процессе обучения.

Выводы. Методика «Рефлексивные умения (метакогнитивный уровень)», прошедшая проверку на надежность и валидность изучения рефлексивных умений, предназначена для определения уровня развития следующих умений:

1) концентрировать внимание на проблеме, формировать и анализировать модель проблемы (определять наиболее важные компоненты процесса решения проблемы, на основании которых формировать модель проблемы; выделять промежуточные задачи, необходимые для достижения цели; осознавать причины возникновения осложнений в рефлексивных действиях; организовывать обратную связь в форме самоопроса, само тестирования);

2) контролировать собственное эмоциональное состояние (оптимизировать актуальное состояние за счет актуализации эмоций, благоприятных для интеллектуальной деятельности; стимулировать активность за счет усиления мотивации достижения цели; контролировать уровень уверенности при неудачах);

3) адекватно оценивать свои интеллектуальные способности, возможности и ограничения (тормозить, приостанавливать рефлексивную активность при необходимости; проводить самооценку собственных рефлексивных способностей, свойств и ресурсов; усилить целевую интенцию за счет повышения ее значимости; прогнозировать возможные непредвиденные обстоятельства, трудности);

4) планировать процесс решения проблемы, реализовывать план и стратегию в действиях (формировать план решения проблемы, устанавливать последовательность действий; осознанно выбирать стратегию решения, приспособлять ее под актуальные условия; осуществлять самоотчет

о выполненных действиях, суммировать достигнутые результаты);

5) организовывать процесс решения проблемы, сознательно управлять его ходом (проводить детальный анализ возможных вариантов разрешения проблемы, осознавать возможные способы мобилизации ресурсов, улучшения собственного состояния; регламентировать время, необходимое для решения проблемы; делать выводы на будущее для повышения эффективности рефлексивной активности);

6) формировать ориентиры в процессе поиска решения, соотносить с ними полученные результаты (четко представлять общую цель рефлексивной активности, осознавать ее; соотносить промежуточные и конечные результаты с моделью ожидаемого результата; осуществлять произвольный контроль выполнения тех действий, где наиболее вероятны ошибки; организовывать процедуру проверки полученных результатов);

7) прогнозировать возможные ошибки и трудности, анализировать собственные возможности (умственно экспериментировать с моделью проблемы, анализируя различные варианты развития событий по типу «предположим, что ..., то ...»; определять действия, которые требуют наибольшего внимания от субъекта, которые могут привести к ошибкам; прогнозировать усилия, необходимые для различных форм рефлексивной активности; перепроверять действия в уме после достижения результатов).

Список литературы

1. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004. 424 с.
2. Левагина О.Б. Формирование рефлексии в учебном процессе: поведенческий аспект // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 394–397.
3. Муштавинская И.В. Использование рефлексивных технологий в развитии способности учащихся к самообразованию как педагогическая проблема // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. (Челябинск, октябрь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. Т. I. С. 146–151.
4. Ромек В.Г. Уверенность в себе как социально-психологическая характеристика личности // Социальная психология личности в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. проф. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. С. 207–226.
5. Росина Н.Л. Условия и средства развития способности к рефлексии при подготовке к профессиональной деятельности. URL:

<http://bibliofond.ru/view.aspx?id=9694#1> (дата обращения: 24.04.2015).

6. *Hacker D.J., Dunlosky J., Graesser A.C. Metacognition: Definitions and empirical foundations // Metacognition in Educational Theory and Practice. Ch. 1. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. P. 123–134.*
7. *Hartman H.J. Teaching metacognitively // Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research, and Practice. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 149–169.*

Получено 04.05.2015

References

1. *Karpov A.V. Psihologiya refleksivnyh mehanizmov deyatelnosti [Psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow: Institute of psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 424 p. (In Russian).*
2. *Levagina O.B. [The formation of reflection in the learning process: a behavioral aspect]. Molodoy uchenyj [The young scientist]. 2013, № 7, pp. 394–397. (In Russian).*
3. *Mushtavinskaya I.V. [Use of reflexive technologies in the development of students' ability to self-education as a pedagogical problem]. Pedagogika: traditsii i innovatsii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Chelyabinsk, October 2011)*

[Pedagogics: traditions and innovations: Proceedings of the international scientific conference (Chelyabinsk, October 2011)]. Chelyabinsk: Dva komsomoltsa Publ., 2011, vol. 1, pp. 146–151. (In Russian).

4. *Romek V.G. [Self-confidence as a social and psychological characteristics of personality]. Sotsialnaya psihologiya lichnosti v voprosah i otvetah: Uchebnoe hosobie [Social psychology of personality in questions and answers: Study guide]. Moscow: Gardariki Publ., 1999, pp. 207–226. (In Russian).*
5. *Rosina N.L. Usloviya i sredstva razvitiya sposobnosti k refleksii pri podgotovke k professionalnoy deyatelnosti [Conditions and means of development of the ability to reflection during preparation for professional activity]. Available at: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=9694#1> (Accessed 24.04.2015). (In Russian).*
6. *Dunlosky J., Graesser A.C. Metacognition: Definitions and empirical foundations // Metacognition in Educational Theory and Practice. Ch. 1. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. P. 123–134.*
7. *Hartman H.J. Teaching metacognitively // Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research, and Practice. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 149–169.*

The date of the manuscript receipt 04.05.2015

Об авторе

Савченко Елена Вячеславовна

кандидат психологических наук, доцент,
докторант кафедры общей и социальной
психологии

Восточноевропейский национальный университет
им. Леси Украинки,
Украина, 43025, Волынская обл., Луцк,
пр. Воли, 13;
e-mail: savchenko.elena.v@gmail.com

About the author

Savchenko Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor,
Post-Doctoral researcher of Department of General
and Social Psychology

Lesya Ukrainka Eastern European National University,
13, Volya av., Lutsk, Volyn region, 43025, Ukraine;
e-mail: savchenko.elena.v@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Савченко Е.В. Диагностика рефлексивных умений на метакогнитивном уровне рефлексивной компетентности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 97–108.

Please cite this article in English as:

Savchenko E.V. Diagnostics of the reflexive skills at the metacognitive level of the reflexive competence // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 97–108.

УДК 17.022.1

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ ИНТЕНСИВНОСТЬЮ ПЕРЕЖИВАНИЯ УГРОЗЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Погорелов Сергей Владимирович

Национальный университет гражданской защиты Украины

В статье обоснована актуальность исследования особенностей ценностно-смысловой сферы жителей Украины с разной интенсивностью переживания угрозы возникновения чрезвычайной ситуации. С помощью специально разработанного опросника определялась интенсивность переживания угрозы чрезвычайной ситуации у людей с разным опытом вовлеченности в нее. Наибольшая интенсивность переживания обнаружена у пострадавших в чрезвычайной ситуации, а также у тех, у кого пострадали родные и близкие, и тех, кто являлся очевидцем чрезвычайной ситуации.

У лиц с высокой и низкой интенсивностью переживания угрозы возникновения чрезвычайной ситуации обнаружены достоверные различия в ценностях — средствах достижения целей, что обусловлено как личностными особенностями, так и наличием/отсутствием травматического опыта, жизненными ожиданиями, приоритетами, отношением к будущему, степенью уверенности в своих возможностях и способностях преодолевать трудности.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера; чрезвычайная ситуация; интенсивность переживания.

FEATURES OF VALUE-NOTIONAL SPHERE OF PEOPLE WITH DIFFERENT INTENSITY OF FEELING THE THREAT OF AN EMERGENCY

Sergey V. Pogorelov

National University of Civil Defence of Ukraine

In the article the urgency of studies of the value-notional sphere of the Ukrainian residents with different intensity of feeling the threat of an emergency is justified. With the help of a specially designed questionnaire the intensity of feeling the threat of an emergency among people with different experiences of involvement in it has been determined. The highest intensity of emotions has been revealed among the victims of emergency situations, as well as those whose relatives and friends have suffered and those who were direct witnesses of emergency.

Individuals with high and low intensity of feeling the threat of an emergency show significant differences in the values and means to achieve the goals, that is caused by both personal characteristics and the presence/absence of a traumatic experience, life expectancies, priorities, attitude to the future, the degree of confidence and the ability to overcome difficulties.

Key words: value-notional sphere; emergency; the intensity of feeling.

Количество чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) непрерывно растет, и большинство специалистов не прогнозирует уменьшения их числа в обозримом будущем. В последние годы эта проблема привлекает все большее внимание исследователей и приобретает междисциплинарный характер [1, 2, 4, 5, 8, 9].

Теоретическая концепция переживания человеком травматических событий (феномен психиче-

ской травматизации) разрабатывается в основном в рамках психологии и медицины. Все более широкое распространение получает термин «психосоциальные последствия катастроф» [6], предполагающий необходимость учета всего спектра психических состояний, включая поведение пострадавших, уровень их социального функционирования, влияние макросоциальных процессов, т.е. все

те изменения, которые можно обозначить термином «психическая дезадаптация».

Проявления феномена психической травмы выражаются широким спектром эмоционально-личностных изменений, которые возникают под влиянием стрессоров высокой интенсивности. К числу таких стрессоров в настоящее время относится воздействие ЧС на психику населения. По отношению к ЧС выделяют две группы пострадавших: жертвы ЧС, оказавшиеся в ее очаге, — непосредственно пострадавшие; а также население, опосредованно связанное с ЧС через средства массовой информации, — косвенные жертвы. Косвенные жертвы — это уязвимая часть населения, которая после ЧС, детально освещаемых СМИ и другими средствами коммуникации, начинает испытывать дистресс, связанный с угрозой возникновения ЧС.

Особенно острый и глубокий характер переживания травматической угрозы приобретают у детей, подростков и юношества, поэтому выявление специфики переживания угрозы возникновения ЧС во всех возрастных группах населения является остро актуальной социально значимой проблемой психологии.

Целью нашего исследования было изучение особенностей ценностно-смысловой сферы жителей Украины с разной интенсивностью переживания угрозы возникновения ЧС.

Для определения интенсивности переживания угрозы ЧС разными категориями жителей Украины нами использовался специально разработанный опросник. В первую очередь мы исследовали интенсивность переживания угрозы ЧС у людей с разным опытом вовлеченности в ЧС. На основе оценки степени вовлеченности мы разделили испытуемых на четыре группы: в первую группу вошли пострадавшие в ЧС, во вторую — те, у кого пострадали родственники, в третью — свидетели ЧС, в четвертую — те, кто никогда не были в ЧС и не имеют пострадавших родственников.

Наибольшая интенсивность переживания угрозы ЧС обнаружена у испытуемых 1-й группы (34,6 балла), наименьшая — у испытуемых 4-й группы (11,7 балла). Различия значимы на $p \leq 0,01$ уровне по *t*-критерию Стьюдента. Это объясняется тем, что на людей, пострадавших в результате ЧС, наряду с различными поражающими факторами действуют и психотравмирующие обстоятельства, представляющие собой обычно комплекс сверхсильных раздражителей, вызывающих нарушение психической деятельности в виде так называемых реактивных (психогенных) состояний. Следует подчеркнуть, что психогенное воздействие ЧС складывается не только из прямой, непосредственной угрозы жизни человека, но и опосредованной, связанной с ожиданием ее реализации. Люди, не имеющие опыта пребывания в очаге ЧС и травмированных близких, получают информацию о происшествиях преимущественно из СМИ и от очевидцев этих событий. Вероятно, поэтому интенсивность их переживания ожидания угрозы ЧС более низкая. Опыт участия в ЧС в качестве пострадавшего или очевидца значительно усиливает переживание ожидания ее возникновения.

Также следует обратить внимание на то, что относительно интенсивным является переживание угрозы ЧС у испытуемых 2-й и 3-й групп, т.е. тех, у кого пострадали родные и близкие, и тех, кто являлся непосредственным очевидцем ЧС. По нашему мнению, это связано с тем, что страх за жизнь относится к будущему человека и проявляется, как правило, после того, как человек стал жертвой или свидетелем ЧС и их последствий.

В соответствии с полученными данными все испытуемые были разделены на две группы по критерию интенсивности переживания угрозы ЧС (табл. 1).

Таблица 1. Показатели интенсивности переживания угрозы возникновения ЧС (в баллах)

Шкала	1-я группа	2-я группа	<i>t</i>	<i>p</i>
Уровень переживания	31,8±3,2	9,5±1,4	2,8	0,01

В 1-ю группу вошли жители Украины с высоким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС (102 чел.), во 2-ю группу — с низким (110 чел.). Испытуемые со средним уровнем интенсивности переживания угрозы возникновения ЧС в дальнейшем исследовании не принимали участие. Следует отметить, что как в 1-ю, так и во

2-ю группу вошли жители Украины с разным опытом вовлеченности в ЧС.

В соответствии с задачами исследования на следующем этапе мы диагностировали особенности ценностно-смысловой сферы выделенных категорий испытуемых. Результаты представлены в табл. 2–5.

Таблица 2. Показатели смысловых ориентаций жителей Украины с разным уровнем интенсивности переживания угрозы возникновения ЧС (в баллах)

Шкалы	1-я группа	2-я группа	t	p
Цели	22,5±3,7	30,8±4,6	2,5	0,05
Процесс	27,4±4,2	33,5±4,8	1,8	–
Результат	19,6±3,1	24,4±3,6	1,4	–
Локус контроля — Я	12,8±2,5	19,7±3,2	2,1	0,05
Локус контроля — жизнь	18,7±3,3	27,5±4,1	2,6	0,01

Полученные данные указывают на то, что у испытуемых с разным уровнем переживания угрозы ЧС наблюдаются значимые различия показателей смысловых ориентаций в следующих сферах: цели ($p \leq 0,05$), локус контроля — Я ($p \leq 0,05$), локус контроля — жизнь ($p \leq 0,01$). Испытуемые с высокой интенсивностью переживания в большей степени ориентированы на прошлое и настоящее, их временная перспектива несколько редуцирована. Это связано, на наш взгляд, с тем, что они с осторожностью ставят цели на будущее из-за неведения в свою способность контролировать ситуацию и события собственной жизни, некоего фатализма.

Мы полагаем, что такое отношение к жизни, целям, временной перспективе, контролю непосредственно связано с высокой интенсивностью переживания угрозы ЧС, т.к. тревога, страх парализуют целеполагающую функцию личности, искажают саму суть целеполагания, превращая его в фикцию, бессмысленную иллюзию, что, в свою очередь, обесценивает будущее, делает его пугающе нестабильным и из-за этого априори несущим угрозу.

Для уточнения полученных данных мы провели оценку временных установок испытуемых выделенных групп.

Таблица 3. Показатели временных установок жителей Украины с разным уровнем интенсивности переживания угрозы возникновения ЧС (в %)

Оценки		1-я группа	2-я группа	φ	p
Прошлое	Эмоциональное отношение	62,5	73,4	0,89	–
	Ценностное отношение	52,8	67,2	1,18	–
	Личностный контроль	39,5	58,6	1,56	0,05
Настоящее	Эмоциональное отношение	55,4	69,1	1,12	–
	Ценностное отношение	51,7	62,8	0,91	–
	Личностный контроль	44,6	66,2	1,77	0,05
Будущее	Эмоциональное отношение	49,3	61,8	1,03	–
	Ценностное отношение	42,5	54,2	0,96	–
	Личностный контроль	33,7	61,9	2,31	0,01

Результаты исследования показывают субъективное ощущение снижения способности контролировать события жизни в настоящем и будущем у жителей Украины с высоким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС, что полностью соответствует полученным ранее данным.

Очевидная причина стрессовости неконтролируемых событий состоит в том, что человек не в

состоянии прекратить их ход. Знание, что события контролируемы, снижает силу их воздействия, даже если возможность контроля не использована. Возможность предсказать наступление стрессового события, даже если его нельзя контролировать, обычно снижает силу его воздействия [3].

У лиц, переживших экстремальную ситуацию (в любом качестве), в значительной мере прояв-

ляется критическое отношение к своим возможностям [7].

Таблица 4. Показатели ранжирования терминальных ценностей жителей Украины с разным уровнем интенсивности переживания угрозы возникновения ЧС (средний ранг) (в баллах)

Ценности	1-я группа	2-я группа	p
Активная деятельная жизнь	6,3	4,4	–
Жизненная мудрость	9,8	7,3	–
Здоровье	3,2	3,8	–
Интересная работа	10,1	10,4	–
Красота природы и искусства	15,7	16,7	–
Любовь	1,9	2,2	–
Материально обеспеченная жизнь	2,7	3,5	–
Наличие хороших и верных друзей	7,1	5,7	–
Общественное признание	9,5	7,8	–
Познание	14,2	15,2	–
Продуктивная жизнь	14,5	11,3	0,05
Развитие	12,8	13,1	–
Развлечения	5,5	6,3	–
Свобода	4,4	3,1	–
Счастливая семейная жизнь	3,8	2,9	–
Счастье других	13,7	11,6	–
Творчество	16,5	12,5	0,01
Уверенность в себе	8,4	8,9	–

Полученные нами результаты показывают, что иерархическая структура терминальных ценностей, т.е. ценностей-целей, практически не различается у испытуемых исследованных групп.

Для жителей Украины с высоким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС наиболее значимыми ценностями-целями являются: любовь (1,9 балла), материальное благосостояние (2,7 балла), здоровье (3,2 балла), счастливая семейная жизнь (3,8 балла), свобода (4,4 балла), развлечения (5,5 балла). А наименее значимыми — развитие (12,8), счастье других (13,7 балла), познание (14,2 балла), красота природы и искусство (15,7 балла), творчество (16,5 балла).

Для жителей Украины с низким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС наиболее значимыми ценностями-целями являются: любовь (2,2 балла), счастливая семейная жизнь (2,9 балла), свобода (3,1 балла), материальное благосостояние (3,5 балла), здоровье (3,8 балла), активная деятельная жизнь (4,4 балла), наличие хороших и верных друзей (5,7 балла). Наименее значимыми — творчество (12,5 балла), развитие (13,1 балла), продуктивная жизнь (14,5 балла), познание (15,2 балла), красота природы и искусство (16,7 балла).

Продуктивная жизнь является более значимой ценностью для испытуемых 2-й группы по сравнению с испытуемыми 1-й группы ($p \leq 0,05$ по критерию U Манна-Уитни). То есть для людей с низким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС важнее в полной мере использовать свои возможности, силы и способности, чем для людей с высоким уровнем интенсивности данного переживания. Мы полагаем, что это связано с более позитивным отношением к собственной личности, большим принятием себя, стремлением к максимальному самовыражению через полноценную жизнь в социуме.

Творчество как ценность также более значимо для испытуемых 2-й группы по сравнению с испытуемыми 1-й группы ($p \leq 0,01$). То есть люди с высоким уровнем переживания угрозы ЧС в меньшей степени ценят возможность творческой самореализации в деятельности. Страх и тревога блокируют творческие способности личности, поскольку творчество предполагает спонтанность самовыражения, эмоциональное отражение актуального состояния, свободу от ограничивающих влияний ситуации, оценок других людей и т.п. Поэтому для снижения интенсивности переживания угрозы ЧС, по нашему мнению, эффективно использование методов арт-терапии.

Таблица 5. Показатели ранжирования инструментальных ценностей жителей Украины с разным уровнем интенсивности переживания угрозы возникновения ЧС (средний ранг) (в баллах)

Ценности	1-я группа	2-я группа	p
Аккуратность	6,9	12,5	0,01
Воспитанность	16,8	17,3	–
Высокие запросы	1,9	3,5	–
Жизнерадостность	5,5	4,7	–
Исполнительность	15,4	10,3	0,01
Независимость	2,6	5,1	–
Непримиримость к недостаткам	7,1	6,6	–
Образованность	12,2	15,5	0,05
Ответственность	8,8	11,4	–
Рационализм	7,2	4,1	0,05
Самоконтроль	9,2	1,5	0,01
Смелость в отстаивании своего мнения	5,3	7,9	–
Твердая воля	10,5	9,3	–
Терпимость	14,9	2,5	0,001
Широта взглядов	13,7	11,7	–
Честность	17,2	13,2	0,05
Эффективность в делах	11,4	9,6	–
Чуткость	16,1	13,5	–

Полученные нами результаты показывают, что иерархическая структура инструментальных ценностей, т.е. ценностей-средств, у испытуемых выделенных групп различается. Для жителей Украины с высоким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС наиболее значимыми ценностями — средствами достижения целей являются: высокие запросы (1,9 балла), независимость (2,6 балла), смелость в отстаивании своего мнения (3,3 балла), рационализм (4,1 балла), жизнерадостность (5,5 балла). Наименее значимыми — образованность (12,2 балла), широта взглядов (13,7 балла), терпимость (14,9 балла), исполнительность (15,4 балла), чуткость (16,1 балла), честность (17,2 балла).

Для жителей Украины с низким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС наиболее значимыми ценностями-средствами являются: самоконтроль (1,5 балла), терпимость (2,5 балла), высокие запросы (3,5 балла), жизнерадостность (4,7 балла), независимость (5,1 балла). Наименее значимыми — аккуратность (12,5 балла), честность (13,2 балла), чуткость (13,5 балла), образованность (15,5 балла), воспитанность (17,3 балла).

Также нами обнаружены значимые различия между показателями выбора инструментальных ценностей испытуемыми 1-й и 2-й групп. Аккуратность более значима для испытуемых 1-й группы по сравнению с испытуемыми 2-й группы ($p \leq 0,01$). То есть люди с высоким уровнем ин-

тенсивности переживания угрозы ЧС аккуратность в делах, мыслях, поступках как средство достижения целей используют гораздо чаще, чем те, кто не переживают по этому поводу. Мы полагаем, что это проявление защитного механизма психики, способствующего созданию иллюзии упорядоченности, контролируемости и предсказуемости жизни, своего рода ритуализация, помогающая снизить тревогу и страх.

Исполнительность значительно чаще используется испытуемыми 2-й группы для достижения цели ($p \leq 0,01$). Исполнительность — это волевое качество человека, которое заключается в активном, старательном и систематическом исполнении принимаемых решений. Такой человек испытывает потребность в том, чтобы полностью завершить начатое им или порученное ему дело. Исполнительность обусловлена мотивацией и интернальностью локуса контроля. У людей с высоким уровнем переживания интенсивности угрозы ЧС снижена мотивация, а локус контроля преимущественно экстернальный, поэтому данная ценность не является для них приоритетной.

Образованность более ценна для испытуемых 1-й группы по сравнению с испытуемыми 2-й группы ($p \leq 0,05$). Образованность — это не сумма неких знаний, а результат процесса образования и самообразования, определенный уровень культурного развития. То есть для людей с высоким уровнем переживания интенсивности угрозы

ЧС эта ценность является не только средством достижения целей, но и в некоторой степени защитой, т.к. информированность о разных ЧС, особенностях поведения в них и т.п. создает ощущение готовности к ним.

Рационализм более значим для испытуемых 2-й группы по сравнению с испытуемыми 1-й ($p \leq 0,05$). Под рационализмом понимается способность человека мыслить и действовать на основе разумных норм и правил. Рационалист считает, что человеческое познание основывается на опыте и разуме. Он стремится решать проблемы, обращаясь к фактам и логике, а не к страстям, эмоциям, инстинктам и т.п. То есть жители Украины с менее высоким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС менее эмоциональны при принятии решений, в большей степени способны учитывать объективно сложившуюся ситуацию, факты в процессе постановки и достижения целей.

Самоконтроль — более значимая ценность для испытуемых 2-й группы по сравнению с испытуемыми 1-й группы ($p \leq 0,01$). Способность личности к самоконтролю является одним из показателей развитости ее воли, помогающей преодолеть трудности при достижении поставленной цели. Самоконтроль тесно связан с интернальностью. Он позволяет управлять своими состояниями, поведением, нести за них ответственность. Можно заключить, что люди с высоким уровнем переживания интенсивности угрозы ЧС в меньшей степени используют свои эмоционально-волевые ресурсы для достижения целей по сравнению с теми, у кого эта интенсивность низкая.

Терпимость является приоритетной ценностью для испытуемых 2-й группы в отличие от испытуемых 1-й ($p \leq 0,001$). Терпимость — важнейшая составляющая социальной зрелости личности. В общей структуре феномена терпимости можно выделить два вида: сенсуальная терпимость и диспозиционная терпимость.

Сенсуальная терпимость связана с устойчивостью к воздействию социальной среды, с ослаблением реакций на какой-либо неблагоприятный фактор за счет снижения чувствительности к его воздействию. То есть сенсуальная терпимость есть терпимость-черствость.

В основе диспозиционной терпимости лежит принципиально иной механизм, обеспечивающий толерантность личности при социальных взаимодействиях. В данном случае речь идет о предрасположенности, готовности к определенной «терпимой» реакции личности на среду. За диспозиционной терпимостью стоят определенные установки личности, ее система отношений к дей-

ствительности: к другим людям, к их поведению, к себе, к воздействию других людей на себя, к жизни вообще. Диспозиционная терпимость есть терпимость-позиция, терпимость-установка, терпимость-мироощущение.

По нашему мнению, у людей с низким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС выражена именно диспозиционная терпимость, связанная с развитым самоконтролем, указывающая на личностную и социальную зрелость.

Честность является значительно более ценной для испытуемых 2-й группы по сравнению с испытуемыми 1-й группы ($p \leq 0,05$). Честность понимается как правдивость и искренность, без которых невозможны эффективные межличностные отношения, соответствующие природной норме человеческого существования. В обществе честность личности ассоциируется с порядочностью. Приоритет данной ценности для людей с низким уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС можно объяснить, вероятно, тем, что они более уверены в себе, эмоционально и стрессоустойчивы и, соответственно, более раскрепощены в общении с другими людьми и с собой.

Таким образом, проведенное нами исследование ценностной сферы жителей Украины с разным уровнем интенсивности переживания угрозы ЧС позволяет утверждать, что различия в ценностях-целях у них минимальные, а различия в ценностях — средствах достижения этих целей достаточно выражены. Мы полагаем, что это обусловлено как личностными особенностями, так и наличием/отсутствием травматического опыта, жизненными ожиданиями, приоритетами, отношением к будущему, степенью уверенности в своих возможностях и способностях преодолеть трудности.

Список литературы

1. Александровский Ю.А. Психические расстройства во время и после чрезвычайной ситуации // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. Т.3, №4. С. 32–39.
2. Антипов В.В. Психологическая адаптация к экстремальным ситуациям. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 176 с.
3. Аткинсон Р. Введение в психологию: учебник для студ. ун-тов / пер. с англ.; под общ. ред. проф. В. Зинченко. М.: Тривола, 1999. 729 с.
4. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
5. Ильин Е.П. Переживание как импрессивный компонент эмоционального реагирования // Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 784 с.

6. *Краснов В.Н.* Методологические и организационные аспекты психиатрии катастроф // Медицина катастроф. 1997. № 1. С. 21–24.
7. *Малкина-Пых И.Г.* Экстремальные ситуации. М.: Эксмо, 2005. 989 с.
8. *Оніщенко Н.В.* Психологічний аналіз основних типів реагування постраждалих на втрату внаслідок надзвичайної ситуації // Проблеми екстремальної та кризової психології. 2014. № 15. С. 175–184.
9. *Решетников М.М.* Общие закономерности в динамике состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой: отдаленные последствия и реабилитация пострадавших // Вестник психотерапии. 2004. № 12. С. 97–111.
4. *Izard K.* *Psihologiya emotsij* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2000, 464 p. (In Russian).
5. *Ilin E.P.* [The experience as an impressive component of the emotional reaction]. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2007, 784 p. (In Russian).
6. *Krasnov V.N.* [Methodological and organizational aspects of disaster psychiatry]. *Meditsina katastrof* [Disaster medicine], 1997, no 1, pp. 21–24. (In Russian).
7. *Malkina-Pykh I.G.* *Ekstremalnye situatsii* [Emergency situations]. Moscow, Eksmo Publ, 2005, 989 p. (In Russian).
8. *Onischenko N.V.* *Psikhologichnyi analiz osnovnykh tipiv reaguvannya postrazhdalikh na vtratu vnaslidok nadzvichaynoi situatsii* [Psychological analysis of the main types of reaction of those who experienced the loss as a result of an emergency]. *Problemi ekstremalnoi ta krizovoi psihologii* [The problems of extreme and crisis psychology]. 2014, no 15, pp. 175–184. (In Ukrainian).
9. *Reshetnikov M. M.* [General regularities in the dynamics of state, behavior and activities of people in extreme situations with vital threat: long-term consequences and rehabilitation of victims]. *Vestnik psihoterapii* [Herald of Psychotherapy], 2004, no 12, pp. 97–111. (In Russian).

Получено 31.07.2015

References

1. *Aleksandrovskij Yu.A.* [Mental disorders during and after an emergency]. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya* [Psychiatry and psychopharmacotherapy], 2001, vol. 3, no 4, pp. 32–39. (In Russian).
2. *Antipov V.V.* *Psihologicheskaya adaptatsiya k ekstremal'nym situatsiyam* [Psychological adaptation to emergency situations]. Moscow, VLADOS-PRESS Publ., 2004, 176 p. (In Russian).
3. *Atkinson R.* *Vvedenie v psihologiyu: Uchebnik dlya studentov universitetov* [Introduction to psychology: Textbook for university students]. Moscow,

The date of the manuscript receipt 31.07.2015

Об авторе

Погорелов Сергей Владимирович

аспирант кафедры психологии деятельности в особых условиях

Национальный университет гражданской защиты Украины,
Украина, 61023, Харьков, ул. Чернышевская, 94;
e-mail: linapereygina@mail.ru

About the author

Pogorelov Sergey Vladimirovich

Ph.D. Student of Department of Psychology of Working in Special Conditions

National University of Civil Defense of Ukraine,
94, Chernyshevskaya str., Kharkov, 61023, Ukraine;
e-mail: linapereygina@mail.ru

Просьба ссылатися на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Погорелов С.В. Особенности ценностно-смысловой сферы людей с разной интенсивностью переживания угрозы возникновения чрезвычайной ситуации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 109–115.

Please cite this article in English as:

Pogorelov S.V. Features of value-notional sphere of people with different intensity of feeling the threat of an emergency // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 109–115.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.425.3:2:32

**РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ УЧАЩЕЙСЯ
МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)***Клинецкая Нина Васильевна**Санкт-Петербургский государственный университет*

В статье рассматриваются результаты исследования, проведенного в 2013 г. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ, которое посвящено политическому сознанию современных студентов, в том числе рассматривался религиозный аспект этой темы. Было опрошено 500 чел. студентов нескольких вузов Санкт-Петербурга. Полученные данные о степени религиозности молодежи подтверждаются результатами многочисленных исследований, осуществленных ранее. Так, число оценивших себя как «исполняющих все церковные обряды и правила» составило 2,3 %, «верующих в Бога, хотя и не придерживающихся обрядов и правил» — 54,4 %, «считающих, что существует сверхъестественное начало мира», — 24,6 %, «атеистов» — 18,8 %. В целом можно говорить об аморфных и размытых религиозных представлениях вне зависимости от конфессии.

Политическая активность современной студенческой молодежи пока весьма слабая — только 4,8 % респондентов ответили, что они «политически активны». При этом данные, характеризующие политическую активность группы глубоко верующих, показывают, что они менее политически активны, чем молодые люди в других группах: не принимают участия в политической деятельности 36,4 % респондентов из этой группы, среди атеистов таковых треть (33,3 %).

Вопросы патриотизма также затрагивались в исследовании. Результаты позволяют говорить о влиянии степени религиозности на чувство патриотизма — более верующие более патриотичны.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной включенности молодежи в политическую сферу жизни общества вследствие слабо развитого политического сознания. Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о влиянии степени религиозности на политическое сознание, прежде всего, это относится к патриотизму.

Ключевые слова: религиозность; сознание; политика; патриотизм; религия; конфессия.

**RELIGION AND POLITICAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS
(BASED ON THE RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH
OF STUDENTS IN ST. PETERSBURG)***Nina V. Klinetskaya**Saint Petersburg State University*

In 2013 the Department of Sociology of Youth and the Youth Policy of the St. Petersburg State University conducted a study devoted to the research of the political consciousness of the modern students, including the religious aspect of the topic. There were interviewed 500 students from some universities of St. Petersburg. The obtained results of the degree of the religiosity of youth confirmed the facts of numerous studies conducted earlier. Thus, the number of evaluated themselves as «fulfilling all religious rites and rules» amounted 2,3%, «believe in God, though not adhering to rituals and rules» — 54,4 %, «considering that there is a supernatural beginning of the world» — 24,6 %, «atheists» — 18,8 %. In general, one can speak of the amorphous and — diffuse religious concepts beyond the certain concession.

Political activity of the modern college students is still very weak — only 4,8 % of the respondents answered that they were «politically active». Wherein the data characterizing the political activity of the group of deeply religious persons show that they are even more than young people in other groups do not participate in political activities (this answer was given by the 36,4 % of the respondents in this group), among the atheists such persons are one third (33,3 %).

The issues of patriotism have been also raised in the study. The results allow talking about the influence of the degree of religiosity on the sense of patriotism — more believers are more patriotic.

In general, we can talk about the lack of the involvement of young people in the political sphere of the society because of the weakness of the development of the political consciousness. However, the results of our study evidence of the influence of the degree of religiosity on political consciousness and, above all, it refers to the patriotism.

Key words: religion; consciousness; politics; patriotism; religion; religious confession.

В 2013 г. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ было проведено исследование различных аспектов политического сознания студентов вузов Санкт-Петербурга (N = 500), в том числе влияния религиозного фактора. С целью получения достаточно взвешенных ответов были опрошены студенты, две трети из которых (63 %) в возрасте 19–22 года, 14,9 % — 23 года и старше и лишь 22,2% — это 17–18-летние, среди них 36,6% тех, кто учится и работает.

Полученные данные, характеризующие религиозность студентов, подтверждают ту структуру религиозности, которая была выявлена нами на основе многочисленных исследований, проведенных ранее. Так, число оценивших себя как «исполняющих все церковные обряды и правила» составило 2,3 %, «верующих в Бога, хотя и не придерживающихся обрядов и правил» — 54,4 %, «считающих, что существует сверхъестественное начало мира», — 24,6 %, «атеистов» — 18,8 %.

Интересно, что религиозность студенческой молодежи в других регионах России имеет близкую структуру. Например, проведенные исследования в Пермском университете показывают сходные результаты. Они «показывают, что уровень религиозности пермского студенчества достаточно высок: в той или иной степени верующими признают себя большинство студентов (80 %). Но из них к глубоко верующим относит себя всего 3 % респондентов. Остальные (79 %) веруют скорее традиционно, всех обрядов и ритуалов не соблюдают, либо практически совсем не интересуются церковной жизнью. Неверующими себя считают 18 % респондентов. Индифферентно относятся к религии 1 % студентов, никогда не задумывавшихся на религиозные темы» [1, с. 167]

Проведенный опрос также показал, что верования современной молодежи весьма специфичны и очень часто выходят за рамки какой-либо определенной конфессии. Нами задавался вопрос:

«Если Вы верующий, то к какой конфессии, религии, духовному учению Вы себя относите?». Это был открытый вопрос без какой-либо шкалы вариантов ответов, студенты самостоятельно на него отвечали, давая ответ, который они считали нужным. Поэтому результаты показали полное смешение представлений о религиозных конфессиях и направлениях. Около 40% респондентов смогли дать четкий ответ на этот вопрос. Из тех, кто называет себя глубоко верующими, кто соблюдает обряды и правила, 45,5 % отнесли себя к православным, а 36,4 % — к христианам. Были также названы 33 иных, порой весьма экзотических, вероучения. Почти 40 % респондентов из тех, кто назвал себя верующими в Бога, но не соблюдающими обрядов и правил (81,6 % ответивших), заявили о своей принадлежности к христианству, 53,1 % — к православию, остальные (по 1–2 чел.) — к различным конфессиям и вероисповеданиям. Следует подчеркнуть, что ответили на предложенный вопрос далеко не все — как указывалось выше, около 40 % (только 39,6 %), поэтому довольно большие проценты относящих себя к христианству и православию относятся к тем респондентам, которые и составляют эти 39,6 %. Остальные 60,4 % респондентов никак не высказались на предложенный вопрос. Высказывания о приверженности к тому или иному вероучению тех, кто считает, что существует сверхъестественное духовное начало мира (12,2 % от числа ответивших), также позволяют отнести их убеждения не только к христианству (20,8 %) и православию (33,3 %), но и к многим другим учениям. В целом же из ответивших на рассматриваемый вопрос респондентов 50 % относят свою веру к православию, 36,2 % — к христианству.

Кроме христианства и православия студенты указали целый ряд других верований, учений, которые для них являются привлекательными. Список их включает 33 позиции, хотя само количество «верующих» не превышало 1–3 чел. для каж-

дой позиции. Как мы отмечали, в этом списке, наряду с традиционными конфессиями, присутствуют и весьма экзотические позиции: буддизм, ислам, познание истины, мудрость, атеизм, католицизм, мусульманство, вера в лучшее (позитивное мышление), язычество, лютеранство, единобожие, технофашизм, Вселенная, староверие, ведическая культура, межконфессиональное христианство.

Не менее интересным добавлением к этому списку являются ответы на вопрос «Какая религия или духовное учение Вам ближе, если Вы не считаете себя верующим?». На этот вопрос ответило 24,3 % участников, среди которых и верующие, и атеисты. Четверть из них (25,6 %) назвали христианство, треть (32 %) — православие, еще 16,8 % — буддизм. Остальные кроме известных религиозных верований и философских учений, таких как ислам, протестантизм, католицизм, синтоизм, даосизм, йога, родноверие, атеизм, называли достаточно специфические идеи или научные теории, которые представляют для них некие символы веры. Так, респондентами были отмечены следующие духовно близкие им идеи, теории или собственные убеждения: теория большого взрыва; смесь философии, религии, науки; единобожие; наука; вера в собственные силы; перерождение, гармоничность; вселенная; карма; агностицизм; «просто верю»; «есть более разумные существа, чем человек»; истинная вера в Бога и доверие Ему.

Приведенные данные характеризуют религиозное сознание современных студентов как достаточно аморфное и внеконфессиональное. Это подтверждает выводы, сделанные еще в 2011 г. начальником отдела защиты свободы совести Аппарата уполномоченного по правам человека в РФ М.И. Одинцовым о том, что в России сейчас «практически представлена вся мировая религиозная палитра», которая не может не отражаться в сознании молодежи [3, с. 8]. Нашей задачей было установить, существует ли какое-либо влияние религиозности на политическое сознание студентов. Как представляется, следует обратить внимание на то, что любому обществу присуща своя ментальность. Российская ментальность, формировавшаяся с момента появления христианства, вобрала в себя его догмы и стала основой мышления людей, в том числе и современного человека. Поэтому можно говорить о том, что мышление, опирающееся на ментальность, связано с верой. Очевидно, что православный менталитет влияет на современное мышление, в том числе и

на мышление молодежи [2, 4]. Наши исследования по изучению экстремизма в молодежной среде Санкт-Петербурга в 2006 г. показали, что примерно 27% молодых людей обладают менталитетом, включающим религиозную составляющую. Это предполагает наличие влияния не только религиозности, но и религиозного менталитета на их политическое сознание, определяющее поведение в сфере политики.

Нами изучались следующие аспекты политического сознания: политическая активность, отношение к политическим партиям, а также патриотический аспект сознания различных групп верующих и атеистов.

Собственно сама политика не является самым важным аспектом общественной жизни для современных студентов. Наиболее значимыми для всех групп верующих и атеистов являются социальные проблемы (1-е место), а также экономическая политика государства (2-е место). Политический аспект общественной российской жизни в сознании глубоко верующих занимает 2-е место наряду с экономической сферой (отметили 45,5 %). Политика занимает 3-е место по важности у атеистов (40 %), а у остальных групп верующих лишь 4-е место (у 36,4 % верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов и правил и у 29,7 % тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира). Эти данные свидетельствуют о том, что политика имеет наибольшее значение для глубоко верующей молодежи, хотя и не играет главной роли. Именно эта группа проявляет наибольший интерес к политике — 27,3 %. Любопытно, что атеисты также интересуются политикой (21,1 %), хотя, как видно, в меньшей степени. Наименьший интерес к политике у тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира, — 16,9 % и у верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов — 11 %.

Но собственно сама политическая активность современной студенческой молодежи пока весьма слабая — только 4,8% респондентов ответили, что они «политически активны». Это означает, что фактически в настоящее время студенчество нельзя считать политически активным слоем российского общества. Исследование показало, что наиболее активны атеисты (6,7 %). Никак не участвуют в политической деятельности 34,2 % опрошенных. При этом данные, характеризующие политическую активность группы глубоко верующих, показывают, что они даже менее политически активны, чем молодые люди в других группах: не принимают участия в политической

деятельности 36,4 % респондентов из этой группы, среди атеистов таковых треть (33,3 %). Политическая активность студенчества сводится преимущественно к участию в выборах. Наименее активны в этом отношении глубоко верующие (54,5 % из них участвуют в выборах), а наиболее активными являются считающие, что существует некое сверхъестественное духовное начало мира (64,4 %). Респонденты других групп (верующие и атеисты) одинаково (по 60 %) признали, что в политике они участвуют только в качестве избирателей. Следует отметить, что политическая активность, конечно, — это не только участие в выборах, но и другие формы политической деятельности. Но на вопрос «В какой мере Вы включены в политическую жизнь страны?» отметили «Я политически активен/активна» только 4,8 %, а 34,2 % респондентов ответили «Я никак не участвую в политической жизни». Поэтому в целом можно говорить о том, что наиболее активны студенты, когда происходят такие значимые для политической жизни страны события, как выборы.

Источниками политических новостей для современной молодежи, независимо от степени религиозности, являются преимущественно Интернет (79 %) и телепередачи (51,6 %).

Другой аспект политического сознания современной молодежи — отношение к различного рода политическим партиям. Поскольку в России достаточно большое количество политических партий, о существовании которых студенты имеют слабое представление, нами были выделены два основных политических направления — партии, лидеры которых поддерживают деятельность правительства и в качестве основополагающих принимают либеральные ценности (условно «проправительственные» партии), и партии, лидеры которых в качестве основополагающих принимают традиционные национальные ценности — условно «националистические» партии. Так, верующие более положительно, чем атеисты, относятся к «проправительственным партиям»: среди глубоко верующих таковых 18,2 %, среди верующих в Бога, но не соблюдающих обряды и правила — 15,2 %, только 10,5 % среди тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира, и 11,4 % среди атеистов. Восприятие «националистических» партий молодежью также зависит от степени религиозности. Отрицательное отношение к этим политическим партиям наблюдается у пятой части глубоко верующих (20 %), 42,5 % верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов, почти половины тех, кто считает, что су-

ществует сверхъестественное начало мира, и атеистов (по 45 %). Поддерживают националистические партии 14,2 % опрошенных, причем самые высокие показатели среди глубоко верующих (20 %). При этом и тех, кто относится достаточно безразлично, среди глубоко верующих большинство — 60 %. Приведенные данные говорят о том, что эта группа оценивает «националистические партии» с большей симпатией, чем остальные группы верующих и атеистов.

Третий аспект, который нами изучался, это отношение к патриотизму. Это то чувство любви, привязанности к Отечеству, Родине, которое, если оно есть у человека, не может не оказывать влияния на его политическое сознание и поведение в сфере политики. Полученные нами результаты приобретают в этой связи определенный интерес, так как они достаточно четко выявляют влияние степени религиозности на формирование чувства патриотизма у современного студенчества. Так, 81,8 % глубоко верующих считают себя патриотами, среди верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов, уже только 57,1 %, более половины атеистов (56,7 %) также относят себя к патриотам, среди тех, кто считает, что существует некое духовное сверхъестественное начало мира, таковых еще меньше — чуть больше половины (51,5). Как представляется, в целом достаточно большая доля современной студенческой молодежи признала наличие у себя чувства патриотизма. Вместе с тем, есть и такая группа молодых людей, представители которой определенно заявили, что не считают себя патриотами. Наибольшее число «непатриотов» среди тех, кто полагает, что существует сверхъестественное начало мира (30,5 %), среди атеистов (25,6 %) и среди верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов (17,6 %). В группе глубоко верующих нашелся только один человек, назвавший себя «непатриотом». Остальная часть опрошенных, а это довольно большая доля респондентов — в целом 21,7 % — никогда «не задумывались на эту тему».

В определенной мере патриотизм, связанный с религиозностью молодых людей, проявился и в ответах на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас российское гражданство?». 81,8 % глубоко верующих определили свои чувства как гордость. Чуть больше половины верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов и правил (53,9 %) также испытывают гордость, среди тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира, таковых уже меньше — 50 %, а среди атеистов еще меньше — 48,3 %. Недовольство и горечь испы-

тывает всего один человек среди глубоко верующих. Но такое негативное восприятие российского гражданства намного больше проявляется в других группах: почти у каждого пятого из верующих в Бога (18%), у 21,6% считающих, что существует сверхъестественное начало мира, и у 20,2% атеистов. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть респондентов вообще безразлична к российскому гражданству. Если среди глубоко верующих в этом отношении равнодушен только один человек, то среди других групп очень большая доля «безразличных»: среди верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов — 28,1%, среди тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира, — 28,4%, среди атеистов — треть (31,5%).

Неудивительно, что полученные данные, выражающие оценку респондентами себя как «гражданин России», «гражданин малой Родины, где родился и вырос» и как «гражданин мира», показывают зависимость от степени религиозности. Например, «гражданин мира» больше всего среди тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира, — 40,7% и атеистов — 38,2%. Среди глубоко верующих и верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов таковых значительно меньше: 18–19%.

Влияние религиозности на сознание проявилось и во взглядах на проблему соотношения личности и государства. Очень четкая тенденция просматривается в ответах на вопрос «Какие приоритеты Вы поддерживаете?». Если наибольшее число глубоко верующих выбирают «сочетание государства и личности» (63,6%), то среди верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов таковых 52,1%, среди тех, кто считает, что существует сверхъестественное начало мира, — 48,7%, среди атеистов — 43,3%. Атеисты склонны отдать предпочтение «приоритету личности» (54,4%), тогда как среди глубоко верующих поддерживают такой выбор только 27,3%. Приоритет государства в стране поддерживают преимущественно глубоко верующие (9,1%), остальные в большинстве не одобряют такой вариант ответа.

Полученные данные позволяют говорить о том, что на мнения студентов Санкт-Петербурга о расстановке приоритетов в государственной политике сильное влияние оказывает степень их религиозности.

Таким образом, проведенное исследование на примере студенчества петербургских вузов показало, что современным студентам свойственна существенно различная степень религиозности.

Среди них есть весьма небольшое число воцерковленных (верующих, соблюдающих все церковные правила и обряды), значительное количество (более половины) верующих в Бога, но не соблюдающих обрядов и правил, а также тех, кто имеет скорее религиозно-философское мировоззрение и считает, что существует сверхъестественное начало мира (а это почти четверть опрошенных), а также тех, кто считает себя атеистами (18,8%). Основной доле верующих, кроме глубоко верующих, присуща внеконфессиональная и достаточно аморфная вера, направленная зачастую на весьма экзотические объекты. Нельзя не отметить, что такие процессы в религиозной жизни наблюдаются не только в России. Например, И. Шкамперле, исследователь из Словении, делает вывод о том, что «в формах религиозных верований возникают новые формы гнозиса, сильный индивидуализм, теологические вопросы, касающиеся божественной инкарнации, и сравнительно большая дистанцированность от церкви» [5, с. 112]. В ментальности современной российской молодежи существуют духовные ориентиры, оказывающие влияние на проявление такого важного аспекта, как сознание политическое. Впрочем, несмотря на то, что многие из опрошенных уже работают и имеют возраст, подходящий для формирования зрелого политического сознания, можно говорить о недостаточной включенности молодежи в политическую жизнь общества. Это можно рассматривать как следствие слабого развития политического сознания, на которое, впрочем, оказывает определенное влияние высокая степень религиозности индивидов. Прежде всего, высокая степень религиозности коррелирует с поддержкой идей патриотизма, а также выражается в поддержке тех политических движений, лидеры и сторонники которых поддерживают традиционные национальные ценности.

Список литературы

1. *Маркова Ю.С.* Жизненные ценности современного студенчества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып.1(17). С. 163–172.
2. *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб.: ОВИЗО, 2002. 272 с.
3. *Одинцов М.И.* Вероисповедная политика Российского государства в 1991–2011 гг.: становление, итоги и перспективы // Материалы Общерос. науч.-практ. конф. «Свобода совести религиозная жизнь в Российской Федерации: 20 лет спустя. 1991–2011 г.». СПб., 2012. 144 с.

4. Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д.: Феникс, 1996, 672 с.
5. Шкамперле И. Религиозный синкретизм и манифестации духовного в эпоху глобализации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 4(4). С. 105–112.

Получено 04.06.2015

References

1. Markova J. S. [Life values of modern students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2014, no 1(17), pp. 163–173. (In Russian).
2. Mozharovskiy V.V. *Kritika dogmaticheskogo myshleniya i analiz religiozno-mental'nykh osnovanij politiki* [Criticism of dogmatic thinking and analysis of the religious and mental grounds of policy]. Saint Petersburg, OVIZO Publ., 2002, 272 p. (In Russian).

Об авторе

Клинецкая Нина Васильевна

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник кафедры
социологии молодежи и молодежной политики

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб.,
7/9;
e-mail: swbusoff@mail.ru

3. Odintsov M.I. [The religious policy of the Russian government in 1991–2011: formation, results and prospects]. *Materialy Obshcherossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Svoboda sovesti i religioznaya zhizn' v Rossijskoj Federatsii: 20 let spustya. 1991–2011 gg."* [Proceedings of All-Russian research and practice conference «Freedom of conscience and religious life in the Russian Federation: 20 years later. 1991–2011»]. Saint Petersburg, 2012, 144 p. (In Russian).
4. Samygin S.I., Nechipurenko V.I., Polonskaya I.N. *Religiovedenie: sotsiologiya i psikhologiya religii* [Religious studies: sociology and psychology of religion]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1996, 672 p. (In Russian).
5. Skamperle I. [Religious syncretism and the manifestations of the sacred in an Age of Globalisation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2010, no 4(4), pp. 105–112. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 04.06.2015

About the author

Klinetskaya Nina Vasil'evna

Ph.D. in Economics,
Senior Researcher of Department
of Youth Sociology and Youth Politics

Saint Peterburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint Peterburg,
199034, Russia;
e-mail: swbusoff@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Клинецкая Н.В. Религия и политическое сознание учащейся молодежи (по результатам социологического исследования студентов Санкт-Петербурга) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 116–121.

Please cite this article in English as:

Klinetskaya N.V. Religion and political consciousness of students (based on the results of the sociological research of students in St. Petersburg) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 116–121.

УДК 316.32-053.6:6

УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЙ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ

Гордеева Светлана Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

На основе анализа статистических данных медицинской статистики рассматривается проблема нарушения соматического и психического здоровья подростков РФ. Оцениваются негативные последствия употребления подростками алкогольной продукции, связанные с нарушением деятельности жизненно важных органов и систем организма. Подчеркивается, что сопоставление результатов исследований и статистических данных по проблеме употребления алкоголя среди подростков затруднено из-за отсутствия единого понимания термина «злоупотребление алкоголем». Особое внимание уделяется изучению динамики показателя «употребление алкоголя» с вредными последствиями как маркера злоупотребления алкоголем подростками, который отражает истинное состояние заболеваемости и уровня злоупотребления алкоголем среди подростков. Отмечено, что, несмотря на снижение показателя заболеваемости подростков в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями в период с 2010 по 2012 г., данный показатель остается высоким и превышает аналогичный показатель за 2005 г. Злоупотребление алкоголем в заболеваемости лиц подросткового возраста определяется как значимый фактор.

Ключевые слова: здоровье; употребление алкоголя; подростки.

ALCOHOL CONSUMPTION AS FACTOR OF VIOLATIONS OF HEALTH OF YOUTH

Svetlana S. Gordeyeva

Perm State University

On the basis of the analysis of statistical data of medical statistics the problem of violation of somatic and mental health of teenagers of the Russian Federation is considered. The negative consequences of abuse of alcoholic products teenagers connected with violation of activity of vitals and systems of an organism are estimated. It is emphasized that comparison of results of researches and statistical data on an alcohol intake problem among teenagers is complicated by absence of uniform understanding of the term «alcohol abuse». The special attention is paid to studying of dynamics of an indicator alcohol intake with harmful consequences as marker of abuse of alcohol of teenagers which reflects a true condition of incidence and level of abuse of alcohol among young people of teenage age. It is noted that, despite decrease in an indicator of incidence in connection with alcohol intake with harmful consequences of teenagers during the period from 2010 to 2012, this indicator remains at the high level and exceeds a similar indicator for 2005. The contribution of abuse of alcohol to incidence of persons of teenage age is defined as considerable.

Key words: health; alcohol consumption; teenagers.

Состояние здоровья современной молодежи является одним из источников социального и экономического развития страны, определяет уровень благосостояния и стабильности как государства в целом, так и регионов. Анализ состояния здоровья молодых людей свидетельствует о сохраняющейся тенденции роста заболеваемости (увеличение обращаемости в медучреждения на 2–4 % в год), в частности распространенности хронической патологии. Данные Министерства здраво-

охранения и социального развития РФ за период с 2000 по 2012 г. свидетельствуют о значительном ухудшении показателей, характеризующих заболеваемость подростков (рис. 1).

В подростково-юношеском периоде одной из основных проблем здоровья и развития является питание (нарушение режима питания, нерациональное однообразное питание). По данным С.А. Федоткиной [14], сформированные неправильные привычки питания в подростковом воз-

расте сохраняются в течение всей жизни. Употребление фастфуда, высококалорийных газированных напитков может стать причиной заболеваний органов пищеварения, появления избыточного веса [14].

Согласно данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ за период с 2000 по 2012 г. отмечается рост числа заболеваний эндокринной системы, связанных с расстройством питания и нарушением обмена веществ (рис. 2). Отмечается рост количества подростков в возрасте 15–17 лет, зарегистрированных с диагнозом ожирение: с 156,4 в 2000 г. до 556,7 в

2012 г. (на 100 тыс. населения соответствующего возраста). Масса тела как антропометрический показатель выступает индикатором соматического здоровья молодых людей. Ожирение у подростков является следствием не только нерационального питания, но и низкого уровня физической активности. Развитие ожирения, его осложнения зависят от ряда факторов: наследственная предрасположенность, особенности питания, физической нагрузки, психоэмоциональное перенапряжение, длительность ожирения, уровень мотивации на здоровый образ жизни [11].

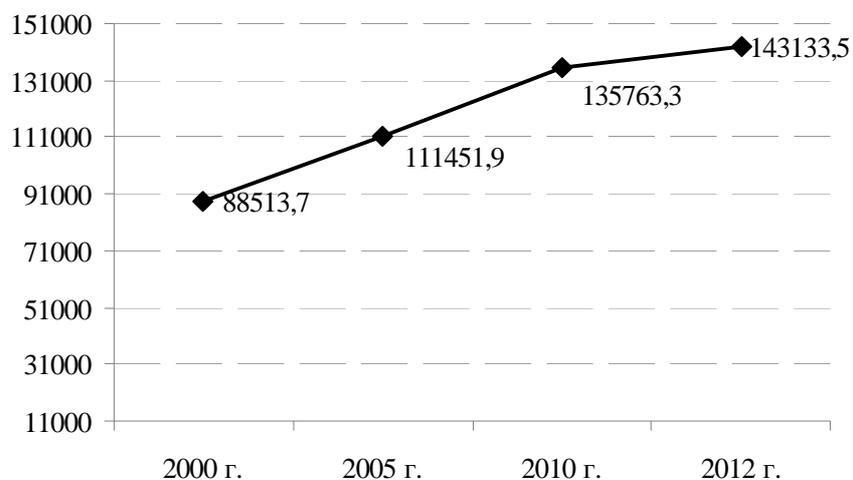

Рис. 1. Динамика общей заболеваемости подростков в возрасте 15–17 лет в РФ (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

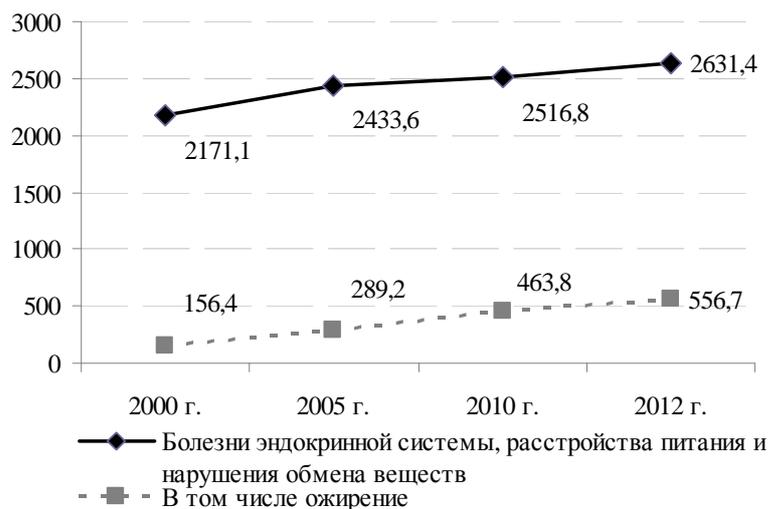

Рис. 2. Динамика болезней эндокринной системы, связанных с расстройством питания и нарушением обмена веществ, в том числе ожирение подростков в возрасте 15–17 лет в РФ (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

Все более острой проблемой становится распространение среди подростков и молодых людей болезней, передаваемых преимущественно половым путем. Характерной особенностью сексуального поведения подростков является раннее начало половой жизни (средний возраст 16 лет), частая смена партнеров, низкий уровень знаний о безопасном сексе [14], что определяет высокие показатели заболеваемости инфекциями, передаваемых половым путем, и негативно сказывается на формировании и сохранении репродуктивного здоровья молодых людей. Так, в 2012 г. сифилис был впервые установлен у 0,9 тыс. подростков в возрасте 15–17 лет, хламидиоз — у 1,9 тыс. [9]. В настоящее время получил широкое распространение среди лиц подросткового возраста «трофологический синдром», для которого характерны задержка полового развития, дисгармоничное физическое развитие, снижение функциональных резервов организма, отставание биологического возраста [12], что может повлиять на нарушения репродуктивного здоровья молодых людей в будущем.

Остаются тревожными показатели заболеваемости психического здоровья молодых людей, что приводит к ограничению возможности получения полноценного образования, снижению готовности юношей к военной службе [14]. Индикаторами

психического уровня здоровья молодежи выступают наличие или отсутствие таких психических заболеваний, как психозы и состояния слабоумия, психические расстройства непсихотического характера, умственная отсталость. По данным Министерства здравоохранения отмечается незначительная положительная динамика по снижению числа подростков в возрасте 15–17 лет, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом «умственная отсталость» (1074,1 случаев на 100 тыс. подростков зафиксировано в 2012 г., что незначительно ниже аналогичного показателя в 2000 г. (1195,9 случаев на 100 тыс. подростков; рис. 3). За 12-летний период стабильно высокими остаются показатели заболеваемости подростков в возрасте 15–17 лет психозами, психических расстройств непсихотического характера, слабоумия. Так, в 2012 г. число подростков в возрасте 15–17 лет, состоящих на учете с диагнозом «психозы» и «слабоумие», составило 156,8 случаев на 100 тыс. подростков, что соответствует аналогичному показателю за 2000 г. (151,8 случаев на 100 тыс. подростков). Заболеваемость подростков в возрасте 15–17 лет психическими расстройствами непсихотического характера в 2012 г. составила 497,4 случаев на 100 тыс. подростков, данный показатель остается стабильным на протяжении 12 лет (рис. 3).

Рис. 3. Динамика заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения подростков в возрасте 15–17 лет в РФ (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

Нарушение соматического и психического здоровья молодежи, высокие показатели ряда заболеваний прямо или косвенно связаны со злоупотреблением алкоголем. Данные медицинской статистики, полученные на основе отчетов наркологических учреждений, позволяют выявить как тенденции, так и современное состояние проблемы злоупотребления алкоголем молодежи подросткового возраста. Е.А. Кошкина и соавт. акцентируют внимание на различиях в понимании термина «злоупотребление алкоголем» для подростков [6]. По их мнению, под систематическим употреблением алкоголя понимают выпивку 1 раз в неделю и чаще [7]. Ряд исследователей снижают аддитивный порог употребления алкоголя до 1–3 раз в месяц, что обусловлено формированием начальных признаков алкоголизма при такой частоте выпивок [3, 13]. По мнению З.В. Коробкиной и В.А. Попова, употребление спиртного подростками, независимо от дозы, рассматривается как злоупотребление, так как в любом случае приводит к алкогольному отравлению. Авторы отмечают, что особенностью алкоголизации подростков является отсутствие этапа умеренного потребления алкоголя и любая принятая доза алкоголя является для них чрезмерной [4]. Отсутствие единого понимания термина «злоупот-

ребление алкоголем» затрудняет сопоставление результатов исследований и статистических данных.

В структуре заболеваемости наркологическими расстройствами превалирует синдром зависимости от алкоголя (алкоголизм, алкогольные психозы). При сопоставлении в динамике показателей болезненности и заболеваемости алкоголизмом среди подростков, по мнению Е.А. Кошкиной, можно судить не о распространенности алкоголизма среди подростков, а о распространенности алкогольных проблем подростков [5]. Согласно данным Министерства здравоохранения РФ с 2005 г. наблюдается тенденция снижения численности подростков в возрасте 15–17 лет, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом «алкоголизм» и «алкогольные психозы» (рис. 4). В 2012 г. число лиц, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом «алкоголизм» и «алкогольные психозы», составило 14,1 на 100 тыс. подростков, что ниже аналогичных показателей за 2010 г. (20,5 случаев на 100 тыс. подростков) и 2011 г. (17,0 случаев на 100 тыс. подростков), существенно ниже аналогичного показателя за 2005 г. (37,8 случаев на 100 тыс. подростков).

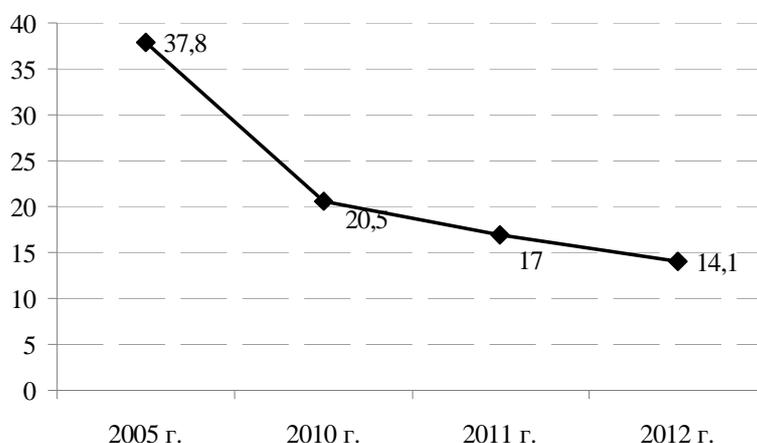

Рис. 4. Динамика заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами подростков в возрасте 15–17 лет в РФ (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

В работах О.В. Левочкиной выделяются эндогенные факторы риска алкогольных психозов среди молодых людей: наследственная отягощенность по сочетанному алкоголизму матери и отца и алкогольные психозы у родственников первой степени родства, преобладание неустойчивых черт характера, клиничко-динамические характеристики алкоголизма (молниеносное течение алкогольных пси-

хозов, высокая толерантность, раннее становление клинических признаков алкоголизма и др.) [8].

Алкоголизм и алкогольные психозы как маркер злоупотребления алкоголем, по мнению ряда исследователей [2, 15], в настоящее время не отражают истинной заболеваемости и истинного уровня злоупотребления алкоголем, т.к. снижение показателей заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами связано с распадом нар-

кологической службы, недоучетом больных алкоголизмом, снятием с учета и т.д.

По мнению Е.А. Кошкиной, для подростков большее значение имеет показатель «употребление алкоголя с вредными последствиями» [5]. По данным Министерства здравоохранения РФ число подростков в возрасте 15–17 лет, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями, в целом по России в 2012 г. составляло 1103,0 в расчете на 100 тыс. подростков (рис. 5). Аналогично положительной динамике снижения с 2010 г. численности подростков в возрасте 15–17 лет, состоящих на учете в лечебно-профилактических орга-

низациях с диагнозом «алкоголизм» и «алкогольные психозы», с 2010 г. наблюдается снижение числа подростков в возрасте 15–17 лет, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями. Так, в 2012 г. численность пациентов в возрасте 15–17 лет, состоящих на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями, составило 1103,0 случаев в расчете на 100 тыс. подростков, что ниже аналогичного показателя за 2010 г. (1300,3 случаев на 100 тыс. подростков) и 2011 г. (1228,8 случаев на 100 тыс. подростков), но выше аналогичного показателя за 2005 г. (947 случаев на 100 тыс. подростков).

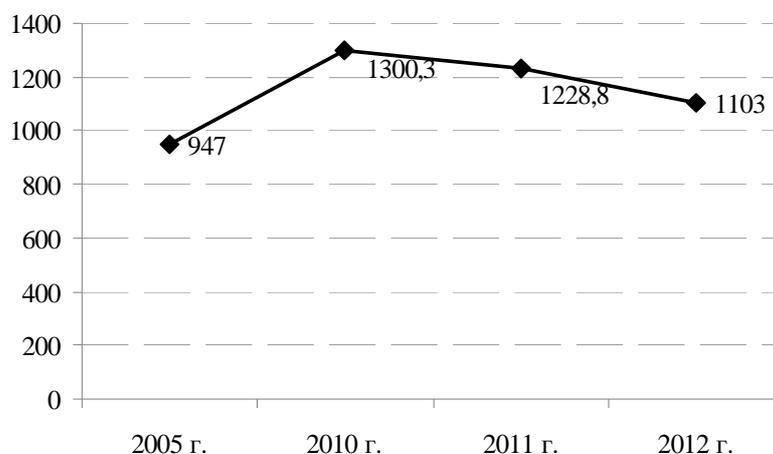

Рис. 5. Динамика заболеваемости в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями подростков в возрасте 15–17 лет в РФ (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

В настоящее время проблема злоупотребления алкоголем является не столько наркологической, сколько общемедицинской, поскольку злоупотребление психоактивными веществами (ПАВ), алкоголем в частности, имеет негативное воздействие на все органы и системы организма [10]. В подростковом возрасте алкоголь особенно разрушительно влияет на печень, находящуюся в стадии формирования, отрицательно влияет на деятельность сердца, легких, желудка, кроветворных органов, эндокринной и нервной систем, нарушает функцию почек [4]. Так, однократное употребление даже качественного алкоголя, но в больших дозах может вести к развитию у подростков панкреонекроза (заболевание желудочно-кишечного тракта). Даже при эпизодическом злоупотреблении алкоголем могут наблюдаться у подростков явления транзиторного некроза гепатоцитов. При длительном употреблении этилового спирта развивается алкогольный стеатогепатит, а позднее и жировая дистрофия печени [1]. Употребление больших доз алкоголя и его суррогатов (гликоли, метиловый

спирт, хлорированные углеводороды) вызывает острые алкогольные повреждения почек [1].

Хронические заболевания, детерминированные злоупотреблением алкоголем, у молодых людей встречаются редко. Наиболее распространенным проявлением злоупотребления алкоголем в данной возрастной группе является рвота вследствие алкогольной интоксикации [16].

В структуре распространенности заболеваний среди подростков высокие показатели приходится на травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин. По данным исследователей, 50 % травматических повреждений головного мозга молодых людей обусловлены злоупотреблением алкоголем [16]. Так, в 2012 г. в целом по России было зарегистрировано 16592,4 подростка в возрасте 15–17 лет с впервые в жизни установленными диагнозами травмы, отравления, связанными с другими последствиями воздействия внешних причин в расчете на 100 тыс. подросткового населения (рис. 6).

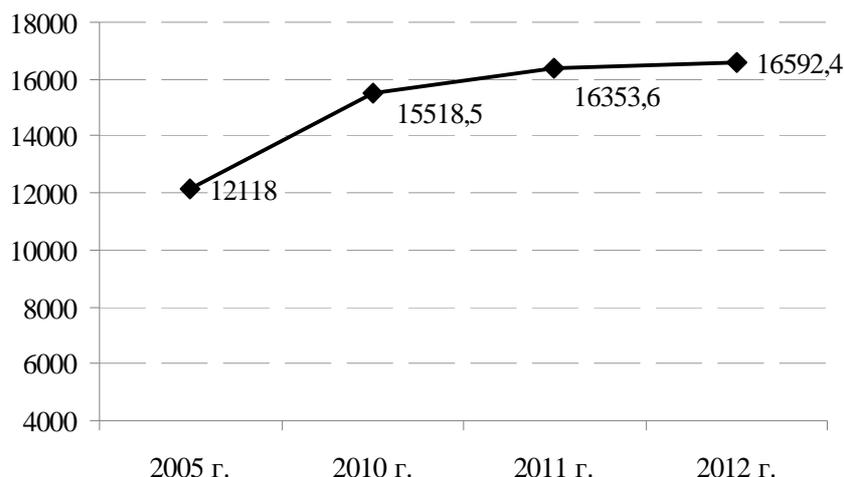

Рис. 6. Динамика первичной заболеваемости подростков в возрасте 15–17 лет по классу «травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин» в РФ (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

Как видно из рис. 6, с 2005 г. отмечается негативная тенденция увеличения количества подростков с впервые в жизни установленными диагнозами травмы, отравления, связанными с другими последствиями воздействия внешних причин.

Таким образом, злоупотребление алкоголем — важный фактор в увеличении заболеваемости (т.е. в формировании нарушений физического и психического здоровья) молодежи по ряду причин: а) несмотря на снижение показателей заболеваемости алкоголизмом, алкогольными психозами и употребления алкоголя с вредными последствиями среди лиц подросткового возраста, показатели по данным заболеваниям определяются как высокие; б) фактическое снижение показателей подростковой заболеваемости алкоголизмом, алкогольными психозами и употребления алкоголя с вредными последствиями не отражают реального снижения уровня злоупотребления алкоголем подростками, поскольку связаны с недоучетом больных, снятием с учета и т.п.; в) подростковая заболеваемость по данному классу «травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин» обусловлена, в частности, и злоупотреблением молодыми людьми алкоголем.

Список литературы

1. *Влияние* алкоголя и его суррогатов на организм подростка: методические рекомендации для интернов, клинических ординаторов и врачей-педиатров / Е.В. Стеньшинская и др. Воронеж: ВГМА, 2010. 20 с.
2. *Гурвич И.Н.* Уровни и модели употребления алкоголя подростками // Мир детства. 2002. № 2.

С. 24–31. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/63.html> (дата обращения: 20.05.2015).

3. *Дмитриева Е.Д.* Алкоголизация как специфический вариант девиантного поведения подростков // Проблемы медико-социальной реабилитации больных в психиатрии и наркологии: Тез. докл. республиканского совещания врачей психиатров-наркологов, Москва, 19 июня 1992 г. М., 1992. С. 58–60.
4. *Коробкина З.В., Попов В.А.* Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2002. 192 с.
5. *Кошкина Е.А.* Распространенность алкоголизма и наркомании среди населения России // Психиатрия и психофармакотерапия. 2002. Т. 4, № 3. С. 87–89.
6. *Кошкина Е.А., Гуртовенко В.М., Паронян И.Д., Шамота А.З.* Последствия потребления алкоголя для женщин, подростков, детей и семьи // Алкоголь и здоровье населения России 1900–2000: материалы Всерос. форума по политике в области общественного здоровья, состоявшегося в 1996–1998 годах и Всерос. конф. «Алкоголь и здоровье» (Москва, 17 декабря 1996 г.). М.: Российская ассоциация общественного здоровья, 1998. С. 233–248.
7. *Кошкина Е.А., Паронян И.Д., Константинова Н.Я.* Распространенность употребления психоактивных веществ учащимися средних учебных заведений г. Москвы // Вопросы наркологии. 1994. № 32. С. 79–83.
8. *Левочкина О.В.* Клинико-психопатологические особенности алкогольных психозов у лиц молодого возраста и подростков: автореф. дис. ...

- канд. мед. наук. М., 2011. 24 с.
9. *Министерство* здравоохранения РФ. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8029-statisticheskaya-informatsiya-2012> (дата обращения: 20.05.2015).
 10. *Москаленко В.Д.* Медицинские последствия алкоголизма и наркомании // Наркология. 2007. № 7. С. 52–57. URL: http://www.narkotiki.ru/datadepot/narkology01/2007_07_08.pdf (дата обращения: 20.05.2015).
 11. *Порядина Г.И.* Ожирение у детей: клинико-биохимическое обоснование комплекса реабилитационных мероприятий: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2012. 26 с.
 12. *Ракицкая Е.В.* Клинико-патогенетические особенности состояния здоровья подростков с синдромом вегетативной дисфункции: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Хабаровск, 2012. 48 с.
 13. *Скворцова Е.С.* Факторы риска (курение, алкоголизация, наркотизация) в образе жизни современных подростков // Актуальные проблемы медико-социальной реабилитации больных алкоголизмом и наркоманией: сб. науч. работ, посвящ. 70-летию со дня рождения и 45-летию врачебной научной и общественной деятельности д.м.н., проф. Г.М. Энтина. М.; Орел, 1994. С. 55–59.
 14. *Федоткина С.А.* Комплексное социально-гигиеническое исследование самосохранительного поведения и здоровья молодежи России: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2014. 44 с.
 15. *Харченко В.И.,* Какорина Е.П., Мишнев О.Д. и др. Алкогольная смертность // Демоскоп Weekly. 2005. № 227–228. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0227/analit05.php> (дата обращения: 20.05.2015).
 16. *Impact of alcohol consumption on young people: a systematic review of published reviews* // Newcastle University, 2009. URL: [https://www.education.gov.uk/consultations/downloadableDocs/Review%20of%20existing%20reviews%20\(Full\).pdf](https://www.education.gov.uk/consultations/downloadableDocs/Review%20of%20existing%20reviews%20(Full).pdf) (Accessed 20.05.2015).
- 2002, no 2, pp. 24–31. Available at: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/63.html>. (In Russian).
3. *Dmitrieva E.D.* [Alcoholization as a specific option of teenagers' deviant behaviour]. Problemy mediko-sotsial'noj rehabilitatsii bol'nyh v psihiatrii i narkologii: Tezisy dokladov respublikanskogo soveschaniya vrachej psihiatrov-narkologov: Moskva, 19 iyunya 1992 [Problems of medical and social rehabilitation of patients in psychiatry and narcology: Theses of reports of republic-wide meeting of psychiatrists-narcologists: Moscow, 19 June 1992]. Moscow, 1992, pp. 58–60. (In Russian).
 4. *Korobkina Z.V., Popov V.A.* Profilaktika narkoticheskoy zavisimosti u detej i molodezhi: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij [Prophylaxis of drug addiction among children and youth: Study guide for students of higher pedagogical institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2002, 192 p. (In Russian).
 5. *Koshkina E.A.* [Alcoholism and drug abuse abundance among Russia's population]. Psihiatriya i psihofarmakoterapiya [Psychiatry and psychopharmacotherapy], 2002, vol. 4, no 3, pp. 87–839. (In Russian).
 6. *Koshkina E.A., Gurtovenko V.M., Paronyan I.D., Shamota A.Z.* [Consequences of alcohol intake for women, teenagers, children and family]. Alkogol' i zdorov'e naseleniya Rossii 1900–2000: Materialy Vserossijskogo Forumy po politike v oblasti obshchestvennogo zdorov'ya, sostoyavshegosya v 1996–1998 godah i Vserossijskoj konferentsii «Alkogol' i zdorov'e», Moskva, 17 dekabrya 1996 [Alcohol and Russia's population's health 1900–2000: Proceedings of All-Russian Forum on public health politics, conducted in 1996–1998s and All-Russian conference «Alcohol and health», Moscow, 17 December 1996]. Moscow, Russian Association of Public Health Publ., 1998, pp. 233–248. (In Russian).
 7. *Koshkina E.A., Paronyan I.D., Konstantinova N.Ya.* [Abundance of psychoactive substance intake by Moscow college students]. Voprosy narkologii [Issues of narcology]. 1994, no 32, pp. 79–83. (In Russian)
 8. *Levochkina O.V.* Kliniko-psihopatologicheskie osobennosti alkogol'nyh psihozov u lits olodogo vozrasta i podrostkov: Avtoref. diss. na soisk. uchenoj stepeni kandidata meditsinskikh nauk [Clinical and psychopathological peculiarities of alcoholic psychosis among youth and teenagers: Author's abstract for procuring of degree of candidate of medical sciences]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russian).
 9. *Ministerstvo zdravoohraneniya RF* [Russian Federation Public Health Ministry]. Available at:

Получено 23.06.2015

References

1. *Vliyanie alkogolya i ego surrogatov na organizm podrostka: metodicheskie rekomendatsii dlya internov, klinicheskikh ordinatorov i vrachej-pediatrov* [Alcohol and its surrogates influence on teenager's organism: guideline for interneers, resident physicians and pediatricians]. Voronezh, N.N. Burdenko Voronezh State Medical Academy Publ., 2010, 20 p. (In Russian).
2. *Gurvich I.N.* [Levels and models of alcohol intake by teenagers]. Mir detstva [World of childhood].

- <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8029-statisticheskaya-informatsiya-2012> (Accessed 20.05.2015). (In Russian).
10. Moskalenko V.D. [Medical ramifications of alcoholism and drug abuse]. *Narkologiya* [Narcology]. 2007, no 7, pp. 52–57. Available at: http://www.narkotiki.ru/datadepot/narkology01/2007_07_08.pdf (Accessed 20.05.2015). (In Russian).
 11. Poryadina G.I. Ozhirenie u detej: kliniko-biohimicheskoe obosnovanie kompleksa reabilitatsionnyh meropriyatij: Avtoref. diss. na soisk. uchenoj stepeni kandidata meditsinskih nauk [Obesity among children: clinical and biochemical ground for rehabilitation measures complex Author's abstract for procuring of degree of candidate of medical sciences]. Moscow, 2012, 26 p. (In Russian).
 12. Rakitskaya E.V. Kliniko-patogeneticheskie osobennosti sostoyaniya zdorov'ya podrostkov s sindromom vegetativnoj disfunktsii: Avtoref. diss. na soisk. uchenoj stepeni kandidata meditsinskih nauk [Clinical and pathogenic peculiarities of state of health of teenagers with vegetative dysfunction syndrome: Author's abstract for procuring of degree of candidate of medical sciences]. Khabarovsk, 2012, 48 p. (In Russian).
 13. Skvortsova E.S. [Risk factors (smoking, alcoholization, narcotization) in lifestyle of modern teenagers]. Aktual'nye problemy mediko-sotsial'noj reabilitatsii bol'nyh alkogolizmom i narkomaniej: Sbornik nauchnyh rabot, posvyaschyonnyj 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 45-letiyu vrachebnoj, nauchnoj i obschestvebboj deyatel'nosti d.m.n., prof. G.M. Jentina [Urgent problems of medical and social rehabilitation of patients with alcoholism and drug abuse: Collection of research papers devoted to Doctor of Medicine, Professor G.M. Jentin's 70-year anniversary and 45-year-long medical, scientific and public activity]. Moscow, Orel, 1994, pp. 55–59. (In Russian).
 14. Fedotkina S.A. Kopleksnoe sotsial'no-gigienicheskoe issledovanie samosohranitel'nogo povedeniya i zdorov'ya molodezhi Rossii: Avtoref. diss. na soisk. uchenoj stepeni doktora meditsinskih nauk [Complex social and hygienic research of self-preservation behaviour and health of Russian youth: Author's abstract for procuring of degree of doctor of medical sciences: 214.02.03]. Moscow, 2014, 44 p. (In Russian).
 15. Kharchenko V.I., Kokorina E.P., Mishnev O.D., et al. [Alcohol-related mortality]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. 2005, no 227–228. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0227/analit05.php> (Accessed 20.05.2015). (In Russian).
 16. Impact of alcohol consumption on young people: a systematic review of published reviews // Newcastle University, 2009. [https://www.education.gov.uk/consultations/downloadableDocs/Review%20of%20existing%20reviews%20\(Full\).pdf](https://www.education.gov.uk/consultations/downloadableDocs/Review%20of%20existing%20reviews%20(Full).pdf) (Accessed 20.05.2015).

The date of the manuscript receipt 23.06.2015

Об авторе

Гордеева Светлана Сергеевна
ассистент кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

About the author

Gordeyeva Svetlana Sergeyevna
Teaching Assistant of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гордеева С.С. Употребление алкоголя как фактор нарушений здоровья молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 122–129.

Please cite this article in English as:

Gordeyeva S.S. Alcohol consumption as factor of violations of health of youth // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 122–129.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международные базы данных Ulrich's Periodicals Directory и EBSCO Discovery Service, в электронные библиотеки «IPRbooks», «Университетская библиотека on-line», «КиберЛенинка», «Руконт», а также в электронную систему Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Библиографические ссылки оформляются с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7-10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы** располагаются в алфавитном порядке (сначала все источники на русском, затем — на иностранных языках) в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*. Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/locate/scopus>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics [Filosofiya ekonomiki]*. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya [Monadology]. Sochineniya, Tom 1 [Works, Vol. 1]*. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii [Contribution to the Critique of Political Economy]. Sochineniya. T. 13 [Works, Vol. 13]*. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh [The Idea of a Knowledge-Based Society]. Voprosy filosofii (Questions of Philosophy)*, 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyu 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie [Archives of All Physiology]*. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он указывается в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК.
- аннотацией 500–600 знаков с пробелами.
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках.
- информацией об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- рецензией научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);

- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@vandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2015 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(21) — до 01 февраля	31 марта
в № 2(22) — до 01 мая	30 июня
в № 3(23) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(24) — до 01 октября	28 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу:

<http://philsoc.psu.ru/science/nauchnvi-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@vandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Herald* is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital libraries *IPRbooks*, *University Library On-line*, *CyberLeninka*, *Rucont* and also it is included in **Russian Science Citation Index**.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7-10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81-82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

If your article has **DOI**, you should insert it at the end of the reference.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Herald*: fsf-vestnik@yandex.ru

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirmed that the paper has not been previously published nor has it been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards.

Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for Ph.D. students.

Submission deadlines in 2015

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(21) February 1	March 31
No 2(22) May 1	June 30
No 3(23) August 1	September 30
No 4(24) October 1	December 28

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyi-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2015
Выпуск 3 (23)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь редколлегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.09.2015. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15,7.
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь для издания научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru/>

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15